

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра политологии

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

**Материалы круглого стола
кафедры политологии юридического факультета
Белорусского государственного университета**

Минск, 30 марта 2023 г.

Научное электронное издание

МИНСК, БГУ, 2023

ISBN 978-985-881-463-2

© БГУ, 2023

УДК 32(06)
ББК 66я431

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:

доктор политических наук, профессор *Н. А. Антанович* (гл. ред.);
доктор политических наук, профессор *С. В. Решетников*;
кандидат исторических наук, доцент *Л. В. Слуцкая*

Р е ц е н з е н т ы:

доктор исторических наук, доцент *В. Н. Суряев*;
кандидат социологических наук, доцент *М. Я. Тишкевич*

Закономерности трансформации политических институтов в современном мире и в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : материалы круглого стола каф. политологии юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 марта 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Н. А. Антанович (гл. ред.), С. В. Решетников, Л. В. Слуцкая. – Минск : БГУ, 2023. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-985-881-463-2.

Представлены материалы зарубежных и белорусских исследователей по актуальным проблемам современной политической науки и общественно-политической практики: научное понимание трансформаций политических институтов и проблем общественной стабильности, общие закономерности и региональные особенности трансформационных процессов в современном мире и в Республике Беларусь, вопросы обеспечения национальной и инновационной безопасности.

Минимальные системные требования:

PC, Pentium 4 или выше; RAM 1 Гб; Windows XP/7/10;
Adobe Acrobat.

Оригинал макет подготовлен в программе Microsoft Word.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Н. А. Антанович*

Подписано к использованию 26.05.2023. Объем 1,98 МБ.

Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Телефон: (017) 259-70-70.

e-mail: urir@bsu.by

<http://elib.bsu.by>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
СУЩНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ СТАБИЛЬНОСТИ	
<i>Антанович Н. А.</i> Закономерности и тенденции политических трансформаций в XXI в.....	7
<i>Василевич Г. А.</i> Президентская форма правления – важная составляющая современной системы сдержек и противовесов в Республике Беларусь.....	13
<i>Драгун Д. В.</i> «Новый правый» радикализм в современном политическом процессе.....	20
<i>Зенченко С. В.</i> Влияние миграции на формирование национальной идентичности в современном мире.....	26
<i>Лысюк А. И.</i> Питирим Сорокин об источниках социальной революции.....	32
<i>Соколовская М. Г.</i> Маскулинность как атрибут политика в Древней Греции и современные социальные вызовы.....	38
<i>Сорокин А. А.</i> Политический ритуал как технология формирования политической идентичности.....	43
<i>Сухобоченков Е. С.</i> Государственный суверенитет в условиях внутренних и внешних вызовов.....	46
УСЛОВИЯ, ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ	
<i>Алексеев С. В., Алексеев Н. В.</i> Трансформация государственно-церковных отношений в условиях глобализации.....	51
<i>Ли Цзинин</i> Международные организации как площадка для взаимодействия Китая и Индии.....	55
<i>Мамекин М. С.</i> Заканамернасці трансфармацыі палітычных партый у сучасным свеце.....	62
<i>Паречина С. Г.</i> Роль политической культуры в трансформации политических систем.....	68
<i>Побережная О. Е.</i> О роли диаспоры в управлении социальной сферой.....	71
<i>Решетников С. В.</i> Парламент и правительство как политические институты в современном обществе.....	75
<i>Рожок Е. П.</i> Институт семьи в Республике Беларусь как фактор стабильности и укрепления национальных интересов.....	79

<i>Семочкина Е. В.</i> Работа с молодежью в органах власти как фактор общественно-политической стабильности.....	85
<i>Симановский С. И.</i> Электронная демократия как фактор трансформации современных политических систем.....	89
<i>Слуцкая Л. В.</i> Возможности и пределы влияния диаспор в современном мире.....	95
<i>Сулейков А. А.</i> Концепция «непрямого управления» как осмысление деятельности институтов «мягкой силы» во внутренней политике.....	99
<i>Шевцова А. Л.</i> Специфика функционирования международных организаций в Восточной Европе в начале XXI века.....	106
<i>Шупенько Т. И.</i> Трансформация роли диаспор в современном мире.	111
<i>Zhou Yong</i> Influence of economic conditions on political institutions....	115

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

<i>Абжаппарова А. А.</i> Казахстано-китайские отношения в период пандемии COVID-19.....	119
<i>Белявцева Д. В.</i> Форумы регионов Беларуси и России как инструмент регионального развития.....	124
<i>Герасимович К. А.</i> Политика временных мер нетарифного регулирования в ЕАЭС.....	129
<i>Епрмян М. А.</i> Особенности легитимации политической власти и политические трансформации в Армении.....	133
<i>Левчук Н. Н.</i> Обеспечение инновационной безопасности Союзного государства.....	138
<i>Сащенко Н. П.</i> Идентификационные маркеры политических трансформаций в России.....	145
<i>Сковиков А. К.</i> Молодежь как объект интересов парламентских партий в России.....	151
<i>Юсупов П. В.</i> Институты и механизмы взаимодействия органов государственной власти и бизнеса в Республике Казахстан.....	156

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В XX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XXI ВВ.

<i>Абраменко Е. Г.</i> Роль Всебелорусского народного собрания в функционировании политико-правового института парламентаризма в Республике Беларусь.....	161
<i>Арутюнов А. Г.</i> Особенности развития административно-территориального деления Республики Беларусь: статус города Минска между регионом и городом.....	167

<i>Денисюк Н. П.</i> Трансформация института выборов в Республике Беларусь.....	170
<i>Земляков Л. Е., Шерис А. В.</i> Институционализация идеологии белорусского государства.....	174
<i>Олесько С.С.</i> Обеспечение баланса конституционных ценностей при реализации политических прав и свобод в цифровой конъюнктуре.....	179
<i>Ружьин И. С.</i> Трансформация белорусского общества в условиях санкционного давления зарубежных государств.....	185
<i>Северин Э. Н.</i> Конституционный фактор трансформации политической системы Республики Беларусь.....	190
<i>Скакун Е. В.</i> Региональная безопасность как фактор устойчивого развития Республики Беларусь.....	196
<i>Храмцова Ф. И.</i> Закономерности трансформационно-опережающего государственного управления в Республике Беларусь.....	202

ПРЕДИСЛОВИЕ

30 марта 2023 г. на кафедре политологии юридического факультета Белорусского государственного университета состоялся международный круглый стол на тему «Закономерности трансформации политических институтов в современном мире и в Республике Беларусь». Круглый стол прошел в смешанном формате. В проведении круглого стола приняли участие белорусские исследователи и зарубежные представители. Зарубежные исследователи представили следующие учебные и научные учреждения: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте российской Федерации, Россия; МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия; Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Россия; Казахстанский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан; ЧОУ ВО «Московский университет имени С. Ю. Витте», Россия; Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Россия.

Белорусские исследователи представили следующие учреждения: Белорусский государственный университет, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ГУ «Научно-исследовательский институт Вооруженных Сил Республики Беларусь», ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси», УВО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», УВО «Брестский государственный технический университет»; УВО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», НПООО «ОКБ ТСП».

Дискутировались следующие проблемы, значимые для развития белорусской политической науки: научное понимание трансформаций политических институтов и проблем общественной стабильности; общие закономерности и региональные особенности трансформационных процессов в современном мире и в Республике Беларусь, вопросы обеспечения национальной и инновационной безопасности. Интерес вызывали доклады Н. А. Антанович, Г. А. Василевича, Л. Е. Землякова, Н. Н. Левчука, Ф. И. Храмцовой, Д. В. Белявцевой и др. В работе круглого стола приняли участие начинающие исследователи А. Г. Арутюнов, М. А. Епремян, А. А. Сулейков, И. С. Ружьин.

Материалы сборника публикуются в редакции авторов, предоставивших свои статьи и принявших участие в проведении круглого стола. Опубликованные статьи отражают позицию их авторов.

СУЩНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

УДК 321(091)

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В XXI В.¹

Н. А. Антанович

*Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой
политологии юридического факультета БГУ, г. Минск, Беларусь, ninaant@rambler.ru*

В статье дан обзор трактовок научных законов и закономерностей, сформулированных в политической науке в XX–XXI вв. Поставлен экзистенциальный вопрос: Какова природа той модели демократии, переход к которой был заложен в транзитологической парадигме? Выявлены определённые закономерности взаимодействия общества и власти в постсоветский период (на примере Республики Беларусь). Осмысление закономерностей политического процесса и политических трансформаций XXI в. также рассмотрено через призму глобального соперничества и противостояния в рамках дихотомии «западный – незападный мир».

Ключевые слова: политический процесс; закономерности; политические трансформации; дихотомия «западный – незападный мир»; экзистенциальные вопросы.

POLITICAL PROCESS REGULARITIES AND TRENDS AND POLITICAL TRANSFORMATIONS IN THE XXI CENTURY

N. A. Antanovich

*Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science
Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus, ninaant@rambler.ru*

The article provides an overview of the interpretations of scientific laws and regularities formulated in political science in the 20th–21st centuries. Existential questions is posed: What is the nature of that model of democracy, the transition to which was laid down in the transitological paradigm? Certain patterns of interaction between society and

¹ Данная статья подготовлена в рамках НИР «2.04 «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности», № ГР 20211919 (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг.).

government in the post-Soviet period (on the example of the Republic of Belarus) are revealed. Understanding the patterns of the political process and political transformations of the 21st century. also considered through the prism of global rivalry and confrontation within the framework of the dichotomy "Western - non-Western world".

Keywords: political process; patterns; political transformations; dichotomy "Western - non-Western world"; existential questions.

Научные законы выявляют устойчивые причинно-следственные (каузальные) связи, а закономерности – лишь определенные взаимозависимости между феноменами. Закономерность – это необходимая связь, каузальность, реализующаяся и повторяющаяся при определенных условиях. Тенденции представляют собой относительно устойчивые направления развития определенного явления, процесса.

Политологи различают 1) закономерности взаимодействия политики с другими сферами общественной жизни (экономической, социальной, духовной); 2) закономерности, выражающие существенные и устойчивые связи элементов политической системы.

Закономерности формулируются в виде высказываний: 1) «если будут определенные условия и совместные интересы, то...»; 2) «конкретные условия и обстоятельства не дают возможности реализоваться определенным явлениям и процессам». Так, одна из важнейших задач науки и практики – установить возможности и пределы достижимого.

В монографии «Теория и методы в современной политической науке» разграничены группы закономерностей: закономерности эффектов политических институтов, политических механизмов в заданных условиях; закономерности незапланированных результатов политических процессов; закономерности изменений и конфликтов в политических системах; закономерности неизбежных результатов политической организации; закономерности циклических процессов в больших системах [1].

В работе белорусских ученых «Методы социологического изучения особенностей функционирования политического поля», вышедшей под редакцией Д. Г. Ротмана, В. В. Правдивца, выделяются законы политического поля. «Закон маятника» – «в политическом поле постепенно численность разнополярных группировок уменьшается, закрепляется их место в политическом спектре». «Закон отсутствия незаполненного пространства» – «пустот в политическом поле быть не может. Освободившиеся политические ниши заполняются далеко не всегда группировкой-инициатором изменений, а часто – неожиданной политической группировкой или политиком». «Закон постоянного противостояния полити-

ческих группировок», согласно которому, борьба за голоса избирателей «ведет к совершенствованию общественных отношений...» [2, с. 8-9].

К. Поппер определял закономерности как «социологические законы, отличные от исторических законов». Он, к примеру, выделил следующие закономерности: «группы давления потребителей невозможно организовать так же эффективно, как группы давления производителей»; «невозможно осуществить политическую реформу и избежать при этом последствий, нежелательных с точки зрения конечных целей реформы»; «невозможно успешно осуществить революцию, если правящий класс не ослаблен внутренними разногласиями...» и др. [3, с. 32-33].

На основе концепции «политико-экономического цикла» (В. Нордхауз) выявлена закономерность электорального цикла: перед новыми выборами любое правительство старается улучшить экономическое положение избирателей для повышения шансов на свое переизбрание. Социальные расходы в первой половине электорального цикла сокращаются, а во второй – возрастают. Политический цикл можно трактовать и как период активности определенного поколения – 25-30 лет.

Отдельное внимание уделяется закономерностям политических трансформаций. Термин «политические трансформации» относится к смысловому полю понятия «политические изменения». Трансформация – преобразование, изменение, превращение – телеогическое понятие, подразумевающее начальную и конечную точки развития. Продолжим смысловой ряд пересекающихся понятий: «политическое развитие», «политическая модернизация», «эволюционный и революционный политические процессы», «политический транзит», «демократизация», «режимная трансформация», «режимная консолидация» и т. д. Политологи работают над определением закономерностей политических изменений и трансформаций.

Во второй половине 10-х – 20-х гг. XXI в. политические изменения и трансформации затрагивают практически все государства мира. Соответственно, концепт политических трансформаций подвергся существенному расширению, в отличие от так называемой транзитологической закономерности перехода от автократии к демократии либерального типа.

Транзитология ставила вопрос: кто войдет в лагерь либеральных демократий? Мы же ставим в ответ ряд экзистенциальных вопросов: Кто принимает решение по этому поводу? Какова цена и каков смысл подобного вхождения? Какова природа той модели демократии, переход к которой был заложен в транзитологической парадигме?

Мы считаем, что первоприрода реализации принципов процедурной демократии (в которой доминируют представительные институты) и реа-

лизация народовластия, а также достижение эффективности власти – находятся в определённом противоречии. В теоретическом плане это выводит на новый уровень проблематику осмысления различных форм/моделей демократии – от индивидуалистической до идентитарной (и ее разновидностей коллективистской, непосредственной) демократии.

Характеризуя белорусскую модель демократии, председатель Постоянной комиссии по международным делам Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь А. В. Савиных отметил: «Наиболее активно демократические традиции в Беларуси стали формироваться, начиная с 90-х гг. За основу была взята советская модель с акцентом на социально-экономические права с устранением очевидных перекосов советского строя. Отсюда мы получили социальное государство и отсутствие глубокого имущественного расслоения. При этом в экономике появился сектор частных предприятий и были созданы базовые условия для обеспечения права на предпринимательскую деятельность, на самовыражение». «...Усилия Запада по насаждению западной модели демократического развития превратились в формат гибридной войны за глобальное доминирование» [4].

Социальные науки в период конца 1980 – 1990-х гг. развивалась по линии деконструкции советского научного знания и рецепции теоретической и категориальной базы западных социальных наук. В политологии постсоветских государств в период 1990-х – 2000 гг. доминировали работы, посвящённые демократизации и правам человека (главным образом, гражданским свободам и политическим правам), концепциям правового государства и гражданского общества. С начала 2000-х гг. стала накапливаться собственная эмпирическая база для теоретических обобщений и политических рекомендаций. Активней стали публиковаться ученые, обращающиеся к советскому прошлому – его нормативно-ценностному, политическому, социальному и экономическому наследию.

Три десятка лет после распада СССР показали, что нормативно-ценностные системы не столь просто разрушаются. Влияние на ментальную сферу ближайшего исторического прошлого нельзя недооценивать. Вместе с тем, проявляется тенденция укрепления этнонациональных оснований в структуре социальной идентичности, в условиях глобализации повышается роль диаспор. «Распад СССР и образование независимых государств послужили неким толчком к появлению такого этнического явления как реассимиляция. То есть, значительная часть населения, осознав свою этническую принадлежность, хочет ее сохранить, передать потомкам, пытается установить контакты с исторической родиной» [5]. Диаспоры формируют многопрофильные сети коммуникации и получа-

ют возможность влияния на экономику, политику, культуру как в странах своего происхождения, так и в странах проживания.

С нашей точки зрения можно выделить некоторые закономерности взаимодействия общества и власти в постсоветский период (на примере Республики Беларусь):

1990-е гг. – децентрализованное общество ↔ фрагментированные политические элиты → институциональная неопределенность. Институциональные изменения того периода описывает формула:

Институциональные изменения = осознание своих интересов политическими группировками + идеологическое обоснование + ресурсы (людские, материальные, организационно-мобилизационные) + возможности информационного влияния.

2000-е гг. – децентрализованное общество ↔ политическая институционализация (определение формы государственного правления) → переход к консолидации элит для максимизации выгод (как власти, так и общества); осознание национально-государственных интересов.

2010-е гг. – конкурентные межгрупповые отношения в социуме сочетались с политической мобилизацией для формирования идентичности как принадлежности к суверенному государству ↔ консолидированные элиты государственнического типа.

2020-е гг. – массовое распространение высокотехнологичных механизмов передачи информации, трансформация социальности по линии сетевизации → поиск ресурсов легитимации власти как внутри страны, так и на международной арене, актуализация поиска механизмов прямого диалога власти и общества

В ряду институтов прямого диалога власти и общества следует отметить следующие примеры: Всебелорусское народное собрание, Всекитайское Собрание народных представителей как высший орган представительной власти.

Итак, на формирование модели политической системы в том или ином государстве влияет ряд факторов: от исторических и социокультурных особенностей, доминирующих традиций и ценностей, форм идентичности, до социально-экономического развития, социальной дифференциации, внешнеполитического окружения и др.

Во второй половине 10-х – 20-е гг. XXI в. политические изменения и трансформации затрагивают практически все государства мира. В указанный период дихотомия «западный–незападный мир» в значительной степени определяет закономерности политических процессов. Д. А. Кузнецов констатирует: «Дихотомия “Запад” – “не Запад” закрепились в огромном

массиве международных исследований¹, будучи методологически и концептуально обоснованной в анализе современных международных отношений, процессов модернизации и политологической компаративистики» [6, с. 208].

Мы считаем, что осмысление закономерностей и тенденций развития политического процесса и политических трансформаций XXI в. можно рассматривать через призму глобального соперничества и противостояния: 1) закономерности в контексте глобального и регионального развития, актуальные для государств незападного мира; 2) закономерности реагирования на возникающие вызовы для государств западного мира. Необходимость выработки собственных проектов общественно-политического развития, несущих в себе идеологическую составляющую, выступает как сходная закономерность для государств различного типа. Вопросы экзистенциального характера в отношении перспектив политического развития ставятся как политиками, так и учеными, которые стремятся выступать моралистами, подниматься до уровня философского осмысления политических процессов и трансформаций в XXI в.

Библиографические ссылки

1. Теория и методы в современной политической науке: Первая попытка теоретического синтеза / под. ред. С. У. Ларсена; [пер. с англ. Е. А. Жуковой]. М.: РОССПЭН, 2009. 751 с.
2. Методы социологического изучения особенностей функционирования политического поля / под ред. Д. Г. Ротмана, В. В. Правдивца. Минск: БГУ, 2007. 139 с.
3. *Поппер К. Р.* Нищета историцизма / К. Р. Поппер // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 22–49.
4. *Савиных А. В.* Демократия и народовластие: в чем отличие? 21.12.2021. URL: <https://savinikh.by/?p=10283> (дата обращения: 21.03.2023).
5. *Калустьянц Ж. С.* Диаспора в социальной динамике современности : дис... канд. филос. наук : 09.00.11 / Ж. С. Калустьянц [Сев.-Кавказ. гос. техн. ун-т]. Владикавказ, 2007. 160 с.
6. *Кузнецов Д. А.* «Запад» / «не-запад»: новый взгляд на старую дихотомию // Вестн. МГИМО. 2016. С.207-211.

¹ См. публикации: Мартынов Б. Ф. «Запад» и «не-Запад»: прошлое, настоящее... будущее? М.: ИЛА РАН, 2015. 172 с.; Меняющийся Запад и его роль в регулировании глобальных процессов (Мировое развитие. Вып. 21) / Ред. колл.: К. Р. Вода, К. А. Годованюк, А. А. Давыдов и др. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 288 с.; А. Г. Дугин подчеркивает концептуальные противоречия западной идеологической матрицы и российского менталитета.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ – ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Г. А. Василевич

*доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного
права, БГУ, Минск, Беларусь, Gregory_1@tut.by*

В статье анализируется состоявшаяся в результате республиканского референдума от 27 февраля 2022 г. модернизация системы сдержек и противовесов, отражающая новый статус общегосударственных органов – Президента, Парламента, Правительства, Конституционного Суда, а также наделение Всебелорусского народного собрания императивными полномочиями. Подчеркивается расширение базы народного представительства в органах государственной власти.

Ключевые слова: властная парадигма, система сдержек и противовесов.

THE PRESIDENTIAL FORM OF GOVERNMENT IS AN IMPORTANT COMPONENT OF THE MODERN SYSTEM OF CHECKS AND BALANCES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

G. A. Vasilevich

*Doctor of Law, Professor, Head of the Constitutional Law Department of the Law Faculty
of Belarusian State University, Minsk, Belarus, gregory_1@tut.by*

The article analyzes the modernization of the system of checks and balances, which took place as a result of the republican referendum of February 27, 2022, reflecting the new status of national bodies - the President, Parliament, Government, the Constitutional Court, as well as vesting the All-Belarusian People's Assembly with imperative powers. Emphasizes the expansion of the base of popular representation in government bodies.

Keywords: power paradigm, system of checks and balances.

В научной литературе при характеристике государства обычно уделяют внимание форме правления. Традиционно выделяют три республиканские формы правления – президентскую республику (если говорить коротко, то в данном случае президент не только глава государства, но и глава исполнительной власти), парламентскую республику (президент является главой государства с ограниченными полномочиями по отношению к правительству, часто президент в таких республиках избирается

парламентом), смешанная по форме правления республика (примером часто называют Францию, где в зависимости от результатов выборов в Национальное собрание президент может пользоваться поддержкой большинства парламентариев и тогда положение правительства находится в устойчивом состоянии, либо такая поддержка отсутствует и тогда исполнительная власть находится в зависимости от парламента, тем самым ослабляется статус Президента).

В президентских республиках правительство менее самостоятельно, иногда не представляет собой коллегиальный орган с властными полномочиями. В государствах парламентарной формы правления правительство является коллегиальным органом, олицетворяющим исполнительную власть. Такое правительство несет ответственность перед парламентом, обычно его формирующим, за состояние дел в государстве и обществе. Поэтому в этом случае ему очень важно пользоваться доверием большинства членов парламента.

Правительство не только подотчетно Президенту, но и ответственно перед Парламентом Республики Беларусь. Это проявляется в даче предварительного согласия Президенту на назначение Премьер-министра, заслушивании доклада Премьер-министра о программе деятельности Правительства и др. (пп. 4, 5 части первой ст. 97 Конституции), а также в выражении Палатой представителей вотума недоверия Правительству или отказе со стороны нижней палаты Парламента в доверии Правительству.

Исходя из положений Конституции о статусе Всебелорусского народного собрания, следует вывод, что оно является не только высшим коллегиальным представительным, но и высшим нормотворческим органом, так как его акты по юридической силе выше даже законов. Данное суждение следует из того, что решения Всебелорусского народного собрания являются обязательными для исполнения и могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности, за исключением актов судебных органов. Будет много зависеть от трактовки того, что следует понимать под интересами национальной безопасности.

Республика Беларусь, на наш взгляд, изначально, то есть со времени принятия в 1994 г. Конституции, проведения президентских выборов и вступления избранного Президента в должность, являлась президентской республикой именно по причине наличия у Главы государства мощных полномочий по отношению к Правительству. Хотя в литературе приводились аргументы в пользу смешанной республики. Определенные доводы имели под собой почву, но в целом они не влияли на нашу позицию в

части определения формы правления. После референдума 1996 г. также были публикации в пользу, якобы, трансформации в сторону смешанной президентской формы правления. Однако референдум 1996 г. был нацелен на усиление взаимодействия всех властных структур в рамках системы, где доминирует Глава государства. Это объективный процесс, обусловленный необходимостью решения тех проблем и задач, которые все более обострялись, начиная с конца 80-х, начала 90-х годов прошлого столетия. Поэтому и до вступления в силу изменений и дополнений Конституции 15 марта 2022 г. наша республика оставалась президентской. А что в настоящее время? Какая по форме правления республика?

Отметим, что в какие-то лаконичные определения трудно вписать. Возможно исследователи предложат свое емкое наименование. То, что Президент Республики Беларусь остался Главой государства и главой исполнительной власти – это несомненно. И сейчас, и после референдума 1996 г. он юридически оставался главой исполнительной власти, хотя непосредственно в Конституции на это не указывалось. Ведь Президент самостоятельно формирует Правительство (лишь в отношении назначения Премьер-министра следует получить предварительное согласие Палаты представителей), определяет его структуру, принимает решение об отставке Правительства, отменяет любые его решения, вправе председательствовать на его заседаниях и др.

Если в целом оценивать концепцию изменений и дополнений Конституции, то есть основания утверждать о сохранении базовых конституционных ценностей и лишь о модернизации Конституции, что наиболее наглядно проявилось в совершенствовании вертикальной структуры системы сдержек и противовесов. На горизонтальном уровне существенных изменений не произошло: сохранилась ранее сложившаяся парадигма властных отношений между органами представительной и исполнительной власти.

Конституция содержит нормы, которые могут придать новые импульсы работе представительных органов, то есть тех институтов власти, которые наиболее близки к народу. Представительная демократия способна исключить консервацию системы отношений, дать гражданам больше возможностей для самовыражения. Представительная демократия реализуется посредством избрания гражданами своих представителей в органы публичной власти, а также органы общественного территориального самоуправления [1, с. 5-14]. Они не относятся к законодательной ветви власти, тем более – к исполнительной ветви.

Президент является высшим единоличным представительным органом. Если обратиться хотя бы к статьям 79 и 84 Конституции, то можно увидеть его важнейшую роль в системе сдержек и противовесов. Однако

наряду с ним получил конституционный статус такой орган как Всебелорусское народное собрание (в дальнейшем, если не предусмотрено иное, – ВНС), наделенное правом решать самые важные вопросы государственной и общественной жизни. По сути, за ним – принятие стратегий и программ долговременного характера. Всебелорусское народное собрание определяет стратегические направления развития общества и государства, обеспечивает незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие.

При конструктивном сотрудничестве Президента со Всебелорусским народным собранием можно утверждать о существовании президентской по форме правления республики. Однако при наличии конфликта между ветвями власти президентская республика может трансформироваться в республику, в которой доминирует коллегиальный представительный орган надпарламентского типа – Всебелорусское народное собрание.

Статус ВНС принципиально отличается от статуса ранее проводимых, начиная с 1996 г., раз в пять лет Всебелорусских народных собраний. Они являлись органами с совещательными полномочиями. Рекомендуемые в его резолюциях решения реализовывались посредством издания актов Главы государства, Правительства, принятия законов. Делегаты ранее проводимых Всебелорусских народных собраний не имели постоянного статуса. Сейчас ситуация принципиально меняется. В соответствии со ст. 89–1 Всебелорусское народное собрание (далее – ВНС, если не указано иное) становится высшим представительным органом народа Республики Беларусь (как сказано в Конституции – высшим представительным органом народовластия). Оно определяет стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающие незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие.

Исходя из положений Конституции о статусе ВНС, следует вывод, что оно является не только высшим коллегиальным представительным, но и высшим нормотворческим органом, так как его акты по юридической силе выше даже законов. В этой связи важно обеспечить наиболее высокую степень легитимности при формировании ВНС и его функционировании, уделить особое внимание повышению его авторитета среди граждан. При широкой трактовке полномочий Всебелорусского народного собрания, полагаем, что оно имеет возможности для отмены решения Президента об отставке Правительства или роспуске палат Парламента. Однако более определенно по данному вопросу может высказать свою позицию Конституционный Суд при возникновении необходимости протолковать соответствующие нормы Конституции.

Право Всебелорусского народного собрания заслушать отчет Премьер-министра о выполнении социально-экономического развития Республики Беларусь (п. 3 ст. 89-3 Конституции), право Всебелорусского народного собрания отменять правовые акты Правительства, если они противоречат национальным интересам, право Президента отменять любые акты Правительства (п. 25 ст. 84) отражает новую парадигму властных отношений в системе координат – Президент, Всебелорусское народное собрание, Правительство. Возможны разногласия между Президентом и Всебелорусским собранием, когда, например, Всебелорусское народное собрание решит отменить акт Правительства, хотя Президент полагает постановление Правительства вполне приемлемым и с точки зрения соответствия закону и с точки зрения целесообразности его действия. В то же время конституционные полномочия Всебелорусского народного собрания позволяют ему отменить акт Президента об отмене акта Правительства, то есть восстановить действие акта Совета Министров, если идет речь о национальной безопасности. Конечно, это крайние ситуации, но потенциально они возможны в условиях напряженного конфликта интересов. Их необходимо избегать. В литературе обращается внимание на различные механизмы (процедуры) разрешения конфликта. Указывается на согласительные, судебные и иные процедуры [2, с. 153-199].

Согласно изменениям и дополнениям, внесенным в Конституцию Республики Беларусь, значительно расширяются полномочия палат Парламента в кадровой сфере. Дополнительными полномочиями наделяется Конституционный Суд. Он получает право осуществлять толкование Конституции (ранее таким правом обладал Парламент). По предложению Президента он вправе проверять конституционность проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию; о соответствии Конституции законов, принятых Парламентом, до их подписания Президентом.

Ранее все законы до их подписания Президентом в порядке предварительного контроля проверялись на соответствие Конституции. Такая практика была введена Декретом Президента от 26.06.2008 №14 «О некоторых мерах по совершенствованию деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь». Практика показала, что сплошной конституционный контроль законов до их подписания является излишним. Кроме того, отсутствовала состязательность при рассмотрении такого рода дел. На недостатки сплошного предварительного конституционного контроля автором обращалось внимание в ряде публикаций [3, с. 208]. Предлагалось определить круг наиболее важных законов, которые подлежат предварительной проверке в Конституционном Суде до их подпи-

сания Президентом [3, с. 208]. Полагаем, что в нашей Конституции найден еще более рациональное решение, хотя оно и повторяет в определенной степени подход российского законодателя. Однако это не умаляет заслуги разработчиков проекта изменений. Всегда существовала практика использования лучшего зарубежного опыта.

Согласно новой редакции ст. 100 Конституции Беларуси Президент вправе в течение 14-дневного срока, который отводится ему на подписание закона либо его возврата в Парламент, обратиться в Конституционный Суд с предложением о проверке конституционности закона. Как и в Российской Федерации срок для подписания такого закона приостанавливается на время рассмотрения предложения Конституционным Судом. Заключение Конституционного Суда Беларуси должно быть принято в более короткие сроки – не позднее десяти дней со дня внесения Президентом соответствующего предложения. Если Конституционный Суд подтвердит конституционность закона, Президент подписывает его в пятидневный срок со дня принятия Конституционным Судом соответствующего заключения. В случае признания Конституционным Судом закона, не соответствующим Конституции, Президент возвращает его в Палату представителей. В связи с этим выскажем некоторый комментарий к данным нормам Конституции. Полагаем, что Президент может фактически не подписать закон и после проверки его конституционности. Но по истечении 14-дневного срока, с учетом срока приостановления, он должен считаться подписанным. На наш взгляд, Президент в рамках установленного срока и после подтверждения конституционности закона вправе также его вернуть в Парламент для повторного рассмотрения по иным причинам, не связанным с несоответствием Конституции. Конечно, практика правоприменения покажет, как будут реализованы указанные нормы Конституции.

Существенно усиливает влияние Правительства на социально-экономическую сферу тот факт, что в настоящее время законопроекты, следствием принятия которых может быть сокращение государственных средств, создание или увеличение расходов, вносятся в Палату представителей при наличии заключения Правительства (ранее – с согласия Президента либо по его поручению – Правительства). Выскажем предположение, что такая позиция Правительства также становится важной и при подготовке проектов указов Президента, особенно, если уже состоялось одобрение Палатой представителей программы деятельности Правительства.

Следует учитывать, что, если ранее декреты и указы Президента Республики Беларусь относились к законодательным актам, а декреты даже считались по юридической силе выше законов, то согласно новым

изменениям декреты как вид актов исключаются из конституционного текста, а указы и распоряжения Президента должны соответствовать законам. Таким образом складывается новая правовая пирамида, на вершине которой находятся Конституция и законы. На практике, на наш взгляд, возникнут вопросы о роли и значении директив Президента. Они ранее и в настоящее время в Конституции не упоминаются. Но в Законе «О нормативных правовых актах» директивы отнесены к указам программного характера. На данный момент принято десять директив. Лишь одна, первая директива, утверждена указом. Остальные директивы были оформлены как самостоятельные акты. С учетом пересмотра полномочий Президента и появления в политической системе Всебелорусского народного собрания полагаем, что директивы утратят свою прежнюю роль программного документа.

В процессе работы над проектом закона о внесении изменений и дополнений в Конституцию, которые были предложены на референдум 2022 года, автором данной статьи, в частности, предлагалось сохранить за Президентом право издавать декреты в случае особой необходимости в период, когда нет сессии Парламента, включая и по причине его роспуска, а также сохранения статуса указов Президента на уровне законов. В настоящее время указы не должны противоречить законом, что, на наш взгляд, не находится в гармонии с правовым положением Президента, указанным в статье 79 Конституции. В нынешнее беспокойное время в мире эти полномочия Президента вполне были бы уместны.

Библиографические ссылки

1. Местное самоуправление в Беларуси и зарубежных странах / Г. А. Василевич [и др.]; под общ. Ред. Г. А. Василевича и Г. Г. Куневича; Белорусский государственный университет. – Минск: Право и экономика, 2022. – 400 с.

2. Юридический конфликт : монография / О. А. Акопян, С. Б. Балахаева, А. А. Головина [и др.]; отв. ред. Ю. А. Тихомиров. – М. ИНФРА-М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2017. – 312 с.

3. *Василевич Г. А.* Проблемы оптимизации конституционного контроля в Республике Беларусь. – Конституционный контроль: современные тенденции развития и совершенствования: материалы Междунар. конф., посвящ. 20-летию Конституционного Суда Республики Беларусь (Минск, 27–28 июня 2014 г.) / Конституционный Суд Республики Беларусь; ред. кол. О.Г. Сергеева [и др.]. – Минск: Белорусский Дом печати, 2014. – 256 с.

«НОВЫЙ ПРАВЫЙ» РАДИКАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Д. В. Драгун

*Преподаватель-стажер кафедры политологии, БГУ, Минск, Беларусь,
dragun.dim@yandex.ru*

Статья посвящена выявлению особенностей «нового правого» радикализма в современном политическом процессе. В статье сформулирована авторская интерпретация идеологием «новых правых», произведена классификация течений «новых правых», рассмотрены причины укрепления электоральных позиций «новых правых» политических партий и движений.

Ключевые слова: радикализм, правый радикализм, «новые правые», «радикальные новые правые», «крайние новые правые».

«NEW RIGHT» RADICALISM IN THE MODERN POLITICAL PROCESS

D. V. Dragun

*Lecturer-trainee of the Department of Political Science, BSU, Minsk, Belarus,
dragun.dim@yandex.ru*

The article is devoted to identifying the features of the "new right" radicalism in the modern political process. The article formulates the author's interpretation of the ideologemes of the "new right", classifies the currents in the ideology of the "new right", considers the reasons for strengthening the electoral positions of the "new right" political parties and movements.

Keywords: radicalism, right-wing radicalism, "new right", "radical new right", "extreme new right".

В условиях общемировой экономической и социально-политической турбулентности рост популярности праворадикальных политических партий и движений становится важной тенденцией развития современного политического процесса. Правый радикализм как социально-политическое явление оформляется в 1920 – 30-е гг. в связи с укоренением фашизма и национал-социализма на фоне острых социально-экономических кризисов в Италии и Германии соответственно [1, с. 20]. Несмотря на изначальные успехи Королевства Италия при Б. Муссолини и III Рейха при А. Гитлере в преодолении экономических проблем [2,

с. 194-195], фашизм и национал-социализм были дискредитированы и подверглись запрету, что было закреплено, в частности, по результатам Нюрнбергского процесса [3, с. 561-740].

Это, тем не менее, не означало полного исчезновения политических партий подобного профиля. Так, весомую роль в электоральном процессе Федеративной Республики Германия в 1949–76 гг. играли праворадикальные «партии-преемницы» Национал-социалистической партии Германии: Немецкая имперская партия, Социалистическая имперская партия и Национал-демократическая партия Германии. Данный факт объясняется неэффективностью политики «денацификации», проводимой на территории американской, британской и французской оккупационных зон [4, с. 276-278].

В конце 1960-х – середине 70-х гг. происходит трансформация праворадикального движения, связанная с отходом от классических неофашистских и авторитарных черт к «более культуралистской аргументации ксенофобских убеждений» [5, с. 98]. Результатом данной трансформации стало возникновение идеологии «новых правых», последователи которой являются наиболее активными представителями современного правого радикализма.

Исторической родиной движения «новых правых» является Франция. По окончании Второй мировой войны идеи крайне правых, бывших приверженцами коллаборационистского режима Виши, оказались под запретом, что повлекло невозможность их активного участия в политической жизни страны. Выходом из данной ситуации стало учреждение «Группы изучения и исследования европейской цивилизации» (GRECE), объединившей вокруг себя наиболее известных представителей «новых правых», среди которых особого упоминания заслуживают А. де Бенуа, Г. Фай, Д. Веннер, П. Виаль. В рамках данной организации были осмыслены причины неэффективности традиционного правого радикализма и предложены некоторые траектории его модернизации.

Термин «новые правые» изначально не был самоназванием движения. Впервые он был употреблён в марте 1978 г. французским журналистом Ж. Комтом в статье о «Группе изучения и исследования европейской цивилизации», опубликованной в газете Le Monde [6, с. 159].

В настоящее время термин «новые правые» используется для обозначения «идеологии, в основе которой лежит идея сохранения, реализации и воспроизводства однородного типа общества с этнической и культурной точки зрения, развивающегося в рамках либерально-демократической системы» [7, с. 90].

Из приведенного выше определения следует, что основополагающей идеологемой движения «новых правых» является отрицание мультикуль-

туризма, относительно которого сложился идеологический консенсус европейских социал-демократических, леволиберальных и неолиберальных политических партий. Представители «новых правых» отстаивают гомогенную модель этнической идентичности в обществе, которая предполагает приоритет принципа права крови (*jus sanguinis*) перед принципом права почвы (*jus soli*) при предоставлении гражданства.

Другими идеологемами «новых правых», относительно которых сложился консенсус у отдельных представителей идеологии, следует назвать:

1. Критика сложившейся демократической системы как коррупционной, излишне элитарной и игнорирующей потребности населения;
2. Приоритет национальных интересов над интересами международного сообщества и транснациональных корпораций;
3. Критика существующих наднациональных интеграционных образований как механизмов укрепления социально-экономических проблем отдельных членов;
4. Уменьшение роли государства в экономической жизни [5, с. 98-99].

С точки зрения «новых правых» партий, идеальное европейское государство должно всегда оставаться национальным, независимым от наднациональных институтов власти, поддерживающим культуру и рождаемость коренного населения, свободным от власти партократии и максимально нейтральным в международных делах.

При этом тезис об отказе от принципа многопартийности в пользу «народной воли», санкционирующей наделение избранного актора полномочиями по широкому кругу вопросов, является дискуссионным в «новой правой» среде и решается отдельными национальными партиями в зависимости от политико-культурного контекста соответствующей страны.

Отношение к сложившемуся конституционному строю можно рассматривать в качестве критерия для выделения в идеологии «новых правых» следующих течений:

1. Радикальные «новые правые», стремящиеся к коренному системному преобразованию модели взаимоотношения национального государства и наднациональных интеграционных образований, пересмотру миграционной политики государства. При этом декларируется поддержка существующего конституционного строя, а преимущественными в достижении целей считаются парламентские средства борьбы;
2. Крайние «новые правые», для которых характерна критика существующего конституционного строя, партийной и электоральной систе-

мы. При этом приемлемыми считаются как конвенциональные, так и неконвенциональные средства борьбы [8, с. 58-59].

Выход «новых правых» партий на политическую арену и укрепление их электоральных позиций является следствием ухудшения социально-политической и экономической ситуации в ряде стран Европейского союза под воздействием нескольких групп факторов:

I. Этнополитические:

- увеличение миграционных потоков из стран Магриба и субэкваториальной Африки;
- рост числа насильственных преступлений, совершаемых лицами, имеющими статус мигранта;
- возрастание уровня террористической угрозы и радикального исламизма.

II. Социально-экономические:

- рост уровня безработицы;
- ослабление социальных программ поддержки населения;
- политика «жесткой» экономии;
- перераспределение денежных потоков в пользу «новых» стран Европейского союза.

III. Политико-правовые:

- уменьшение суверенных прав национальных государств в сфере осуществления социально-экономической политики;
- непрозрачность процедуры принятия решений в наднациональных общеевропейских органах власти;
- неопределенность конечных результатов интеграционных процессов [9, с. 14].

Следует отметить, что для современного этапа партийного строительства в Республике Беларусь характерны принципы незыблемости основ конституционного строя и гражданского согласия, выраженные Президентом Республики Беларусь в следующей формулировке: «Не с левыми, не с правыми – с народом» [10]. В духе данной формулы в целях совершенствования подходов к созданию и деятельности политических партий и других общественных объединений в законодательство Республики Беларусь внесены изменения и дополнения, которые определяют универсальные цели и задачи политических партий, закрепляют повышение минимального порога численности их учредителей (членов) до пяти тысяч человек и устанавливают обязательное наличие организационных структур во всех областях и г. Минске, а также не менее чем в одной трети районов каждой из областей и не менее чем в одной трети районов г. Минска [11].

Таким образом, наиболее активными представителями современного правого радикализма являются «новые правые», в основу идеологии которых положена идея о построении общества в соответствии с моделью гомогенной этнической идентичности.

Основными идеологемами «новых правых» являются: критика актуальных моделей представительной демократии; приоритет интересов государства-нации над интересами международных акторов; отрицание мультикультуризма; оценка существующих наднациональных интеграционных образований как малоэффективных; снижение уровня государственного вмешательства в экономику. В среде «новых правых» существует дискуссия об актуальности принципа многопартийности, его корреляции с принципом «прямого осуществления народной воли».

В качестве критерия для типологизации представителей идеологии «новых правых» предлагается использовать отношение к сложившемуся конституционному строю. Радикальные «новые правые», признавая легитимность существующего конституционного строя, выступают за его системное реформирование в части взаимоотношений национального государства и наднациональных интеграционных образований, миграционной политики государства. В то же время крайние «новые правые» выражают скептицизм в отношении основополагающих принципов существующего конституционного строя.

Библиографические ссылки

1. *Випперман В.* Европейский фашизм в сравнении: 1922–1982 Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 232 с.
2. *Туз А.* Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 864 с.
3. Нюрнбергский процесс : Сборник материалов. В 8 т. / отв. ред. Н. С. Лебедева. М. : Юрид. литература, 1999. Т. 8. 792 с.
4. *Эппле Н. В.* Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах М. : Новое лит. обозрение, 2020. 576 с.
5. *Ариба О. И., Татунц С. А.* Особенности правого радикализма в европейских странах // Гос. служба. 2013. № 1. С. 98-101.
6. *McCulloch T.* The Nouvelle Droite in the 1980s and 1990s: Ideology and Entryism, the Relationship with the Front National / T. McCulloch // French Politics. 2006. № 4. P. 158-178.
7. *Смирнова Е. С.* Новый правый радикализм во Франции // Скиф. Вопр. студенческой науки. 2018. № 1. С. 88-95.
8. *Драгун Д. В.* Радикализм и экстремизм в современном политическом процессе // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Филос.-гуманитар. науки: сб. науч. статей. Минск : РИВШ, 2022. Вып. 21, ч. 1 : Политические науки С. 54-61.

9. Грибовский В. С. Правые партии «политической альтернативы» в Германии, Австрии и Швейцарии : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / В.С. Грибовский ; Ин-т Европы РАН. М., 2019. 26 с.

10. Лукашенко о своей формуле в партийном строительстве: не с левыми, не с правыми – с народом [Электронный ресурс] // БелТА. 2021. URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-o-svoej-formule-v-partijnom-stroitelstve-ne-s-levymi-ne-s-pravymi-s-narodom-436465-2021>. (дата доступа: 19.03.2023).

11. Александр Лукашенко подписал Закон об основах гражданского общества и поправки в законы о деятельности партий [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. 2023. URL: <https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-podpisal-zakon-ob-osnovah-grazhdanskogo-obshchestva-i-popravki-v-zakony-o-deyatelnosti-partiy>. (дата доступа: 19.03.2023).

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

С. В. Зенченко

кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин исторического факультета БГПУ, г. Минск, Беларусь, sergzenbox.by@tut.by

Актуализирована проблема влияния миграционных процессов на трансформацию национальной идентичности в современных условиях глобализации. Показано, что национальная идентичность формируется не только под воздействием общего исторического прошлого, языка, культуры, религии, но и детерминировано современными, насущными политическими, социально-экономическими, территориальными связями и интересами, а также видением стратегии развития будущего как принимающего социума, так и мигрантов, которые выступают фактором их интеграции.

Ключевые слова: миграция, национальная идентичность, интеграция, трансформация.

IMPACT OF MIGRATION ON THE FORMATION OF NATIONAL IDENTITY IN THE MODERN WORLD

S. V. Zenchenko

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian disciplines of the Faculty of History of the Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Belarus, sergzenbox.by@tut.by

The problem of the influence of migration processes on the transformation of national identity in the current conditions of globalization has been updated. It is shown that national identity is formed not only under the influence of a common historical past, language, culture, religion, but also determined by modern, pressing political, socio-economic, territorial ties and interests, as well as a vision of the future development strategy of both the host society and migrants which act as a factor of their integration.

Keywords: migration, national identity, integration, transformation.

Под воздействием глобализации, цифровизации, геополитического противостояния происходит изменение количественных и качественных характеристик миграционных процессов и векторов их направленности, усиление их влияния не только на социально-экономическое, политическое развитие государств и регионов мира, но и на трансформацию

национальной идентичности. По данным Международной организации по миграции (МОМ) «в 2020 г. в мире, в общем, насчитывалось 281 млн. мигрантов или 3,6% от всего населения земного шара. В Европе проживают 87 млн. иностранных трудящихся, а в странах Азии – 86 млн. (более 60% от всего количества мигрантов). В государствах Северной Америки находятся 59 млн. международных мигрантов, что составляет 21% всех глобальных миграционных потоков» [1]. Значителен вклад мигрантов в социально-экономическое развитие, как государств-доноров, так и государств-реципиентов. Так, в 2020 г. «трудящиеся-мигранты отправили в страны своего происхождения 702 млрд. долларов» [1], что позволяло снимать социальную напряженность на местных рынках труда, обеспечить достаточный уровень материального благополучия, стимулировать потребительский спрос и рост производства и сферы услуг. В тоже время в государствах прибытия мигрантов решается вопрос дефицита квалифицированной рабочей силы, особенно в сферах здравоохранения и производства, улучшается демографическая структура населения в развитых странах. Кроме того, легальные трудовые мигранты пополняют фонды социального обеспечения посредством уплаты налогов. В то же время миграция изменяет этнокультурный и конфессиональный ландшафт в государствах-реципиентах, тем самым оказывает существенное воздействие на трансформацию национальной идентичности. Возвращаясь на родину, мигранты обогащают страны-доноры новыми технологиями, культурными традициями, инновационными паттернами социального поведения. Таким образом, в результате миграции изменениям подвергается национальная идентичность, как в странах прибытия, так и в государствах выезда.

Под национальной идентичностью в современной российской политической науке понимается «разделяемое всеми гражданами представление о своей стране, ее народе, чувство принадлежности к своей стране и народу. Основу национальной идентичности составляют базовые национальные ценности и общая историческая судьба» [2, с. 402].

Инструментами формирования национальной идентичности являются развитие и укоренение представлений у населения государства о гражданской нации и патриотизме, об общности социально-экономических, политических, культурных интересов, единства видения стратегии развития совместного будущего страны.

Гражданскую нацию можно определить как политическую идентичность, объединяющую людей в солидарную общность вокруг ценностей национального суверенитета государства их проживания и его идеологии, единства подходов по формированию и реализации перспективной политики по развитию устойчивого будущего страны.

В белорусской политической науке дифференцированы категории «гражданская идентичность» и «этническая идентичность». Под «гражданской идентичностью» понимается как «осмысление индивидам своей принадлежности к тому или иному государству», так и «феномен массового самосознания государства, которое отражает единство коллективных идей» [3, с. 160]. В понятие «этнической идентичности» вкладывается «осмысление человеком себя как представителя того или иного этноса, и как результат, отделения себя от других» [3, с. 160].

В современных условиях глобализации, депопуляции населения в развитых странах, масштабных миграционных перемещений, оказывающих все большее влияние на сферы общественной жизни, перед каждым государством встает задача сохранения, укрепления, развития и конструирования национальной идентичности, которая бы выступала фактором интеграции, как граждан страны. В данном направлении институты государственной власти Беларуси реализуют последовательную, системную, комплексную политику. В Преамбуле Конституции Республики Беларусь подчеркивается «неотъемлемое право белорусского народа на сохранение национальной самобытности» [3, с. 3].

Внесенные в Конституцию Республики Беларусь на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. изменения и дополнения будут способствовать дальнейшему конструированию, развитию и укреплению национальной идентичности белорусских граждан посредством объединения вокруг ценностей идеологии белорусского государства. Так, в статье 4 подчеркивается, то, что «демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства» [4, с. 4].

В современном мире все страны полиэтничны, населены представителями разных этносов с отличными друг от друга культурами. Миграционные процессы в значительной степени усиливают мультикультурное разнообразие. Мигранты в государствах-реципиентах оказываются в инородной этносоциальной среде, активно взаимодействует с принимающим сообществом, изменяют его и формируют новое культурное поле, трансформирующее социум. Национальная идентичность формируется под воздействием не только общего исторического прошлого, языка, культуры, религии, но и детерминировано современными, насущными политическими, социально-экономическими, территориальными связями и интересами, что выступает фактором интеграции мигрантов и местного населения. Наличие общих целей построения стабильного, благополучного государства, направленного на обеспечения социально-экономических, культурных потребностей и интересов, как граждан, принимающего государства, так и мигрантов выступает значимым объ-

единяющим аспектом, который постепенно становится основой национально-государственной идентичности.

Национально-государственная идентичность предполагает политическую стратегию участия во властных отношениях с целью реализации социально-экономических интересов. Доступ этнических меньшинств к гражданским правам является фактором обеспечения мира и стабильности в отдаленных государствах, консолидации разных этносов в гражданскую нацию. В статье 11 Конституции белорусского государства гарантируется то, что «иностранные граждане и лица без гражданства на территории Беларуси пользуются правами и свободами и исполняют обязанности наравне с гражданами Республики Беларусь, если иное не определено Конституцией, законами и международными договорами» [4].

В статье 15 Конституции Республики Беларусь отмечается «государство ответственно за сохранение историко-культурного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь» [4]. Соответственно национально-государственная идентичность является формой политической идентификации, под которой в белорусской политологии понимается «обогащение индивида необходимой суммой знаний о политической культуре общества, что дает возможность человеку быть похожим на других граждан общества, почувствовать себя частью гражданского общества» [4].

Важным фактором формирования гражданской нации в мультикультурном обществе является разработанная система политико-правовых, институциональных, организационных механизмов интеграции мигрантов в принимающих социум, позволяющих эффективно адаптировать к политической культуре страны-реципиента. Республика Беларусь – многоконфессиональное и полиэтническое государство, имеющую богатую историю религиозного и этнического мира и согласия. Проживающие на ее территории белорусы, русские, поляки, украинцы, евреи, татары, армяне, азербайджанцы, благодаря солидарному принятию ценностей белорусской политической культуры, вносили свой вклад в социально-экономическое, политическое, культурное развитие Беларуси.

В отличие от многих государств бывшего Советского Союза, конструирующих национальную идентичность на основе этничности, независимая Республика Беларусь начала строить гражданскую нацию, что впоследствии позволило избежать этноконфессиональных конфликтов, которые активизировались на постсоветском пространстве, унесли тысячи жизней.

Российский исследователь В. А. Суворова выделяет основные типы политико-правовых режимов для иммигрантов, в первую очередь трудовых, находящихся в стране. «Национальный режим характеризуется тем, что иностранные граждане и лица без гражданства приравниваются в правах и обязанностях к собственным гражданам в определенных сферах общественной и гражданской жизни. Специальный режим предусматривает установление особых правил для поведения иностранных граждан, в силу которых их правовой статус существенно отличается от соответствующего статуса граждан страны пребывания. Сутью режима наибольшего благоприятствования является то, что гражданам договаривающихся государств будут предоставлены такие права, какими пользуются или будут пользоваться граждане любого третьего государства. Привилегированный режим определяется тем, что иностранные граждане пользуются большим объемом прав, чем граждане данного государства» [5, с. 17].

Анализ законодательной базы позволяет говорить о формировании в Беларуси национального режима пребывания мигрантов с элементами специального, характеризующегося приравниванием иностранных граждан и лиц без гражданства в правах и обязанностях к собственным гражданам в определенных сферах общественной и гражданской жизни, в первую очередь, в социально-экономической, культурной, хотя и не в полной мере. В то же время, сохранялись особые правила для поведения иммигрантов в политической сфере. Приобретая гражданство Республики Беларусь бывшие мигранты становятся полноправными участниками политического процесса.

Эффективным инструментом конструирования национально-гражданской идентичности в условиях масштабных миграционных перемещений является система образования. Особенно важную интегрирующую роль играет блок социально-гуманитарных дисциплин в средней школе в виде «Истории Беларуси», «Всемирной истории», «Обществоведения». В учреждениях высшего образования такое значение имеет «История белорусской государственности», «Политология», «Философия», «Социология», «Современная политэкономика», «Культурология», «Основы права» и т. д. Именно эти дисциплины способны оказывать существенное воздействие в формировании как у граждан принимающего сообщества, так и мигрантов национально-государственную идентичность посредством их приобщения к политической и правовой культуре страны-реципиента.

Таким образом, национальная идентичность является присущей солидарной гражданско-политической общности, объединенной ценностями поддержания и развития государственного суверенитета, существу-

ющей в данной стране политической культуры. Соответственно национальная идентичность непосредственно связана с гражданскими правами и обязанностями, с исполнением гражданского долга перед государством, с одинаковыми позициями по отношению к социально-экономическому, политическому, культурному строительству настоящего и единым подходом к стратегии развития будущего. Гражданская модель национальной идентичности, реализуемая, в том числе в Республике Беларусь, позволяет эффективно интегрировать в принимающее общество посредством приобщения их к ценностям политической культуры, целей, задач, принципов идеологии государства прибытия.

Библиографические ссылки

1. За последние 50 лет число международных мигрантов выросло в три раза [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/12/1414772>. (дата доступа: 18.02.2022).
2. Тишков В. А., Шабает Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности: учебник для вузов. М.: Изд-во Московск. ун-та, 2013. 413 с.
3. Шынкароў В. В., Раманава С. В. Беларускі палітычны слоўнік. Минск : Адукацыя і выхаванне, 2011. 576 с.
4. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Минск : Национальн. центр правовой информации, 2023. 80 с.
5. Суворова В. А. Современная иммиграционная политика Российской Федерации: политико-правовой и институциональный аспекты: автореф... канд. полит.наук: 23.00.02 / Гос. ун-т управления. М, 2008. 25 с.

ПИТИРИМ СОРОКИН ОБ ИСТОЧНИКАХ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А. И. Лысюк

*доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент кафедры
политологии и социологии БрГУ имени А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь,
ailysiuk@list.ru*

В статье исследуются представления выдающегося социолога Питирима Сорокина об источниках социальных революционных, взятых в широком историческом контексте. Указывается, что основным фактором революций являются подавление базовых инстинктов широких социальных масс, ограничение свободы и самореализации, вырождение властвующей элиты. Подчеркивается неизбежность стадии контрреволюции как второго этапа революции.

Ключевые слова: социальная революция; контрреволюция; реформы; элиты; социальная стратификация.

PITIRIM SOROKIN ON SOURCES OF SOCIAL REVOLUTION

A. I. Lysyuk

*Doctor of political sciences, candidate of philosophical sciences, Associate Professor of the
Department of Political Science and Sociology BrGU named after A.S. Pushkin, Brest,
Belarus, ailysiuk@list.ru*

The article examines the ideas of the outstanding sociologist Pitirim Sorokin about the sources of social revolutions, taken in a broad historical context. It is indicated that the main factor of revolutions is suppression of the basic instincts of broad social masses, freedom restriction and self-realisation, degeneration of the ruling elite. The inevitability of counter-revolution as the second stage of revolution is emphasised.

Key words: social revolution; counter-revolution; reforms; elite; social stratification.

Труды выдающегося российского и американского социолога Питирима Сорокина по проблематике социальной революции обладают особой ценностью по трем причинам. Во-первых, он является одним из лучших в мире экспертов «по революциям»: в своих трудах он исследовал социальные революции, начиная с античности и заканчивая первой четвертью XX века, стремясь определить их общие закономерности. Во-вторых, самолично принимал участие в русских революциях 1905 г., Февраля и Октября 1917 г., восприняв их не только аналитически, но

чувственно и эмпирически. В-третьих, современная эпоха постмодерна является динамичной, часто приводящей к социальным неравновесиям, порождающим острые общественные конфликты и потрясения, что детерминирует актуальность изучения подобной тематики.

В каких формах в реальности проявляется себя социальная революция?

Согласно П. Сорокину, она не сводится к захвату (завоеванию) государственной власти людьми, предлагающими альтернативный политический проект. Революция понимается как социальный процесс, охватывающий длительное время и связанный, с одной стороны, со сменой ценностей людей, их психологии, идеологии и верований, без чего немислим и политический переворот.

С другой стороны, мыслитель доказывает, что социальные революции обязательно сопровождаются сдвигами «в фундаментальных социальных процессах», приводят к изменению всей социальной структуры общества, усиливают процессы социальной мобильности, способствуют все большей урбанизации общества, приводят к изменениям «процессов воспроизводства и отбора населения» и связаны приходом во взрослость новых поколений со своими собственными мировосприятием.

Что же двигает социальные революции?

Социолог убежден, что революционный взрыв всегда связан с подавлением (репрессированием) базовых инстинктов (рефлексов) большинства народа, стимулирующих их проактивное политическое поведение, революционную энергетику [1, с. 272]. Специально отметим, что сама структура этих базовых инстинктов в целом совпадает с иерархией мотивов, разработанных американским психологом А. Маслоу [2]. Среди этих «инстинктов» преобладает обеспокоенность своим материальным положением, неудовлетворение потребности в жилище, одежде и т. п.

Обязательно ли такая неудовлетворенность должна привести к революционному взрыву?

В эпохи буржуазных и социалистических революций, скорее, да. В эпоху постмодерна, в отличие от модерна, экономическая мотивация не является доминирующей, сохраняя свою актуальность только для некоторых социальных групп. Но исторически она выступает одним из факторов, побуждающих атаковать власть.

В революцию человека «двигает» и подавление инстинкта самосохранения посредством «деспотического произвола», «демонстража правовой системы», что неизбежно порождает чувство возмущения, негодования, приводящее к попыткам свержения «репрессивного» режима. Ситуацию может усугублять то, что «каждый очередной арест или убий-

ство одного человека есть одновременно и покушение на всю группу – семью, друзей, ближайшее окружение» [1, с. 277].

В революциях обычно активно участвуют не только социальные низы, но и некоторые элитные группы, недовольные ограничением их «собственнического инстинкта», «импульса собственности».

Социолог указывает на то, что революционное возмущение часто детерминируется гонимыми, преследованиями, которыми со стороны власти подвергаются символы и ценности некоторых социальных групп, вызывая их сильное энергичное возмущение, поскольку для их представителей подобные действия являются не менее мучительными, чем унижение их личности.

П. Сорокин подчеркивает важность сферы «полового рефлекса» как источника социальных потрясений, связанной, чаще всего, с развратным поведением правящего сословия. Он пишет: «Среди революционных вызовов правителям всегда были обвинения в безнравственности, распущенности, соблазнении жен и дочерей низкого происхождения», в аморальном типе поведения» [1, с. 278].

В представлении социолога, источником революции на протяжении многих столетий является «подавление» инстинкта самовыражения или индивидуальности, оскорбление и принижение достоинства, достижений человека. Одновременно в обществе может наблюдаться картина преувеличения достоинств людей, не заслуживающих социального одобрения. Это приводит к тому, что «никто... не будет удовлетворен занимаемой общественной позицией, и все будут проклинать узы, связывающие их, мечтая... об их разрушении... “прирожденный” правитель... обернется лидером конспиративной организации; “Цицерон” станет пропагандистом; организатор создаст нелегальную партию. “Поэт” восславит революцию». В результате группы людей, помышляя о социальной эмансипации, создадут революционную ситуацию [1, с. 279].

Потребность в самореализации тесными узами связана с потребностью в свободе и «если подавляется у большинства людей их импульс к борьбе и соревновательности, творческой работе, приобретению разнообразного опыта... то мы имеем слагаемые революционного взрыва» [1, с. 280]. Если же говорить об «идеологических» факторах, то они, в понимании П. Сорокина, в революции играют вспомогательную роль, определяя не ее естество и существо, а используемые слова («Демократия», «Святая земля», «Социализм»), выбирая для подражания политических героев (Христос, Руссо, Лютер, Маркс), дискурсивную идею (Библия, национальный дух, капиталистическая эксплуатация), используемые символы-эмблемы, определение места действия (церковь, парламент, улица), способ распространения революционных идей и орудия револю-

ционного правосудия. Политические идеологии способны влиять на выбор конкретных форм революционности, но не ее содержание.

В определенной степени революцию провоцирует неэффективность руководящих кадров, приводящее к тому, что «в дореволюционную эпоху» к вырождению правящего класса и искусственного предотвращения проникновения в его среду «головастиков» из низов, что приводит к появлению на вершине государственной власти «бездарных правителей», не имеющих доверия в обществе. В этом контексте уместно вспомнить высказывание современника П. Сорокина и его попутчика по «философскому пароходу» русского философа Ивана Ильина: «Революция зарождается в стране не в момент уличных движений, но в тот момент, когда в душах начинает колебаться доверие к власти... тогда государство превращается в систему судорожного насилия, в принудительный аппарат... в гражданскую войну» [3, с. 265]

П. Сорокин указывает на огромную значимость устной и печатной пропаганды в деле «кристаллизации бесформенного чувства негодования». Действительно, как в прошлом, так и в настоящем исход борьбы в информационном пространстве предопределяет политические победы или поражения (вспомним, примеру, какое большое значение придавал Наполеон Бонапарт цензурированию французских СМИ).

Социальные революции являются объективным процессом. Однако социолог полагает, что в ситуации аккумуляции репрессированных инстинктов к революционному взрыву может привести любое случайное и незначимое событие. В свою очередь, победный революционный шаг требует преодоления двух ограничений. Первое – «необходимо еще и отсутствие мощного, эффективного сопротивления властей и правящих кругов» [1, с. 288]. Власть, демонстрирующая растерянность и беспомощность, исторически обречена. Если же проявляет силу, то позволяет существовать даже самым «хищническим, жестоким и циничным правительствам».

С целью предупреждения революции П. Сорокин пишет о необходимости тонкой и квалифицированной работы «по перестройке общественного организма» с целью достижения социального равновесия и ослабления давления репрессированных инстинктов.

Первый шаг в этом направлении – осознание того факта, каким социальным группам свойственны те или иные «репрессивные рефлексy», поскольку «эти группы крайне разношерстны и состоят из людей самых разных социальных позиций... Многие из них страдают от голода, холода; другие исходят завистью, алчностью, мстительностью, страхом или гневом; третьи – жадой и мечтой улучшения существующих отношений в обществе» [1, с. 286]. Если репрессирование их потребностей не при-

водит «к мятежам», то только потому, что встречают сопротивление властей и привилегированных групп населения.

Второй шаг – принятие политических решений по удовлетворению некоторых из «рефлексов», ослабляя, тем самым, революционную энергию протестующих.

Третий шаг – обеспечение «выхода» подавленных инстинктов в неревolutionное русло, поскольку «как только некая группа, участвующая в движении, находила удовлетворение своим подавленными инстинктам, она тотчас же теряла интерес к революции» [1, с. 288]. Ответственная и думающая государственная власть, осознавая это, должна предлагать новые возможности для профессиональной, культурной и иной самореализации людей, что неизбежно предполагает расширение пространства свободы в социуме. Как результат, революционный взрыв на время откладывается, либо локализуется.

Четвертый – разделение «репрессированной массы» на противоборствующие группы («разделяй и властвуй»).

Пятый – проведение с помощью научных методов, «правовыми и конституционными средствами» назревших и перезревших реформ для усовершенствования социальной организации.

Шестой – сохранение адекватности в решениях политического руководства. П. Сорокин убежден, что «наивно полагать, что даже абсолютный деспот мог себе позволить все, что заблагорассудится, вне зависимости от желания и давления его подчиненных. Верить, что существует такое “всемогущество” деспотов и их абсолютная свобода от общественного давления, – нонсенс... Это верно и по отношению к любому режиму, как бы он ни именовался» [4, с. 342].

Если же это не делать, то в социуме будет сохраняться революционная ситуация, которая, согласно теории самоорганизующейся критичности, будет приближаться к точке бифуркации, т.е. краху общественной модели.

Есть и более общее (глобальное) решение – утверждение новых форм идеациональной и идеалистической ментальности, «интегрального строя», предполагающих, что материальные ценности при всей их значимости должны быть подчинены ценностям духовным (моральным, религиозным, национальным и др.), ценностям демократии. Правильное понимание специфики этого процесса позволяет в некоторой степени избавляться от социального агрессивного синдрома в ситуации разочарования темпами либо качеством социальных преобразований.

В целом же, как справедливо подчеркивает российский исследователь О. Антонова, «П. Сорокин приходит к заключению, что только реформы должны являться способом перехода от одной социальной систе-

мы к другой, так как в основе реформы лежит гражданское согласие людей» [5, с. 1298].

Мыслитель указывает на стадийность революционного процесса, а именно то, что из первой фазы революции, завершающейся переходом к новому политическому проекту, следует стадия контрреволюции, главным лозунгом которой является следующее требование: «Дальше так жить невозможно, нужен порядок, порядок любой ценой» [1, с. 293]. Выявленные П. Сорокиным закономерности социальных революций как политического и исторического процесса могут быть использованы для анализа современных общественных потрясений.

Библиографические ссылки

1. *Сорокин П. А.* Революция и социология // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 221-294.
2. *Маслоу А.* Мотивация и личность // Вест. Моск. уни-та. Сер. 7. Философия. 1991. № 3. С. 64-79.
3. *Ильин И. А.* О сущности правосознания // Соч. в 2 т. М.: Изд-во «Медиум», 1993. Т. 1. С. 73-300.
4. *Сорокин П. А.* Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 295-404.
5. *Антонова О. Г.* П. Сорокин о формах разрешения социальных противоречий // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности». XV Межд. научн. конференция «Сорокинские чтения»: Сб. материалов. Москва: МАКС Пресс, 2021. С. 1295-1299.

МАСКУЛИННОСТЬ КАК АТТРИБУТ ПОЛИТИКА В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

М. Г. Соколовская

Магистр психологических наук, старший преподаватель кафедры политологии и социологии, БрГУ имени А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь, lllogos@list.ru

В статье исследуются представления о маскулинности как атрибуте политики в Древней Греции. Указывается на доминировании двух основных образов маскулинности: воин-герой и воин-политик. Подчеркивается важность ведения в политику в эту эпоху некоторых феминных факторов, связанных с необходимостью построения в полисе гармоничных отношений между мужчинами и женщинами.

Ключевые слова: маскулинность, феминность, гендерное неравенство, политика государства, Древняя Греция, социальные вызовы.

MASCULINITY AS ATTRIBUTE OF POLICY IN ANCIENT GREECE AND MODERN SOCIAL CHALLENGES

M. G. Sokolovskaya

Master of Psychology, Senior Lecturer, Department of Political Science and Sociology, BrGU named after A.S. Pushkin, Brest, Belarus, lllogos@list.ru

The article examines ideas about masculinity as an attribute of politics in Ancient Greece. Two main images of masculinity are pointed out: warrior-hero and warrior-politician. It is stressed the importance of introduction in politics in this era of some feminine factors associated with the need of building harmonious relations in the polis between men and women.

Keywords: masculinity, femininity, gender inequality, state policy, Ancient Greece, social challenges.

Учитывая актуальность гендерной проблематики в современном обществе, считаем целесообразным изучить древнегреческий взгляд на маскулинные аспекты политики и ее соотношение с феминным фактором. В эпоху постмодерна в политике идея дихотомизма маскулинных и феминных черт (по принципу «или – или») уступила место идее континуума маскулинно-феминных качеств, что неизбежно трансформировало господствующие образцы маскулинности. В этой ситуации и мужчины-политики, и женщины-политики стремятся перешагнуть через границу политических ролей, которые им предписаны традицией и культурой.

Первые шаги в этом направлении были сделаны в Древней Греции, явившей миру военно-гражданскую модель маскулинности, т.е. политик должен был совмещать качества военного (стратега) и правителя. В некоторых древнегреческих полисах, например, в Спарте, политическое управление сочеталось с исполнением жреческих функций.

С точки зрения французского антрополога А. Боннар, сквозь всю античную философскую мысль и литературу проходит мысль, восходящая к Гесиоду, согласно которой «Зевс, чтобы наказать людей за то, что они приняли от Прометея похищенный у него огонь, велел богам и богиням создать из сырой глины, болезненного желания, коварства и бесстыдства привлекательное чудовище, женщину – западню и пропасть бездонную с крутыми стенами» [1, с. 177]. Древние греки считали справедливым и правильным общественное устройство, при котором мужчина властвует, а женщина находится в его подчинении, поскольку первый, в их представлении, по своим качествам (и природе) превосходит вторую.

Известны высказывания Пифагора, что существует положительный принцип, который создал порядок, свет, мужчину, и отрицательный принцип, который создал хаос, сумерки и женщину. В рамках древнегреческого «порядка» одни должны руководить, а другие – безоговорочно подчиняться: благородные должны править неблагородными, старшие – младшими, мужчины – женщинами и т. д. Гамма человеческих отношений, с точки зрения Аристотеля, пронизана властвованием и подчинением, и в этом проявляется социальная необходимость и безусловная полезность для людей и социума. При этом высшая власть принадлежит Уму в космической сфере, а мужчине – в общественной и семейной. Как отмечал выдающийся философ, общим законом природы (и общества) является то, что «душа властвует над телом как господин и разум властвует над нашими стремлениями как государственный муж... Также и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении» [2, с. 383]. В социально-политической концепции Платона доминирующие властные позиции также должны занимать правители-философы по причине обладания ими божественным даром – мудростью, недоступной женщинам. Кроме этого, поскольку ключевой добродетелью политического деятеля является рассудительность, т. е. способность контролировать свои чувства, аффекты и страсти, то политика – удел мужчин, так как женщины по своей природе являются эмоциональными существами.

Древнегреческие политические лидеры пронизаны и такой античной добродетелью как агональный дух, т. е. стремлением к личностному и политическому превосходству, производному от «культуры стыда» что

делает политическую арену полем острого и перманентного соперничества [3, с. 283–284]. Польский исследователь М. Оссовская констатирует, что у гомеровского героя на первое место выходят забота о чести, стремление к славе и отличию, которое достигает своего апогея в Спарте, воплощаясь в образе Героя [4, с. 42].

«По праву гордый» Аристотеля в трудную минуту проявляет мужество и готов принести в жертву свою жизнь. Мужчина-политик в идеале должен соответствовать определенным физическим стандартам: быть высоким, сильным, ловким и широкоплечим, обладать развитой мускулатурой, иметь «большое тело» (Аристотель) что детерминировано необходимостью вести постоянные войны с другими государствами.

Для Древней Греции во всех сферах жизни, включая политику, принципиально важен эстетический компонент. Известный философ А. Лосев подчеркивал, что, описывая прекрасное, «Аристотель имеет в виду два совершенно различных понимания красоты: с одной стороны, красоту внешних форм, чувственную, чисто материальную, темную и неосмысленную *привлекательность* вещи, например, ноги или голоса; с другой же стороны, разумную, гармоничную, созвучную миру и космосу красоту логической правильности, завершенности, высшей устроенности... которая прекрасна уже потому, что она симметрична, упорядочена, органична и величественна», что должна соответствовать политической деятельности [5, с. 244–245]. Прекрасное включает в себя и моральный фактор, политик обязан реализовывать идеи общего блага, меры и справедливости: «Прекрасным может быть, по Аристотелю, только то, что высоко в моральном отношении... что доставляет бескорыстное и созерцательное удовольствие, будучи морально высоким» [5, с. 143]. Следовательно, «начальствующий должен обладать нравственной добродетелью во всей полноте... а каждый из остальных должен обладать ею настолько, насколько это соответствует его доле участия в решении общих проблем» [2, с. 400].

Символические образы древнегреческих политических деятелей часто привязаны к образам животных. Со всей наглядностью это проявляется в «Физиогномике» Аристотеля, где сравниваются мужские и женские типы, в которых мужские достоинства олицетворяет лев, а женские – барс. Философ подчеркивает, что «самцы более храбры и прямы по природе», а их мужественный типаж – лев – включает в себе целый ансамбль прекрасных качеств: он и благороден, и щедр, и великодушен, и честлюбив, и милостив, и прям (справедлив), и «привязан к тем, с кем он живет» [Цит. по: 5, с. 337–339].

М. Оссовская указывает на то, что Древняя Греция дала два разных образца «воина-господина» (идеи Гомера) и «воина-политика» (идеаль-

ный образ политика в Спарте), которым была в равной степени свойственна свобода от хозяйственных и бытовых нужд и высокая оценка мужества и агонального духа. «Однако, у Гомера преобладает индивидуализм, а в Спарте – стадность; у Гомера высока роль разума, в Спарте же – пренебрежение к индивидуальным достоинствам; у Гомера – чувствительность к прекрасному в различных его проявлениях, а в Спарте – невысокая эстетическая культура» [4, с. 72–73].

Однако уже в древнегреческой политике у политиков можно обнаружить и некоторые феминные компоненты. В своем большинстве древнегреческие мыслители рассматривали социальный организм как производное от естественного соединения мужского и женского начал, что, в свою очередь, предполагало достижение между ними известной гармонии. В противном случае наступает неизбежная и нежелательная общественная деструкция.

Значимость феминного фактора выступала и в том, что в политическое влияние женщин могло обуславливаться их эротической притягательностью: Арес в мифологии, как отмечает Аристотель, недаром сочетается с Афродитой. У лакедемонян в значительной степени должностные лица управлялись женщинами, что произвело в государстве в «большое смятение». В силу того, что муж – персона, властвующая и руководящая, облеченная во семье «полномочиями царя», на него возлагается и миссия выстраивания отношений с женщинами как в семейных, так и общественных делах. Политические достоинства «начальника» проявляют себя в отношениях к любому другому, к женщине, во взаимоотношениях в государстве.

В древнегреческом обществе допускалось позитивное политическое лидерство женщин – непосредственное и опосредованное. Одной стороны, в «Государстве» Платона женщины допускаются на локальные руководящие должности в соответствии с их способностями, а также обучаются совместно с мужчинами. С другой – известны случаи, когда любимая женщина политика выступала источником его политического вдохновения (пример Перикла). Тренд расширения политического участия женщин в полисе интересен современным исследователям.

Концепция маскулинности в политике, разработанная древнегреческими философами, позволяет обнаружить связь между императивами конкретной исторической и социокультурной ситуации и доминирующими образами политических лидеров в их гендерном измерении, носящую универсальный характер и пригодную для изучения концепта маскулинности в современных трансформационных процессах.

Библиографический список

1. *Боннар А.* Греческая цивилизация. От Илиады до Парфенона. М.: Искусство, 1990. Т. 1. 269 с.
2. *Аристотель.* Политика // Сочинения : в 4 т. / общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–644.
3. *Рожанский И. Д.* Античный человек // О человеческом в человеке / общ. ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат. 1991. С. 282-297.
4. *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 528 с.
5. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. 776 с.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РИТУАЛ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А. А. Сорокин

Кандидат политических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин исторического факультета БГПУ имени Максима Танка, Минск, Беларусь, asorokinwork@mail.ru

В рамках символической политики политический ритуал выступает важным механизмом формирования политической идентичности. Этот процесс только усиливается по мере цифровизации политического пространства.

Ключевые слова: политический ритуал; политический миф; политическая идентичность; символическая политика.

POLITICAL RITUAL AS A TECHNOLOGY FOR THE FORMATION OF POLITICAL IDENTITY

A. A. Sorokin

Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Faculty of History of Maxim Tank BSPU, Minsk, Belarus, asorokinwork@mail.ru

Within the framework of symbolic politics, the political ritual acts as an important mechanism for the formation of political identity. This process is only intensifying with the digitalization of the political sphere.

Keywords: political ritual; political myth; political identity; symbolic politics.

Одной из наиболее актуальных задач отечественной идеологической работы является формирование, развитие и защита уникальной белорусской политической культуры средствами символической политики и политики памяти.

Ключевое место в структуре и содержании технологического процесса формирования политической идентичности занимают политические ритуалы, которые выполняют интегративную, мобилизационную, ценностную и социализирующую функции. Технологический потенциал политического ритуала в рамках символической политики реализуется в виде целенаправленного психоэмоционального воздействия на массовое сознание, процесса конструирования единого символического простран-

ства внутри группы, а также границ, отделяющих данную группу как политическое сообщество от всех остальных.

Политический ритуал представляет собой регламентированную последовательность символических действий, актуализирующих в массовом сознании политические мифы и архетипы. Подобные мифологические образы и нарративы становятся смысловой матрицей восприятия, понимания и познания политического процесса. В красочной, театрализованной и мистериальной форме политический ритуал артикулирует и закрепляет в коллективной памяти интерпретацию наиболее значимых событий, личностей, институтов, статусов и моделей политического поведения.

Исследователь политических мифов К. Флад даёт следующее определение термину «ритуал»: «управляемый предписаниями процесс, носящий символический характер и привлекающий внимание его участников к объектам мыслей или чувств, которым придается особое значение для данного общества или групп» [1, с. 163].

Будучи механизмом формирования политической идентичности, политический ритуал содержит в себе символически и мифологически оформленные базовые ценности и идеалы, которые усваиваются на эмоциональном уровне при созерцании или непосредственном участии в ритуальном действии. В рамках символической политики, политические ритуалы выступают механизмом сохранения и трансляции политических символов, при помощи которых в процессе самоидентификации индивид или группа связывает прошлое с настоящим и будущим, обеспечивая непрерывность и понятность существования не только себя как политического объекта, но и универсума как такового.

В политических ритуалах разворачивается определённый мифологический сценарий, в процессе воплощения которого создаётся идеальная презентация цельного, непротиворечивого, осмысленного и наполненного глубинными смыслами политического порядка. К. Флад подчёркивает: «политические мифы лежат в самом сердце политических ритуалов – точно так же, как священные мифы суть плоть и кровь религиозных обрядов» [1, с. 167].

Политическая самоидентификация происходит через формирование экзистенциального чувства сопричастности, символического переноса участников ритуала из реального политического пространства и времени в мифо-символическое.

Технологическая связь ритуала и мифа на уровне символической политики состоит в том, что ритуал закрепляет и конституирует миф, посредством его систематического и длительного повторения. Как и смысловое содержание политического мифа, ритуальное действие нельзя про-

извольно изменять: результатом непродуманных трансформаций становится деформация транслируемых мифологических символов и установок, искажение и разрушение логики мифа как повествования, утрата мифом своей сакральной притягательности.

Можно выделить две основных оси ритуализации в рамках формирования политической идентичности: временную и пространственную.

Временная ось формирует коллективную историческую память при помощи хронотопов – глубинных политических нарративов, среди которых наиболее важными являются космогонический миф, миф о «Золотом Веке» и эсхатологический миф.

Вторая ось ритуализации – пространственная. Посредством политических ритуалов происходит закрепление символической трактовки политического пространства, в которой решающее значение играет дихотомия освоенного, обжитого и потому безопасного пространства Порядка и всей совокупности Хаоса, которая находится за границами политической Ойкумены.

Политический ритуал посредством регулярных циклических символических действий обеспечивает стабильность и устойчивость политической идентичности, воспроизводит структуру политической памяти, моделирует идеализированную картину мира, инсценирует политические действия и ситуации, обеспечивая единый алгоритм запоминания и забывания личностей и событий.

В условиях современного цифрового пространства политический ритуал является символической технологией формирования политической идентичности, зрелищным способом приобщения и участия народных масс в политическом процессе.

Библиографические ссылки

1. *Флад К.* Политический миф: теоретическое исследование ; пер. с англ. А. Г. Георгиев. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 264 с.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В УСЛОВИЯХ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ

Е. С. Сухобоченков

*Аспирант кафедры политологии и политического управления Института
общественных наук, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации,
evgenyj-ser@yandex.ru*

В статье проанализированы основные угрозы для института государственного суверенитета, внутреннего и внешнего характера, в современном мире. По итогам исследования было выявлено, что внутренние угрозы государственному суверенитету носят, в большей степени, социально-экономический или же политический характер, а их возникновение связано с воздействием извне других стран. Среди внешних угроз, наиболее актуальной является глобализация, которая направлена на ограничение или же лишение суверенитета у стран, которые участвуют в данном процессе.

Ключевые слова: государственный суверенитет, глобализация, регионализация, экономика, угрозы и вызовы.

STATE SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF INTERNAL AND EXTERNAL CHALLENGES

E. S. Sukhobochenkova

*Postgraduate student of the Department of Political Science and Political Management of
the Institute of Social Sciences, RANEPA under the President of the Russian Federation,
evgenyj-ser@yandex.ru*

The paper analyzes the main threats to the institution of state sovereignty, internal and external, in the modern world. According to the results of the study, it was revealed that internal threats to state sovereignty are, to a greater extent, socio-economic or political in nature, and their occurrence is associated with external influence from other countries. Among the external threats, the most urgent is globalization, which is aimed at limiting or depriving the sovereignty of the countries that participate in this process.

Keywords: state sovereignty, globalization, regionalization, economy, threats and challenges.

Государственный суверенитет является одной из базовых, образующих характеристик современного государства, без которой оно не может считаться полноценным, а также не способно реализовывать всю полноту своих полномочий и власти. В своей основе суверенитет выражается в

независимости власти и ее институтов вести независимую и не ограничиваемую внешними факторами и игроками, деятельность на определенной территории. При этом, «государства обладают разной степенью государственного суверенитета. Это зависит от множества факторов: наличия политической воли государственного лидера, экономического развития страны, природных и иных ресурсных возможностей, человеческого капитала и иных» [1, с. 61]. Отсюда следует, что важной задачей любой власти является обеспечить защиту государственного суверенитета от внутренних и внешних угроз. В условиях современного, динамично развивающегося мира, существует большое количество угроз для любого суверенного государства [2, с. 11].

Стоит отметить, что большая их часть исходит из внешней среды. Именно в рамках мировой системы государства взаимодействуют друг с другом, участвуют в политических, экономических и т. д. процессах, что неизбежно приводит к столкновению национальных интересов. Это, в свою очередь, приводит к росту конкуренции в рамках которой главной задачей становится любыми способами устранить своего соперника и получить желаемую выгоду.

Наиболее эффективным способом для достижения поставленной цели является «подчинить» конкурента себе, что можно сделать большим количеством методов. На протяжении многих лет основным из таковых была война, насильственный захват территории и ее подчинение. Однако постепенно, с развитием прогресса, изобретением информационно-коммуникационных технологий, начали разрабатываться инструменты «мягкой силы», которые рассчитаны на вмешательства в дела другого государства невоенными методами [3, с. 118].

Технологии «мягкой силы» начали стремительно развиваться во второй половине XX в., во время «холодной войны». Они были основным инструментом геополитической борьбы между СССР и США, позволяли без прямого вооруженного столкновения двух ядерных держав, заполучать новые зоны влияния, включать другие страны в орбиту своего влияния, проводить информационные операции против противника [3]. Кульминационным моментом является проведение серии революций в странах Восточной Европы 1989 г., которые были инициированы США в целях их вывода из зоны советского влияния. Их результаты показали, насколько серьезным оружием может стать опосредованное различными инструментами влияние на то или иное государство. Так как страны Восточной Европы, где революции победили, стали фактически сателлитами США и западных международных институтов, полностью утратив свой государственный суверенитет.

В 1990-е гг. с завершением «холодной войны» «мягкая сила» не утратила свою актуальность, а, напротив, стала применяться США и их союзниками повсеместно. Появилось такое явление, как информационные войны, которые подразумевали под собой технологии вмешательства в дела другого государства с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе СМИ, некоммерческих и неправительственных организаций. Стали применяться методики по управлению общественным мнением, которые отработывались еще во времена биполярного мира [4, с. 103]. С использованием подобных технологий США обосновали войну с Ираком в 1990-91 гг., вторжение в Афганистан в 2001 г. и Ирак в 2003 г., что погрузило эти государства в хаос и внутренние распри на многие годы. Сходным способом была реализована арабская весна» 2011 г., впоследствии приведшая к развитию терроризма, затяжной войне в Сирии и Ливии. Сирия вернула себе контроль над всей территорией страны и восстановила институт государственного суверенитета только после военной помощи со стороны России и ударов российских ВКС по скоплениям террористов [3]. Мы считаем, что похожим образом США совершили и государственный переворот на Украине в 2014 г., переросший в затяжной конфликт, который Россия завершает, проводя специальную военную операцию. Это позволило разрушить американские планы по формированию Украины, как зоны постоянной напряженности на границах с Россией. Хотя еще до февраля 2022 г. с той же целью США предприняли попытки провести революции в Республике Беларусь, в Казахстане, которые провалились, в том числе благодаря своевременным действиям со стороны России [5, с. 238].

С нашей точки зрения, выше приведенные данные демонстрируют взаимозависимость возникновения внутренних вызовов суверенитету от внешней среды, в которой существует государство. Для эффективного парирования внутренних угроз, в государстве должна быть сформирована комплексная система выявления и устранения возможных вмешательств в его внутренние дела со стороны других государств. Такую систему можно выстроить за счет сочетания прочной законодательной базы, нормальной работы всех ветвей власти, поддержанием постоянного контакта между властью и обществом, а также способностью правительства решать различные внутренние проблемы, связанные с экономикой, обеспечением социальной поддержки, культурными вопросами и т. д.

С другой стороны, во внешней среде опасность для государственного суверенитета представляют не только другие страны. В XXI в. значимой угрозой является процесс глобализации, направленный на трансформацию мира в единую сеть, подчиненную общим законам и имеющую централизованное управление. Таковой глобализацию видят США,

которые тем самым стремятся вернуть себе утраченную гегемонию в мировой политике и международных отношениях [6]. Вместе с тем, «сегодня необходимы новые площадки для диалога на высшем уровне. Несмотря на серьезные экономические и геополитические трудности России со странами Запада и США, Россия, несомненно, рано или поздно выстроит четкую концепцию диалога, и сохранится, как один из центров многополярного мира» [7, с. 75].

Глобализация приводит к диффузии государственного суверенитета, так как предполагает передачу части полномочий национальных органов управления на наднациональный уровень. Это, как следует из определения суверенитета, данного в начале статьи, говорит об ограничении независимости государства в принятии решений, касающихся внутренней и внешней политики. Примером здесь выступает ЕС как форма глобализированного государства, в рамках которого все страны-участницы подвластным общим законодательным нормам и обязаны выполнять все решения, которые принимают общеевропейские органы управления, даже если они противоречат их национальным интересам [6, с. 41; 7, с. 71].

Насколько неэффективен такой подход, показывает санкционная война ЕС против России. Некоторые европейские страны, на которые антироссийские санкции оказывают наиболее негативное влияние, несколько раз в рамках обсуждений новых пакетов санкций, пытались блокировать этот процесс, например, Венгрия. Однако всякий раз они подвергались внешнему давлению и вынуждены были принимать решения, которые ухудшают их экономическое благосостояние. Именно о подобном негативном эффекте от глобализации и идет речь, когда мы рассматриваем ее влияние на институт государственного суверенитета. В этой связи, государства, которые хотят сохранить большую часть своего суверенитета, начали развивать процесс регионализации, как ответ западной глобализации [8, с. 34].

Регионализация становится альтернативной глобализацией, которую продвигают страны, не желающие присоединяться к западному блоку. Главные роли здесь играют Россия, Китай, в меньшей степени Индия и ЮАР. Последние пока пытаются балансировать между Западом и Востоком, стремясь извлечь из этого максимальную выгоду. По своей сути, регионализация подразумевает интеграцию государств, как в рамках одного региона, так и на трансрегиональном уровне, которая проходит на основе общих экономико-политических интересов.

Стоит отметить, что регионализация не подразумевает отчуждения у государства всей полноты его суверенитета, но и не гарантирует государству сохранения всей полноты его самостоятельности. Нужно понимать, что в современном мире ни одна страна не может обладать абсолютным суверенитетом, его диффузия – это неизбежный процесс. Но вот

доля ограничения суверенитета безусловно ниже, чем в рамках западного варианта глобализации [8, с. 34].

В заключении можно сделать вывод, что для современного института государственного суверенитета существует большое количество, как внутренних, так и внешних угроз и вызовов. В ходе исследования установлено, что как правило внутренние угрозы суверенитету государства, инициируются извне другими странами, которые стремятся «подчинить» себе это государство, не прибегая к военной силе. Среди внутренних угроз наиболее серьезными являются те, что связаны с отношением общества к власти и могут привести к революциям или же государственным переворотам. Их предпосылками могут быть экономические кризисы, политическая борьба, нерешенные социальные проблемы и т. д. Иностранные государства начинают проводить подрывную деятельность, опираясь на нарастающий общественный протест, а затем посредством нелегитимной смены власти, подчиняет себе новое правительство. Тем самым, государство теряет свою самостоятельность в принятии решений.

Главной внешней угрозой государственному суверенитету является глобализация мира по западной модели, которая приводит к распылению суверенитета государства и неизбежно ставит его в зависимость от государства-ядра глобализационного процесса – США. Ответом на эту угрозу стала регионализация, которая набирает популярность среди суверенных государств, и не подразумевает полного отчуждения независимости у государства.

Библиографические ссылки

1. Сковиков А. К., Преждарова В. Г., Шумилов А. В. Государственный суверенитет в условиях глобализации, сетевизации и цифровизации // PolitBook. 2023. № 1. С. 58-69.
2. Акимова Ю. В. Государственный суверенитет: история идей и современности // Междунар. журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 11-3. С. 10-13.
3. Наумов А. О. Использование технологий «мягкой силы» при смене политических режимов в ходе «арабской весны» (на примере «жасминовой революции» в Тунисе) // Международные отношения. 2019. № 1. С. 114-128.
4. Матвеева А. М. Гибридные войны и цветные революции в геополитике пост-модерна // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 4. С. 96-111.
5. Сагитова В. Р., Дутов Т. С. «Цветные революции» как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Вестн. Прикамского социальн. ин-та. 2022. №1 С. 235-242.
6. Алексеева Л. А., Майорова С. А. К вопросу о государственном суверенитете в условиях глобализации // Юридическая наука и практика: Вестн. Нижегородск. академии МВД России. 2022. № 3 С. 39-44.
7. Майсурадзе К. А. Российско-американские отношения: взгляд в прошлое и перспективы в будущем // Youth World Politic. 2019. № 1. С. 68-76.
8. Афанасьева И. И. Глобализация и регионализация как факторы мирового развития // Вестн. Академии знаний. 2019. № 4 (33). С. 33-37.

УСЛОВИЯ, ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

УДК 322.2

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С. В. Алексеев¹⁾, Н. В. Алексеев²⁾

¹⁾ *Кандидат политических наук, доцент кафедры рекламы и человеческих ресурсов
ЧОУВО Московский университет им. С.Ю. Витте, Москва, Россия,
grajdanin1989@inbox.ru*

²⁾ *учитель истории и обществознания МБОУ Школа № 3, Балашиха, Россия,
grajdanin1989@bk.ru*

В условиях глобализации происходят изменения во взаимодействии государства и церкви. Несмотря на распространение идей секуляризма, церковь становится полноправным партнером государства во многих ключевых вопросах, что приводит к активизации духовных пастырей в общественно-политической жизни. Церковь сохраняет авторитет в обществе, оставаясь механизмом легитимизации курса правящего класса в политике по сохранению национально-культурных традиций. Данная тенденция находит поддержку не только среди правящего класса, но и религиозно-настроенных граждан.

Ключевые слова: государство, церковь, государственно-церковные отношения, глобализация, трансформация, секуляризм

TRANSFORMATION OF STATE-CHURCH RELATIONS DURING GLOBALIZATION

S. V. Alekseev¹⁾, N. V. Alekseev²⁾

¹⁾ *Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Advertising
and Human Resources, Moscow Witte University, Moscow, Russia,
grajdanin1989@inbox.ru*

²⁾ *Teacher of history and social science, School № 3, Balashikha, Russia,
grajdanin1989@bk.ru*

In the context of globalization the interaction between state and church is transformed. Despite the spread of secularistic ideas, the church becomes a full partner of the state in many key issues which leads to the activation of spiritual pastors in socio-political life. The church retains its authority in society, remaining to be a mechanism for legitimiz-

ing the course of the ruling class in the policy of preserving national and cultural traditions. This trend is supported by not only the ruling class, but also religious citizens.

Keywords: state, church, state-church relations, globalization, transformation, secularism

В настоящее время государственно-церковные отношения претерпели ряд трансформационных изменений, генерируемых глобализацией, которые затронули все сферы общественной жизни. Взаимодействие государства и церкви продолжает комплексно развиваться, приспосабливаясь к изменяющимся политическим и культурным процессам. В результате глобализации секуляристские настроения стали приобретать доминирующий характер, но в целом не уменьшили влияние религиозных ценностей на общественно-политический процесс. Из-за этого государственно-церковные отношения стали принимать новые формы и получать новое значение, как это происходило на постсоветском пространстве в конце XX в. Все эти трансформации привели к отказу от советской модели взаимодействия государства и церкви, отчего выстраиваемые отношения стали более разносторонними и открытыми. В некоторых странах церковь получает поддержку со стороны правящего класса, что лишь увеличивает влияние духовенства на политическую жизнь (например, в Грузии, России, Греции и других странах). Поддержание государственного суверенитета остается насущной проблемой для лидеров стран и политической элиты [4, с. 59]. Поэтому церковь в данном контексте выступает в качестве одного из механизмов по сохранению стабильности существующих порядков.

Хотя секуляризм считается основополагающим признаком во взаимодействии государства и церкви в условиях глобализации, он не приводит к полному исключению отношений светских государств с традиционными религиозными конфессиями. Рост секуляристских настроений среди некоторых представителей политического класса, а также народных масс не препятствует установлению партнерских отношений. В условиях глобализации секуляризм приобретает более аморфный характер, не направленный на полное отделение государства от церкви, а, напротив, способствующий сплочению церковных институтов в делах государства. В ряде стран идеи секуляризма почти что никак не отразились на участии церкви в жизни страны.

Трансформации в государственно-церковных отношениях выводят церковь на новый уровень – они становятся наднациональными институтами. Растет авторитет церкви в международных отношениях, налаживаются контакты с другими конфессиями, особенно после отказа от атеистической политики многих государств, ранее следовавших советско-

правовым нормам и копировавших их. Новые возможности в международных отношениях позволили церковным институтам создавать свои представительства и структуры за пределами национальных границ [1, с. 129]. Такая практика позволяет находить большую поддержку среди религиозно настроенных граждан и правительств, что дает церковным институтам преимущества перед другими общественными организациями. Благодаря тесному сотрудничеству с органами власти духовных пастырей приглашают участвовать в решении насущных проблем, а также в разработке правовых, моральных и культурных норм. Подобная тенденция может иметь как позитивный, так и негативный характер.

Еще один фактор, который трансформирует государственно-церковные отношения, – модель отделения государства от церкви и школы, или светское государство. В светских государствах на законодательном уровне происходит уход от религиозных практик с целью уменьшения влияния религиозных ценностей, но на общественном уровне со стороны правящей элиты сохраняется интерес оказывать помощь духовным пастырям в церковно-просветительской деятельности. Практика отделения государства от церкви, наоборот, способствует репрезентации значимости участия духовных лидеров в делах общества и государства. Даже если государство отделяется от церкви на законодательном уровне, церковь не отделяют от общества. По этой причине в светских государствах церковные организации остаются субъектами в общественно-политической жизни. В США, например, правящий класс поддерживает проведение курсов по изучению Священного писания и прочих религиозных мероприятий. Церковные институты из-за этого продолжают пользоваться популярностью среди верующих граждан. Поэтому в периоды избирательных циклов духовенство может призывать своих прихожан отдать свой голос в пользу определенного кандидата, чтобы поддержать сохранение существующих порядков в обществе.

В условиях глобализации различные взгляды на политико-религиозные, моральные и культурно-правовые вопросы могут спровоцировать конфликты между церковной и светской властью. Однако в современном мире такие конфликты обычно не приводят к открытым столкновениям, в отличие от того, что происходило в прошлые столетия. Сегодня, когда церковь не согласна с определенными законами и политическими решениями, принимаемыми правительствами, духовенство старается использовать аффилированные структуры и контакты с политическими деятелями, чтобы донести церковную позицию до правящего класса, т.е. поддерживается практика введения конструктивного диалога.

В рамках глобализации через массовую культуру активно распространяются западные ценности, что не всегда соответствует интересам

тех церквей, которые придерживаются традиционных начал. Так, руководство Русской православной церкви в основном негативно высказывается о тех положениях и аспектах массовой культуры, которые навязываются глобализацией. Например, в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» сказано: «Наблюдается стремление представить в качестве единственно возможной универсальную бездуховную культуру, основанную на понимании свободы падшего человека, не ограничивающего себя ни в чем, как абсолютной ценности и мерила истины» [3]. Церкви, которые придерживаются консервативных идей в общественном устройстве, заинтересованы только в тех последствиях глобализации, которые не противоречат религиозно-христианским практикам. Поэтому Русская церковь, как традиционный институт, продолжает заниматься обеспечением связей между поколениями, говоря об уникальности русского мира в условиях глобализации [2, с. 104].

Таким образом, современная глобализация, воздействуя на государственно-церковные отношения, с одной стороны, направлена на сокращение влияния роли церкви в общественно-политической жизни, а, с другой стороны, напротив, поднимает проблему важности участия традиционно-религиозных конфессий в жизни государства и общества.

Библиографические ссылки

1. *Алексеев Н. В., Алексеев С. В.* Участие церковных организаций в избирательном процессе // Politbook. 2023. № 1. С.122-132.
2. *Еремин А. В.* Православные доминанты русской культуры в эпоху глобализации на рубеже XX-XXI вв.: опыт трансдисциплинарных исследований // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С.101-113.
3. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>. (дата доступа: 24.03.2023).
4. *Сковиков А. К., Преджарова, Шумилов А. В.* Государственный суверенитет в условиях глобализации, сетевизации и цифровизации // Politbook. 2023. № 1. С. 58-69.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ПЛОЩАДКА ДЛЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КИТАЯ И ИНДИИ

Ли Цзинин

соискатель кафедры международных отношений, факультета международных отношений БГУ, г. Минск, Беларусь, 2179351079@qq.com

Статья посвящена взаимодействию Китая и Индии в рамках международных организаций, таких как G20, ШОС и БРИКС. Раскрыты общие интересы и точки соприкосновения Китая и Индии в рамках международных организаций, которые могут быть полезны для смягчения двусторонних конфликтов и укрепления взаимного доверия. Показано, что международные организации служат площадкой конструктивного диалога двух стран.

Ключевые слова: Китай; Индия; G20; ШОС; БРИКС; Пояс и путь; сотрудничество; китайско-индийские отношения.

INTERNATIONAL ORGANIZATIONS AS A PLATFORM FOR CONSTRUCTIVE INTERACTION BETWEEN CHINA AND INDIA

Li Jingying

Graduate student of the Department of International Relations, Faculty of International Relations of BSU, Minsk, Belarus, 2179351079@qq.com

This article focuses on China-India interaction within international organizations such as the G20, the SCO and the BRICS. It reveals common interests and points of contact between China and India within international organizations, which can be useful in mitigating bilateral conflicts and strengthening mutual trust. It is shown that international organizations serve as a platform for constructive dialogue between the two countries.

Keywords: China; India; G20; SCO; BRICS; Belt and Road; cooperation; Sino-Indian relations.

Эволюция международной системы в современном мире усложняется, мировой ландшафт вступает в период ускоренных изменений, значительно возросло стратегическое положение Азии. Стремительный подъем Китая и Индии, представителей развивающихся держав, знаменует собой рассвет «азиатского века». С одной стороны, совпадение интересов этих двух стран усиливается, с другой – возникает конкуренция. Важность китайско-индийских отношений отражается не только в дву-

сторонних отношениях, многосторонние отношения также имеют особое значение. В этих условиях взаимодействие крупных азиатских держав – Китая и Индии – в международных организациях имеет решающее значение для сохранения региональной стабильности. Укрепляя практическое сотрудничество через международные организации, такие как БРИКС, G20 и Шанхайская организация сотрудничества, две страны нашли точки соприкосновения интересов. Тем не менее, каждая из стран стремится играть ключевую роль в рамках этих организаций, что порождает конкурентное взаимодействие.

Взаимосвязь между БРИКС и китайско-индийскими отношениями можно охарактеризовать как взаимоусиливающую и взаимозависимую. Обладая значительной долей населения и площадью земного шара, страны БРИКС являются одним из основных двигателей мирового экономического роста. По мнению заместителя директора Института промышленной экономики Сычуаньской академии общественных наук Ван Сюэжэнь, здоровые и стабильные китайско-индийские отношения способствовали созданию БРИКС. Именно благодаря потеплению отношений между Индией и Китаем, а также подписанию Декларации о принципах и всестороннем сотрудничестве в китайско-индийских отношениях премьер-министром Индии Ваджпай во время его визита в Китай в 2003 г., подтвердившей позиционирование китайско-индийского партнерства, БРИКС окончательно реализовался из первоначальной инвестиционной концепции в кооперативную организацию развивающихся экономик, характеризующуюся взаимовыгодным сотрудничеством [1]. Механизм БРИКС способствовал развитию китайско-индийских отношений. Сотрудничество в рамках БРИКС оказалось весьма плодотворным.

Международная организация БРИКС предоставила новую платформу для политического взаимодействия на высоком уровне между двумя странами, а также заставила их осознать необходимость поиска общих интересов и укрепления политического взаимного доверия.

С 2009 г. страны БРИКС организовали 14 саммитов и 9 неформальных встреч. Шесть саммитов прошли на территории Индии и Китая (включая две видеоконференции из-за коронавируса). На третьей встрече, состоявшейся в Санье (Китай), была принята Саньянская декларация, в которой содержится подробный план будущего сотрудничества между странами БРИКС, принято решение об углублении обменов и сотрудничества в области финансов, аналитических центров, бизнеса и промышленности, науки и техники, энергетики, а также подтверждено, что структура управления международных экономических и финансовых институтов должна отражать изменения в мировом экономическом ландшафте и повышать голос и представительство стран с формирующейся

экономикой и развивающихся стран. Нью-Делийская декларация была принята на четвертой конференции, состоявшейся в Нью-Дели (Индия). На конференции рассматривалась возможность создания Банка развития БРИКС, который, как надеются, будет работать наравне со Всемирным банком (Банк развития БРИКС был официально открыт в июле 2015 г., его штаб-квартира находится в Шанхае).

Страны БРИКС четко заявили о своей потребности в реформе глобального управления, призвав к созданию более представительной международной финансовой архитектуры, повышению роли и представительства развивающихся стран, а также потребовав выполнить программу реформы управления и квот 2010 г. к запланированным на 2012 г. ежегодным встречам Международного валютного фонда и Всемирного банка [2].

На 8-ом саммите в Гоа (Индия) была принята Декларация Гоа, страны БРИКС подписали меморандумы о взаимопонимании и документы по сельскохозяйственным исследованиям, таможенному сотрудничеству и другим областям. На встрече в Гоа пять стран БРИКС решили укреплять практическое сотрудничество. Пять стран договорились о дальнейшем развитии сотрудничества на рынках страхования и перестрахования, реформе налоговой системы, взаимодействии в таможенном секторе, а также изучить возможность создания рейтингового агентства БРИКС. Кроме того, страны скоординировали усилия по укреплению сотрудничества в таких областях, как сельское хозяйство, информационные технологии, борьба со стихийными бедствиями, защита окружающей среды, защита прав женщин и детей, туризм, образование, наука и технологии, культура.

Пять стран БРИКС согласились, что сегодня мир переживает глубокие изменения и движется в сторону более справедливого, демократического и многополярного международного порядка, основанного на центральной роли ООН и уважении международного права. Странам БРИКС необходимо поддерживать дух солидарности, взаимопонимания и доверия, укреплять координацию и практическое сотрудничество в глобальных делах. Пять стран подчеркнули важность совместного реагирования на международные проблемы и мирное разрешение споров политико-дипломатическими средствами, а также подтвердили свою приверженность принципам Устава ООН [2].

В рамках механизма БРИКС страны сделали совместное заявление, обещающее консенсус, который в то же время вдохновляет на укрепление двусторонних отношений между Индией и Китаем. Обе страны намерены избавиться от негативных последствий противостояний в различных областях и вместе двигаться вперед в поисках общих интересов,

найти новые отправные точки в многосторонних отношениях, и, кроме того, и Китай, и Индия в высшей степени либеральны политически и не позволяют вмешательству третьих сторон влиять на свои решения.

ШОС – межправительственная международная организация, созданная в 2001 г. с целью и одной из важнейших задач поддержания и укрепления регионального мира, безопасности и стабильности и совместной борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Китай сталкивается с терроризмом в основном со стороны сепаратистских сил в регионе Синьцзян и повстанцев в Тибете. Индия также давно страдает от сепаратистских сил и религиозного экстремизма. Будучи двумя крупнейшими странами Азии и членами ШОС, Китай и Индия имеют значительные возможности для сотрудничества в борьбе с терроризмом. Неспособность двух стран открыться друг другу из-за присущих им геополитических проблем и колебания уровня взаимного политического доверия не помешали им стать партнерами в силу чрезвычайно важных общих интересов.

Антитеррористическое сотрудничество между двумя странами неизбежно для поддержания региональной стабильности и развития экономики и безопасности. И Индия, и Китай сталкиваются с проблемой терроризма и этнического сепаратизма. Осознавая необходимость последовательных совместных действий, страны провели несколько консультаций по борьбе с терроризмом, и подчеркнули стремление укреплять свое сотрудничество по данному направлению. Китай имеет все основания просить у Индии поддержки и понимания в борьбе с терроризмом и тибетскими сепаратистскими силами, а Индия нуждается в сотрудничестве Китая в борьбе с различными террористическими силами, используя западные и северо-западные пограничные районы Китая в качестве анти-террористической опоры Индии. Основываясь на принципе взаимной выгоды в обоих направлениях, Индия и Китай должны создать средне- и долгосрочный механизм обмена и сотрудничества в борьбе с терроризмом, учредить рабочую группу по борьбе с терроризмом между двумя странами, обмениваться разведданными по борьбе с терроризмом, координировать друг с другом действия по пресечению отмывания денег и перевода средств террористическими организациями, а также совместно пресекать использование приграничных районов для укрытия или подготовки террористов [3].

Будучи представителями новых сил в G20, Китай и Индия расширяют свой голос на международном уровне. На сегодняшний день G20 провела семнадцать успешных саммитов, а восемнадцатый, как ожидается, состоится в Нью-Дели, Индия, в 2023 г. К настоящему времени G20 провела пять встреч министров иностранных дел, пятая из которых со-

стоялась в Нью-Дели 1 марта 2023 г., в которой принял участие министр иностранных дел Китая Цинь Ган по приглашению министра иностранных дел Индии Су Джайшена. Выступая на встрече, Цинь Ган заявил: «Китай будет продолжать активно участвовать во всех повестках дня G20 и вносить свой вклад в укрепление мира и развития во всем мире и в строительство сообщества человеческой судьбы. G20 должна играть особую конструктивную роль, все стороны должны проявить политическую волю, стремиться достижению консенсуса, предпринимать практические действия по продвижению инклюзивного сотрудничества и повышению экономической устойчивости, а также объединить усилия для решения глобальных проблем» [4]. Официальный представитель МИД Китая Мао Нин ответил по этому поводу: «поддержание хороших отношений между Китаем и Индией и их народами отвечает фундаментальным интересам этих двух стран» [5].

Таким образом, проведение этой многосторонней встречи дало большой толчок двусторонним отношениям между Китаем и Индией и тем самым исправило неуместные заявления в политическом пространстве о напряженности китайско-индийских отношений. На данном этапе китайско-индийские отношения находятся в состоянии разрядки, с тенденцией к росту.

Инициатива «Пояс и путь» – это инициатива сотрудничества на высшем национальном уровне, предложенная председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. для активного развития экономического партнерства между Китаем и странами, расположенными вдоль данного маршрута. Возвышение Китая когда-то воспринималось как угроза со стороны Индии, которая стремилась к статусу великой державы, и со стороны третьих стран, которые использовали Индию как средство для санкций против Китая. В начале реализации инициативы «Пояс и путь» Индия была настроена скептически, опасаясь, что развитие инициативы окажет негативное влияние на Индию. Позже Индия частично отреагировала на это, активно участвуя в программах по развитию связей и регионального сотрудничества, предложенных другими крупными странами, чтобы сбалансировать влияние инициативы «Пояс и путь», активно выступая в Азиатском банке развития (АБР), что благоприятно сказывается на экономическом развитии Индии. Хотя Индия прямо не присоединилась к «Поясу и пути», ее взаимодействие с Китаем в различных областях явно принесло Индии хорошие возможности и развитие, например, сокращение торгового дефицита между Индией и Китаем и дополнение промышленных преимуществ двух стран. Присоединение Индии к «Поясу и пути» по мнению Пекина неизбежно.

В рамках этой инициативы и Индия, и Китай осознают важность друг друга. Индия позитивно отреагировала на инициативу «Пояс и путь», и у двух стран есть преимущества геоэкономического сотрудничества, длительной дипломатической истории, общей международной идентичности и международного мандата, тем более что эти преимущества можно использовать для сотрудничества, а не для бесконечной конкуренции. 28 марта 2015 г. Национальная комиссия по развитию и реформам Китая, Министерство иностранных дел и Министерство торговли совместно опубликовали документ «Концепция и действия по продвижению строительства Экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века». В мае 2015 г. Джабин Т. Джейкоб, ведущий индийский эксперт по Китаю, научный сотрудник и заместитель директора Института китайских исследований (ICS), отметил, что две страны могли бы сотрудничать в области совместного развития инфраструктуры в соответствующих странах. По его мнению, «китайско-пакистанский экономический коридор также должен быть подключен к индийскому рынку, чтобы быть полностью успешным» [6].

Подводя итог, можно сказать, что в отношениях между Индией и Китаем, несмотря на наличие противоречий, есть обширное пространство для развития взаимовыгодного сотрудничества. Это подтверждают слова министра иностранных дел Китая Цинь Гана на саммите МИД 3 марта 2023 г.: «будучи странами-соседями и крупными развивающимися экономиками, Китай и Индия имеют гораздо больше общих интересов, чем разногласий», у них есть «общие интересы во многих областях, включая защиту прав и интересов развивающихся стран, продвижение сотрудничества Юг-Юг, а также противодействие глобальным вызовам, таким как изменение климата...» [6]. Его индийский коллега С. Джайшанкар разделяет необходимость улучшать двусторонние отношения с исторической и стратегической точки зрения, создавать больше платформ для сотрудничества и содействовать развитию индийско-китайских отношений в правильном русле» [6]. Таким образом, в рамках международных организаций и инициатив Китай и Индия выражают готовность действовать рука об руку на политическом уровне, невзирая на пограничные споры и угрозы международному статусу друг друга. На первый план китайско-индийских отношений выходит обязательство поддерживать безопасную жизнь населения и стабильное экономическое развитие, делать все возможное для смягчения конкурентных недостатков с помощью взаимовыгодного сотрудничества в различных областях.

Библиографические ссылки

1. Ван С. Цзиньчжуаньхэцзо юй чжунинь гуаньси = "Сотрудничество БРИКС" и китайско-индийские отношения // (С) 1994-2020 China Academic Journal Electronic Publishing House. 2017. № 4. С. 37-43. (на кит. яз.)
2. Цзиньчжуань гоцзя фэнхуэй = Саммит БРИКС. [Электронный ресурс]. URL: <https://goo-gl.me/ME8Ow>. (дата доступа: 22.02.2023. на кит.яз.)
3. Сунь В. Шанхай хэцзо цзучжи куанцзяся чжунинь фанькун хэцзо цзичжи яньцзю = Исследование механизма контртеррористического сотрудничества между Китаем и Индией в рамках Шанхайской организации сотрудничества // (С)1994-2020 China Academic Journal Electronic Publishing House. 2018. С. 27-28. (на кит. яз.)
4. Циньган чуси эршигоцзитуань вайчжанхуэй = Цинь Ган принял участие во встрече министров иностранных дел G20. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chinanews.com.cn/gn/2023/03-02/9964053.shtml>. (дата доступа: 22.02.2023 на кит.яз.)
5. Вайцзяобу: Чжунинь юаочи лянхао ву гуаньси фухэ лянго хэ лянгожэньминь дэ геньбень лии. [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1759151207770686727&wfr=spider&for=pc>. (дата доступа: 22.02.2023. на кит.яз.)
6. Иньду чжуаньцзя: “И дай и лу” цзяньшэ чжутуй чжунинь цзинци хэцзо. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scio.gov.cn/31773/35507/35515/35523/Document/1533829/1533829.htm> (дата доступа: 22.02.2023. на кит.яз.).
7. Китай и Индия обязались улучшить двусторонние отношения [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.news.cn/20230303/a7670eed17854f6cbdd14565bd949414/c.html>. (дата доступа: 07.03.2023).

ЗАКАНАМЕРНАСЦІ ТРАНСФАРМАЦЫІ ПАЛІТЫЧНЫХ ПАРТЫЙ У СУЧАСНЫМ СВЕЦЕ

М. С. Мамекін

*Магістр паліталогіі, старшы выкладчык кафедры паліталогіі юрыдычнага
факультэта БДУ, Мінск, Беларусь, MamekinMS@bsu.by*

Публікацыя прысвечана аналізу інстытуцыянальнай трансфармацыі палітычных партый у дваццаць першым стагоддзі. Вылучаны асноўныя драйверы, што ўплываюць на гэту трансфармацыю, а таксама разгледжаны найбольш распаўсюджаныя тыпы “новых” партый.

Ключавыя словы: палітычная партыя, драйверы, што ўплываюць на трансфармацыю партый, Еўрапартыі, партый-рухі, персаналісцкія партыі, кіберпартыі.

PATTERNS OF TRANSFORMATION OF POLITICAL PARTIES IN THE MODERN WORLD

M. S. Mamekin

*Master of Political Science, Senior Lecturer, Department of Political Science, Faculty of
Law, BSU, Minsk, Belarus, MamekinMS@bsu.by*

The publication is devoted to the analysis of the institutional transformation of political parties in the twenty-first century. The main drivers affecting this transformation are highlighted, and the most common types of "new" parties are examined.

Keywords: political party, drivers that affect the transformation of parties, European parties, movement party, personalist parties, cyberparties.

Практычна кожная значная якасная трансфармацыя палітычнай рэчаіснасці ці крызісная з’ява ў жыцці саміх палітычных партый прыводзіла да з’яўлення новага тыпу партый, якому быў характэрны канкрэтны набор атрыбутыўных уласцівасцей і які асэнсоўваўся і ўсебакова даследаваўся тэарэтыкамі. Партолагамі былі вылучаны наступныя эвалюцыйныя тыпы партый, якія паслядоўна ўзніклі і замянялі ці дапаўнялі адзін аднаго ў межах розных партыйных сістэм: кадравыя (элітныя) партыі, масавыя партыі, універсальныя (усеахопныя) партыі, “картэльныя” партыі.

Разгледзім асноўныя групы драйвераў, што ўяўляюць сабой найбольш значныя з’явы і працэсы і ўплываюць на заканамернасці трансфармацыі палітычных партый у канцы першай чвэрці XXI ст.:

1. Агульнасусветныя з’явы і тэндэнцыі, што вызначаюцца развіццём усяго грамадства, сярод якіх трэба вылучыць:

1.1. працэс глабалізацыі, які мае вынікам больш цеснае супрацоўніцтва палітычных партый на наднацыянальным узроўні;

1.2. інфарматызацыю грамадства, якая вядзе да ўзрастання магчымасцей выкарыстання Інтэрнэту, а таксама ўжывання новых сродкаў сувязі для арганізацыі партыямі сваёй дзейнасці; у сувязі з уплывам гэтага драйверу назіраюцца і некаторыя негатыўныя тэндэнцыі для партый, як пераход некаторых функцый партый да СМІ і інш.;

1.3. уніфікацыю грамадства, якая праяўляецца ў сціранні межаў паміж партыямі ў ідэалагічным і, найбольш выразна, у арганізацыйным плане, размыванні электарату і знікненні адлегласці паміж электаратамі партый;

1.4. працэс дэмакратызацыі, які знаходзіць сваё адлюстраванне ў першую чаргу ў распаўсюджванні механізмаў унутрыпартыйнай дэмакратыі.

2. Тэндэнцыі і працэсы, якія характэрны для палітычных партый як фармальных арганізацый, сярод якіх адзначым толькі найбольш значныя:

2.1. павелічэнне дзяржаўнай падтрымкі палітычных партый і шырока ідучыя працэсы іх канстытуцыялізацыі і інстытуцыяналізацыі, што праяўляецца: ва ўвядзенні тых ці іншых спосабаў дзяржаўнага субсідзіравання ў многіх краінах свету; у росце выбарчых прывілеяў палітычных партый у параўнанні з іншымі суб’ектамі выбарчага працэсу; у рэгламентацыі, часам празмернай, асноў арганізацыі і дзейнасці палітычных партый і інш. – усе гэтыя працэсы могуць прывесці да развіцця ў асобных партыйных сістэмах такіх з’яў, як карумпаванасць, бюракратызацыя і “картэлізацыя” партый, што ў сваю чаргу мае вынікам негатыўныя тэндэнцыі ў жыцці партый, якія вызначаюцца ў якасці сімптомаў заняпаду палітычных партый (падзенне яўкі на выбарах і інш.);

2.2. вялікая гнуткасць палітычных партый і іх адаптыўнасць да хуткіх зменаў палітычнага працэсу, што праяўляецца: у зніжэнні ролі партыйных праграм і павышэнні ўзроўню персаналізацыі і прафесіяналізацыі палітыкі; узмацненні тэхналагізацыі выбарчых кампаній, у выніку чаго палітычныя тэхнолагі, кансультанты, іміджмэйкеры адціскаюць традыцыйныя партыйныя арганізацыі; у росце магчымасцей Інтэрнэт-тэхналогій у камунікацыі з выбаршчыкамі;

2.3. рост адкрытасці і траспарэнтнасці палітычных партый, што праяўляецца ва ўкараненні абавязковага саўдзелу ўнутры партыі пры прыняцці ўнутрыпартыйных рашэнняў; пашырэнні практыкі папярэдніх галасаванняў; прызыву грамадзян да канкрэтных дзеянняў;

2.4. Спробы сыходу ад іерархічных, шматузроўневых і бюракратызаваных структур, што вядзе да сплашчэння сістэмы кіравання, прывядзення яе да выгляду трох-, чатырох'узроўневай; змены характару членства і інш.

Ацэньваючы ўплыў асобных драйвераў і розных іх спалучэнняў на заканамернасці трансфармацыі палітычных партый, вылучым наступныя тыпы “новых” партый, характэрныя і найбольш тыповыя для цяперашняга перыяду:

а) Агульнаеўрапейскія, ці Еўрапартыі. Працэс глабалізацыі знайшоў сваё адлюстраванне ў стварэнні так званых наднацыянальных партый, прыкладам якіх сталі Еўрапартыі, якія часам яшчэ называюць федэрацыямі палітычных партый. Пры гэтым у якасці прыкладаў такіх партый можна прывесці 2 групы Еўрапартый: 1) “Класічныя” Еўрапартыі, аснову якіх складаюць нацыянальныя партыі-члены. Працэс іх станаўлення і інстытуцыяналізацыі мае працяглую гісторыю і пачынаецца яшчэ ў другой палове XX стагоддзя. Да іх можна аднесці “Еўрапейскую народную партыю”, “Партыю еўрапейскіх сацыялістаў”, “Альянс лібералаў і дэмакратаў за Еўропу” і інш.; 2) “Новыя” Еўрапартыі. У апошнія дзесяцігоддзе на палітычнай арэне Еўрасаюза сталі ўзнікаць агульнаеўрапейскія партыі, якія заявілі, што дзеючыя Еўрапартыі не з’яўляюцца сапраўды агульнаеўрапейскімі, бо сур’ёзна залежаць ад сваіх партый-членаў і ў значнай меры адлюстроўваюць інтарэсы іх кіраўніцтва. Гэтыя “новыя” Еўрапартыі будаваліся па зусім іншай мадэлі: яны практыкавалі індывідуальнае членства, і любы грамадзянін з краіны ЕС мог стаць іх членам; яны мелі агульнаеўрапейскія кіруючыя органы, якія выбіраліся членамі гэтых партый; яны самі стваралі ў краінах ЕС свае філіялы; і, самае галоўнае, іх ключавым перадвыбарчым лозунгам было патрабаванне стварэння сапраўды наднацыянальнай партыйна-палітычнай сістэмы Еўрасаюза і правядзення агульнаеўрапейскіх выбараў па агульнанацыянальных партыйных спісах. Гэтыя партыі ўдзельнічалі і ў агульнаеўрапейскіх, і ў нацыянальных выбарах, але выключна як агульнаеўрапейскія. Да іх ліку адносяцца “Еўрапейская федэралісцкая партыя”, “Вольт Еўропа” і інш [1].

б) Партыі-рухі. Традыцыйныя грамадска-палітычныя размежаванні, апісаныя яшчэ С.М. Ліпсэтам і С. Роканам, якія шмат у чым вызначалі ідэалагічны спектр папярэдняга якаснага стану партыйных сістэм, ужо не

ў поўнай меры адлюстроўваюць грамадска-палітычныя размежаванні сучасных грамадстваў.

Сярод постмадэрнісцкіх размежаванняў, якія ўплываюць на стан ідэалагічнага спектра, В. Ю. Уласава вылучае: 1) экалагічныя праблемы; 2) памяркоўнасць да меншасцяў, недыскрымінацыя; 3) пытанні маралі, сям’і, сэксуальных адносін; 4) якасць жыцця; 5) праблемы самавыяўлення, развіцця чалавечага патэнцыялу [2, с. 6-8]. Пры гэтым ні ўніверсальныя, ні картэльныя палітычныя партыі не могуць у поўнай меры адпавядаць гэтым зменам ідэалагічнага спектра ў сілу ўплыву ўніфікаваных тэндэнцый, адзначаных у падпункце 1.3., і імкнення да захавання статус-кво.

Вышэй адзначаныя факты ў спалучэнні з тэндэнцыямі развіцця інфармацыйнага грамадства, калі ў чалавека ўзнікае адчуванне даступнасці інфармацыі і кантактаў, самадастатковасці і паўнаважнасці, упэўненасці ў тым, што ён “валодае” ўсімі сродкамі сеткі, “валодае” сітуацыяй і не мае патрэбы ў пасярэдніках, прыводзяць да ўзнікнення партый-рухаў. Гэтыя партыі кідаюць выклік існуючай партыйнай сістэме. Іх галоўны пасыл – “мы іншыя” ці “мы за іншыя інтарэсы”. Яскравымі прыкладамі такіх партый з’яўляюцца партыя “Podemos” у Іспаніі, “Аўстрыйская партыя свабоды” і французскі “Нацыянальны фронт” («Нацыянальнае аб’яднанне» з 2018 г.). Для такіх партый уласцівы “антыпартыйны” папулізм. Часта выкарыстанне такімі партыямі папулісцкіх лозунгаў – проста эфектны і эфектыўны, электаральны палітыка-тэхналагічны ход. Але разам з тым гэтыя партыі сапраўды будуць на іншых падставах. Гэта партыі значна больш адкрытай унутрыпартыйнай дэмакратыі, у іх амаль заўсёды аблегчаная партыйная структура. Адпаведна, менавіта такія структуры ўзнікаюць як адказ на розныя крызісы традыцыйнай партыйнай сістэмы, якая многім выбаршчыкам здаецца састарэлай ці надакучыла. Такія партыі часцей за ўсё ўзнікаюць па краях палітычнага спектра – злева (лева-лібертарыянскія) і справа (права-аўтарытарныя) ад традыцыйных партый.

в) “Персаналісцкія” партыі. Да іх узнікнення таксама вядзе запыт на новыя партыі, новыя асобы, “прамую дэмакратыю”, выкліканы ў тым ліку прычынамі, апісанымі ў пункце б), а таксама тэндэнцыя, звязаная з персаналізацыяй палітыкі. Прычым персаналізацыя часта з’яўляецца паліттэхналагічным прыёмам, калі выбаршчыку прапануецца “прамы кантракт” не з бюракратычнай структурай партыі, а з папулярным лідарам. Адзначым, што пры абмежаванай інфармацыі выбаршчыка аб партыях, асоба лідара можа станавіцца вырашальным аргументам. Часта такія партыі ствараюцца па ініцыятыве дзеючага або патэнцыйнага кіраўніка дзяржавы для перамогі на выбарах і рэалізацыі асабістых

амбіцый. Перадвыбарная кампанія такіх партый будзеца не на пэўнай праграме ці ідэалогіі, а на харызме лідара/кандыдата, які пазіцыянуецца як палітык, здольны вырашыць крызісную сітуацыю, якая склалася ў краіне [3, с. 187]. Прыкладам такіх партый могуць служыць “Прагрэсіўная партыя Сербіі” А. Вучыча, “Партыя грамадзянскіх правоў” М. Земана ў Чэхіі і інш. Часта такія партыі падобныя на партыі-рухі і маюць адлюстраваны “антыпартыйны”, пазасістэмны характар.

г) Кіберпартыі (віртуальныя партыі, Інтэрнэт-партыі, анлайн-партыі, сеткавыя партыі, партыі-платформы, медыяпартыі). Вытокі іх узнікнення варта шукаць у змене мадэлі палітычнага ўдзелу, віртуалізацыі палітычнага жыцця, развіцці Інтэрнэту і распаўсюджванні змешаных выбарчых сістэм. Як адзначае Т. У. Лемешава, галоўнае, што адрознівае сеткавыя партыі ад папярэднікаў – гэта новы структурна-арганізацыйны прынцып. Сеткавыя партыі – гэта гібрыдныя арганізацыйныя формы, дзейнасць якіх заснавана на анлайн-удзеле, грамадскім абмеркаванні, краўдфандынгу і краўдсорсінгу [4, с. 187-188]. Таксама да асноўных асаблівасцяў гэтага тыпу палітычных партый варта аднесці адмову ад фармальнага членства і пераход да непасрэдных адносін з выбаршчыкамі. Іншымі прыкметамі кіберпартыі лічацца: прафесійнае кіраванне медыякамунікацыямі; партыйная сувязь па сеткавых каналах; высокі ўзровень персаналізацыі палітыкі; функцыянаванне партый як арганізацый (не інстытутаў) на мяжы дзяржавы і грамадства; арыентацыя партый больш на асобныя праблемныя пытанні, чым на ўзгодненыя праграмы. Разам з тым для кіберпартый характэрны пратэстны, кан’юнктурны і папулісцкі складнік у іх дзейнасці, што ставіць пад сумненне іх здольнасць адэкватна ўплываць на фарміраванне палітыкі і працяглы час заставацца ва ўладзе. Да ліку сеткавых даследчыкі адносяць наступныя партыі: венгерскую партыю “Йобік”, Польскую партыю “Твой рух”, нямецкую Пірацкую партыю, нідэрландскую партыю “За свабоду”, “Рух пяці зорак” Бепе Грыла ў Італіі і інш. Пры гэтым для кожнага з праналізаваных вышэй відаў “новых” партый відавочны пэўны дрэйф у бок кіберпартый з пункту гледжання арганізацыі іх працы.

Такім чынам, у канцы першай чвэрці XXI стагоддзя палітычныя партыі знаходзяцца на якасна іншым этапе развіцця, які адрозніваецца ад любых папярэдніх станаў і для якога характэрны пэўныя заканамернасці трансфармацыі і развіцця партый. Адной з такіх заканамернасцей з’яляецца ўзнікненне розных тыпаў “новых” партый, якія маюць разгледжаныя асаблівасці і пэўныя агульныя рысы.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Гуселетов Б. П. О трансформации института политических партий в эпоху глобализации на примере Европы // Мировая экономика и междунар. отношения. 2021. Т. 65, № 5. С. 28-38.
2. Власова О. Ю. Тенденции развития политических партий в условиях информационного общества // *Studia Humanitatis* 2021. №1. С. 1-11.
3. Gunther R., Diamond L. Species of political parties: a new typology // *Party Politics*. L. etc., 2003. Vol. 9, № 2. P. 167-199.
4. Лемешова Т. В. Трансформация политических партий: от кадровых к сетевым // Социологический альманах : сб. науч. ст. / Ин-т соц. НАН Беларуси ; редкол.: Д. К. Безнюк (гл. ред.) [и др.]. Вып. 13. Минск, 2022. 181–190.

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

С. Г. Паречина

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии юридического факультета БГУ, г. Минск, Беларусь, veta.iiv@tut.by

В данной статье рассмотрены вопросы функционирования авторитарных политических систем. Акцент сделан на эффективности и выживаемости авторитаризма, его модернизации в условиях трансформации политических ценностей.

Ключевые слова: авторитаризм, эффективность авторитарного режима, новая политическая культура, политическая модернизация.

THE ROLE OF POLITICAL CULTURE IN TRANSFORMATIONS OF POLITICAL SYSTEMS

S. G. Parechina

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus, veta.iiv@tut.by

This article deals with the functioning of authoritarian political systems. The emphasis is on the effectiveness and survival of authoritarianism, its modernization in the context of the transformation of political values.

Keywords: authoritarianism, effectiveness of an authoritarian regime, new political culture, political modernization.

В современном политическом дискурсе активно обсуждается вопрос функционирования недемократических, в частности авторитарных, политических систем. Высказывается мнение о том, что авторитарные системы являются весьма эффективными, особенно в условиях социально-экономического кризиса, общественно-политической нестабильности. Как считал О. Шпенглер, авторитаризм, в отличие от либерализма, порождающего анархию, воспитывает дисциплину и устанавливает в обществе необходимую иерархию, что способствует проведению результативной экономической политики, существенному повышению уровня благосостояния населения. При авторитаризме большинство граждан слабо интересуются политической жизнью. Людей, переживших эконо-

мический кризис и социальные потрясения, больше волнует удовлетворение таких базовых потребностей как безопасность, пропитание, защита.

По мере роста уровня благополучия вырастают новые поколения, которые в большей степени ориентируются на так называемые постматериальные ценности. В авторитарных системах начинают происходить процессы аналогичные тем, которые возникли в западных политических системах в середине 70-х гг. XX столетия, а именно: появляются политически значимые альтернативные общественные инициативы и движения. Как следствие «кумулятивного» социального эффекта общественных инициатив и движений, по мнению Рональда Инглхарта, в западных странах начала формироваться «новая политическая культура». Она характеризуется появлением «постматериальных» ценностей, которые складываются после того, как люди удовлетворили основные материальные потребности.

Основная идея Р. Инглхарта заключалась в том, что между поколениями, которые пережили Великую депрессию и вторую мировую войну, и теми, кто родился в послевоенный период существовали большие различия. Эмоциональная память и ценностные приоритеты этих поколений сильно отличались. Старшие поколения в основном разделяли материальные ценности, а младшие, выросшие в эпоху «экономического чуда», воспринимали физическое и экономическое выживание как должное. Поэтому спустя 25–30 лет после войны они значительно больше были обеспокоены правами человека, неравенством, экологией и военными конфликтами.

Это повлекло за собой необратимые последствия в политической культуре и в отношении граждан к действиям правительства: снижение легитимности иерархической власти, патриотизма, религии; повышение уровня политического участия, усиление степени толерантности к другим точкам зрения; рост ценности самореализации и развития.

Общество, в котором выживание воспринимается как должное, не требуя от человека особых усилий, переходит к постматериальным ценностям и, следовательно, повышается вероятность становления в них демократии. Дело в том, что по мере развития у людей расширяется спектр доступных им инструментов и ресурсов, что позволяет создавать новые общественно-политические институты. Поэтому авторитарные режимы, обеспечивая экономический рост, стабильность и повышение уровня благосостояния населения, со временем объективно сталкиваются с запросами общества на политические преобразования. Как показывает опыт, например, Сингапура, Южной Кореи, осознание правящими элитами необходимости и своевременное проведение политической модер-

низации способствует успешной трансформации политической системы и демократизации политического режима, что в свою очередь обеспечивает дальнейшее успешное развитие общества и государства.

Библиографические ссылки

1. *Грозовский Б.* Рональд Инглхарт: как мотивация и ценности людей меняют мир // EconsOnline [Электронный ресурс] URL: <https://econs.online/articles/opinions/ronald-inglkhart-kak-motivatsii-i-tsennosti-menyayut-mir/> (дата доступа: 18.03.2023)
2. *Кочетков А. П.* Авторитаризм: ретроспектива и реальность // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2010. № 2. С. 60–70.
3. *Паречина С. Г.* Политическая культура : электронный учебно-методический комплекс для специальности 1-23 01 06 «Политология» / С.Г. Паречина ; БГУ, Фак. юридический, Каф. политологии. Минск : БГУ, 2022. 78 с.

О РОЛИ ДИАСПОРЫ В УПРАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРОЙ¹

О. Е. Побережная

зам. декана по учебной работе и образовательным инновациям
юридического факультета БГУ, кандидат политических наук, доцент,
poberezhnaya@bsu.by

В статье рассмотрено становление тенденций, изменяющих формы управления сетевыми структурами и роль сетевых структур, диаспор, в современной изменяющейся социальной системе.

Ключевые слова: социальная сфера; управление; диаспора

DIASPORA IN THE MANAGEMENT OF THE SOCIAL SPHERE

O. E. Poberezhnaya

deputy Dean for Academic Affairs and Educational Innovation
Faculty of Law, Belarusian State University, Candidate of Political Sciences,
Associate Professor, poberezhnaya@bsu.by

The article considers the formation of trends that change the forms of management of network structures and the role of network structures, diasporas, in the modern changing social system.

Keywords: social sphere; control; diaspora

В развитии системы социального управления современного государства можно выделить несколько основополагающих тенденций, определяющих характер взаимодействия иерархических и сетевых структур, специфику социальных трансформаций.

К первой тенденции можно отнести глобализацию как процесс с высокой степенью синхронности в действиях государств даже при условии политической, социальной и экономической нестабильности. «Современные системы управления позволяют синхронизировать и координи-

¹ Статья подготовлена в рамках НИР «2.04 «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности», № ГР 20211919 (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021-2025 гг.).

ровать процессы даже в такой политической реальности, которая представлена разделенными и враждующими анклавами, санитарными зонами, конкурирующими экономиками, несовместимыми стилями жизни» [1].

Развертывание процессов глобализации влечет два следствия для государства как социального института. Первым является кризис суверенитета. Причем не только государственного суверенитета, но и социальной идентичности. Отсутствие или неполнота одного влечет умаление другого. Связь личности и государства носит взаимный характер именно в аспекте их суверенности и идентичности. Кризис первого означает кризис второго и наоборот.

Второе следствие глобализации состоит в разрушении прежних принципов построения системы государственного и социального управления. В процессе своего развития государство оформляется в иерархическую, относительно замкнутую структуру, в то время как процессы глобализации приносят в организацию системы социальных отношений сетевой характер [2]. Это ведет к формированию и усилению различных надгосударственных и внегосударственных структур и связей, дублирующих или пересекающих (в некоторых случаях прерывающих) контуры государственного управления, построенные на иерархических связях.

Другим значимым фактором современных социальных изменений можно считать рост цифровых и коммуникационных технологий, создающих в целом новую среду существования человеческой цивилизации. Данные технологии формируют условия и основу для изменения принципов и подходов к социальному управлению, усилению надзора и контроля за жизнью индивидов и общества в целом.

Одним из следствий процесса цифровизации становится виртуализация государственного управления, что выражается в появлении электронного правительства и государства – цифровой платформы. Точнее, нужно говорить о системе государств – цифровых платформ, поскольку единые стандарты их создания и функционирования прямо предполагают возможность интеграции электронных правительств мира в единый комплекс унифицированных и взаимодействующих цифровых алгоритмов администрирования. По сути, формируется новая социотехнологическая система, цифровая экосистема, в основе которой лежит развитие сетевых социальных структур.

В государстве появляются две дополнительные группы управленцев. Первая группа представлена операторами, которые имеют свой круг должностных обязанностей и собственную иерархию, на вершине которой может быть главный оператор системы или иное лицо [3, с. 22], чьи полномочия и компетенция выбиваются из привычных систем управлен-

ческих отношений, урегулированных административным правом.

Вторая группа представлена так называемым «искусственным интеллектом», который в настоящий момент является комплексом алгоритмов и нейросетей, чья роль в системе управленческих отношений все более возрастает и приобретает прескриптивный характер. В перспективе моделируется возможность предиктивного управления, осуществляемого с минимальным участием человека или в целом без человеческого участия [4].

Общим результатом реализации второй тенденции – виртуализации государственных структур – является трансформация управленческой деятельности в целом, и в социальной сфере в частности. Развитие и упрочение сетевых структур, повышение их связности. Управление через такие структуры означает фактически управление процессами развития и стабилизации социальной ткани общества. К одной из таких структур относятся диаспоры, сущность и роль которых в глобализированном цифровом мире претерпела значительные изменения, особенно в условиях наращивания миграционных потоков.

Диаспора – это явление уникальное в современном мире. Несмотря на давнюю историю существования понятия «диаспора», до сих пор нет единого понимания содержания данного социально-экономического явления. В научной литературе, как правило, отмечается, что понятие «диаспора» используется для обозначения переселенных народов, насильственно рассеянных по всему миру. В современном мире понятие «диаспора» наполняется более широким смыслом и используется для обозначения процесса диаспоризации, охватывающего все аспекты общества и его социально-экономической сферы.

Черевичко Т. В. определяет диаспору как «этническую совокупность людей, живущая за пределами своей исторической родины и имеющую социально-экономические институты для развития и функционирования данной общности» [5, с.156].

Диаспора, оставаясь этническим сообществом, является «новой» институциональной структурой. Она представляет собой организационную структуру институциональной системы. Как организация она является совокупностью индивидов, координирующих свою деятельность для достижения общих целей на основе общности интересов, при этом распределяя права и обязанности. Диаспора как институт определяет поведение и взаимодействие субъектов сообщества, и прежде всего их хозяйствование. Диаспора выступает и как особая форма организации, вкрапленной структуры, в чужой этнической системе, и как институт нормирующий и определяющий поведение своих участников внутри организационной структуры диаспоры, и во внешнем контуре широкой этнической систе-

мы, и на уровне социально-политической организации общества.

Процесс формирования этнического сообщества, имеющего свои этносоциальные границы, определяющей основой которого являются сетевые принципы развития, что способствует появлению особой институциональной структуры – сетевых этнических институтов, которые выходят за рамки одной страны и одного государства. Диаспоры способствуют осуществлению транснациональной коммуникации, что делает процесс их инкорпорации внутри социально-политических систем дополнительным фактором создания каналов миграции населения и движения капитала, однако и способствует проникновению дестабилизирующих факторов вроде этнической преступности.

Сети также обеспечивают «этнический переход» через границы диаспоры (между меньшинством и основным населением). Такой переход осуществляется главным образом через экономическую, предпринимательскую деятельность, путем формирования кластеров «этнического» бизнеса. Именно он способствует укоренению и связности диаспор и остального социального окружения.

Таким образом, в современных условиях происходит возрастание роли диаспоры как институциональной структуры, что проявляется в усилении влияния на социально-экономические процессы современного общества.

Библиографические ссылки

1. *Гаврилов, Е. О.* Перспективы развития государства в XXI веке // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. Т. 7. № 1. С. 37–45.
2. *Кастельс М., Киселева Э.* Россия и сетевое общество: аналитическое исследование. Мир России. Социология. Этнология. 2000. Т. 9. № 1. С. 23–51.
3. *Буров В. В., Петров М. В., Шклярчук М. С., Шаров А. В.* «Государство-как-платформа»: эффекты реализации и управление развертыванием // Государственная служба. 2018. Т. 20. № 4. С. 17–26.
4. *Харитонова Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф.* Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестн. Пермского ун-та. Юридические науки. 2021. № 53. С. 488–515.
5. *Черевичко Т. В.* Диаспора как институциональная структура современного общества // Изв. Саратовского ун-та. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 155–159.

ПАРЛАМЕНТ И ПРАВИТЕЛЬСТВО КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

С. В. Решетников

Доктор политических наук, профессор кафедры политологии юридического факультета БГУ, Минск, Беларусь, nina.r86@mail.ru

Сегодня законодательные органы считаются менее важными, чем в начале XX в. Законодательные органы не только реализуют законодательную деятельность, а рассматривают, исправляют либо утверждают предложения исполнительной власти. Всякое политическое целое (деревня, город, область и страна) должно иметь и на деле имеет определенное централизованное руководство во главе с одной личностью, либо коллегиальным органом – исполнительную власть.

Ключевые слова: парламент, правительство, институт, политическая система, современность, современное общество, постмодерн.

PARLIAMENT AND GOVERNMENT AS A POLITICAL INSTITUTES IN A MODERN SOCIETY

S. V. Reshetnikov

Professor of Department of Political Science, Doctor of Political Sciences, Professor, Minsk, Belarus, nina.r86@mail.ru

Legislatures are considered less important today than they were at the beginning of the 20th century. The legislature not only implements legislative activity, but considers, corrects or approves the proposals of the executive branch. Any political entity (village, city, region and country) should have and in fact has a certain centralized leadership headed by one person, or a collegial body – the executive branch.

Keywords: parliament, government, institute, political system, modernity, modern society, postmodern.

Считаем важным начать статью с глоссария.

Парламент – «Высший представительный орган власти. Во многих странах парламент имеет специфическое название (например, Конгресс США, Федеральное собрание в России, Норвежский Стортинг) впервые был образован в Англии в XIII в. как орган сословного представительства. Избирается в порядке, установленном Конституцией, и является органом законодательной власти» [1, с. 540].

Правительство – орган исполнительной власти (кабинет Министров, Совет министров и т.д.). Обычно возглавляется Премьер-министром (Канцлером, Председателем правительства или кабинета Министров). В президентских республиках правительство возглавляет Президент страны. В Российской Федерации Председатель правительства назначается Президентом, члены правительства также назначаются Президентом по представлению Председателя правительства [1, с. 580].

Термин «*институт*» (от лат. установление) в узком смысле, к примеру, в конституционном праве употребляется как орган власти, а в широком смысле – как элемент социальной структуры, исторической формы организации и регулирования общественной жизни, означает совокупность учреждений, норм, ценностей, культурных образцов, устойчивых форм поведения [1, с. 283-284].

Политическая система общества традиционно трактуется как система социальных институтов государственно-организованного общества, осуществляющих определенные политические функции. Политическая система общества включает государство, партии, профсоюзы, церковь, а также организации и движения, преследующие политические цели» [1, с. 571].

Современность – широко применяемое понятие, означающее действительность определенной эпохи, то, что происходит, существует сейчас. Передовые идеи современности [2, с. 605].

Модерн (фр. современный, современность) – исторический период, начавшийся с эпохи Просвещения (XVII - XVIII вв.), то же, что Новое время [3, с. 516].

Постмодерн (лат. пост – после и модерн современное) – культурологический, политологический и социологический термин для описания этапа цивилизации, завершившей путь развития по логике «Модерна», Нового времени, когда все основные тенденции, заложенные на заре этого цикла, полностью реализовались [3, с. 521].

Позиция парламента как политического института изменялась в историческом процессе. С переходом от абсолютной монархии через конституционную к парламентарной прежде всего происходил устойчивый рост роли парламента. В конце XX – начале XXI вв. проявилась тенденция ограничения значения законодательной власти в пользу исполнительной. Помимо этого, ограничения парламент выполняет существенную роль в механизмах осуществления власти.

В соответствии с принципом разделения властей, парламент как один из трех государственных органов, не занимает привилегированной позиции. В странах социалистического блока он формально был высшим органом государственной власти. В СССР это был Верховный Со-

вет [4, с.212-213]. На практике он был более либо менее послушным орудием в руках коммунистической партии. В развивающихся странах преобладает модель ограниченной роли парламента в политической системе.

В большинстве развитых стран функционирует двухпалатный парламент (бикамерализм), в т. ч. в Республике Беларусь. Белорусский парламент – Национальное Собрание – состоит из двух палат: Палаты представителей и Совета Республики [5, с. 32].

Организационная структура парламента, его полномочия, а также порядок работы определяются в Конституции и в специальном законодательстве. Парламент обычно работает на сессиях. Помимо обычных возможен созыв чрезвычайных сессий, собирающихся, как правило, большинством голосов депутатов, либо по предложению исполнительной власти. Важную роль в практической деятельности парламента исполняют его органы – руководящие и вспомогательные.

Руководители палаты Парламента – Национального Собрания Республики Беларусь: Председатель Совета Республики Качанова Наталья Ивановна и Председатель Палаты представителей Андрейченко Владимир Павлович. Вспомогательными органами парламента являются комиссии. Среди них есть постоянные комиссии, временные, следственные и т. д.

Парламент выполняет законодательную, легитимизационную, контрольную и арбитражную функции.

Современный парламент можно назвать рационализированным институтом. Это определение указывает на его реальное место в системе осуществления власти. Проявляется тенденция расширения деятельности правительства за счет некоторого ограничения законодательной и контрольной функций парламента при удержании либо возрастании его легитимной и арбитражной функций.

Легитимизационная функция основана на придании правовых полномочий этому органу как являющемуся выразителем суверенности нормативных актов.

Арбитражная функция парламента реализуется в силу того, что он есть местом представительства разнородных социальных интересов, а также местом разрешения сложных споров и поиска компромиссов. Контрольная функция парламента реализуется специальными комиссиями, счетными палатами, проявляется в оценке работы органов государственной власти.

В отдельных странах, например, в Республике Беларусь помимо парламента существуют иные представительные органы. В Республике Беларусь (ст. 89 Конституции) «Всебелорусское народное собрание – высший представительный орган народовластия Республики Беларусь,

определяющий стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающие незыблемость конституционного строя, преемственность поколению и гражданское согласие [5, с. 29].

Правительство как политический институт. Система правительственных органов включает сектор общей администрации во главе с правительством (в президентских системах – президент), сектор экономической и социально-культурной администрации, а также силовой сектор – вооруженные силы, милиция (полиция), службы национальной безопасности. Политический анализ деятельности правительства фокусируется как на его анализе в качестве политического института, так и анализе деятельности лиц, принимающих и реализующих решения. Политическая роль правительства Республики Беларусь закреплена в статье 107 Конституции. «Правительство Республики Беларусь: разрабатывает основные направления внутренней и внешней политики и принимает меры по их реализации; обеспечивает проведение единой экономической, финансовой, кредитной и денежной политики, государственной политики в области науки и инноваций, культуры, образования, экологии, социального обеспечения и оплаты труда, государственно- частного партнерства» [5, с. 43-44].

Библиографические ссылки

1. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / под ред. В.И. Бородулина, А.П. Горкина, А.А. Гусева, Н.М. Ланда и др. М.: Большая российская энциклопедия, 2003. 912 с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: «Русский язык», 1988. 749 с.
3. Дугин А.Г. Философия политики, М., Арктогея, 2004. 616 с.
4. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. Энциклопедия, 1984. 1600 с.
5. Конституция Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г., и 27 февраля 2022 г. Минск. Национальн.Центр правовой информации Респ. Беларусь. 2022.

ИНСТИТУТ СЕМЬИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ И УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Е. П. Рожок

*Соискатель кафедры политологии юридического факультета, Белорусский
государственный университет, г. Минск, Беларусь, alenarazhok@bsu.by*

В статье проанализированы изменения института семьи в Республике Беларусь на современном этапе развития. Показаны изменения института семьи на фоне глобальных мировых процессов. Проанализированы статистические данные брачно-семейных отношений по состоянию на 2022 г. Рассмотрены характерные причины нежелания вступать в брак. Определены задачи укрепления семьи в Республике Беларусь.

Ключевые слова: институт семьи, семейные традиционные ценности, брачно-семейные отношения, семья.

THE FAMILY AS INSTITUTION IN THE REPUBLIC OF BELARUS AS A FACTOR OF STABILITY AND STRENGTHENING OF NATIONAL INTERESTS

E. P. Rozhok

*Competitor of the Department of Political Science, Faculty of Law, Belarusian State
University, Minsk, Belarus, alenarazhok@bsu.by*

The article reveals the patterns of transformation of the family institution in the Republic of Belarus at the present stage of development. The changes of the family against the background of global world processes are shown. The statistical data of marriage and family relations as of 2022 are analyzed. The characteristic reasons of unwillingness to marry are considered. The tasks of strengthening the strengthening of the family in the Republic of Belarus are defined.

Keywords: family institution, family traditional values, marriage and family relations, family.

В государствах XXI в. всё большую значимость приобретают цели и задачи, связанные с решением социальных проблем. Деятельность государственных органов по социальной защите и обеспечению населения составляет функциональное содержание социальной политики [1, с. 1]. Основным элементом современного социального государства является

институт семьи. Своей фундаментальностью, именно семья придает обществу стабильность и способность восполнять демографические проблемы страны, обеспечивая, тем самым развитие общества в целом. Именно состояние семьи, как важнейшей составляющей ячейки общества, является причиной развития ряда процессов, происходящих как внутри страны, так и за ее пределами.

Фридрих Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» указал на зависимость степени развития института семьи от стадии трансформации формы общества. Образ семьи основан на материалистических воззрениях, ключевыми факторами при его формировании являются производство и воспроизводство жизни, а сами экономические предпосылки укрепляют и объединяют семью. Являясь ячейкой общества, семья содержит в себе набор противоречий, свойственных определенному обществу и государству в целом. Именно через анализ единства связей в семье и отношений ее с обществом можно установить связь фундаментальных формационных законов. Семья в своем развитии не пришла к идеальной модели, эволюционные процессы продолжают, претерпевает трансформацию ускорение прогресса семьи, подверженное увеличению темпов социальной динамики [2].

Семья – это союз лиц, которые связаны между собой определенными связями, моральными, материальными, родственными. Основой семьи является, общее ведение хозяйства, забота о рожденных, усыновленных детях, обязанности и права, вытекающие из брачных отношений [3, с. 59].

Институт семьи претерпевал в течении истории серьезные изменения. Социальные, политические видоизменения последних десятилетий существенным образом повлияли на все сферы развития общества. К основным проблемами института семьи можно отнести: рост числа разводов, снижение количества заключенных брачных союзов, межличностные отношения и отношения полов, неустойчивость традиционных ценностей общества и их общая трансформация [4, с.32].

Проблемы института семьи основаны на глобальном мировом кризисе ценностей брачно-семейных отношений, даже их деградацией, переходом от института к группе. На данном этапе развития общества и государства в целом стоит отметить, что содержание брачно-семейных отношений показывает степень зрелости общества, его культурное, политическое место в мире. Изменения семьи – это эволюционный процесс, который объясняет тенденции перехода от традиционной семьи в современную. Однако семья для людей и на сегодняшний день является важнейшей ценностью. Именно в понятии «семья» сохраняются традиционные идеалы, устойчивые моральные и нравственные ценности.

Основными функциями семьи остаются воспроизводственная и воспитательная. Ослабление этих функций и приводит к кризису института семьи, процессы подвергаются трансформации, затрагивая все остальные проблемы семьи. Преобразование института семьи и брака проходит является поэтапным и многогранным. Каждый этап преобразования института семьи выделялся своими особенностями политического социального процесса развития общества. Остановившись на проблемах развития института семьи на современном этапе можно выделить основные моменты функционирования базовых социальных институтов. Когда индивидуальное становится центром социальности, традиционные семейные ценности нивелируются, альтернативой семьи и брака становится отказ от брака, жизнь в одиночестве, исчезает потребность у семейных пар в продолжении рода, происходит разделение всех видов семейного поведения [5, с. 199].

Опираясь на данные статистических исследований можно отметить, что в Беларуси в 2021 г. количество браков на 1000 человек среди городского населения составило 7, сельского – 4,3, всего населения – 6,4. Среди заключивших брак 67,9% мужчин вступили в первый союз, 32,1% – в повторный, среди женщин – 64,3% и 35,7% соответственно [6].

Средний возраст вступления в первый брак среди женщин увеличился с 24,4 лет (в 2010 г.) до 26,3 (в 2021 г.). Среди мужчин с 26,5 лет до 28,6 соответственно. В 2021 г. было заключено 945 браков, в которых жених и невеста были в возрасте 60 лет и старше. Основная доля браков заключается между гражданами Беларуси. В 92,9% браков жених и невеста являлись белорусскими гражданами, в 7% один из вступающих в брак – иностранный гражданин, в 0,1% жених и невеста были иностранцами. По данным выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни (2022 г.), 89% женщин полностью или скорее удовлетворяет принятая в семье модель распределения обязанностей, среди мужчин степень удовлетворенности составляет 95,3%. По данным переписи населения 2019 г., в Беларуси насчитывалось 2 612 413 семей, из которых 78,2% проживали в городской местности, 21,8% – в сельской. Более 43% семей имели детей моложе 18 лет. Средний размер семьи составлял 2,9 человека. Показательны данные: в 2021 г. 58,5% занятых в экономике женщин в возрасте 20-49 лет имели несовершеннолетних детей. Среди руководителей в возрасте 20-49 лет женщины составили 51,9%, из них 59,3% имели несовершеннолетних детей [6].

Расходы на выплату государственных пособий семьям, воспитывающим детей, в 2021 г. они составили Br 2 682,7 млн, что на 10,7% больше чем в 2020 г. [6]. Приведенные статистические данные с очевидностью демонстрируют значимость систематической оценки состояния

взаимодействия исполнительных и законодательных органов в вопросах семейной политики. Очевидна значимость популяризации и пропаганды сохранения семейных традиционных ценностей.

В настоящее время внесены корректировки в ст. 32 Конституции Республики Беларусь. Норма, закрепляющая брак как союз женщины и мужчины, была перемещена на место ч. 1 указанной статьи. Данное изменение внесено с целью показать важность для белорусского общества сохранения традиционного уклада семьи. Принципиальные изменения коснулись закрепленных Конституцией прав и обязанностей родителей по отношению к детям. Часть 3 ст. 32 дополнена указанием на обязанности родителей готовить детей к общественно полезному труду, прививать культуру и уважение к законам, историческим и национальным традициям Беларуси». В ч. 4 ст. 32 на конституционном уровне закреплена поддержка государством семей с детьми, детей – сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Новацией является ст. 32¹ Конституции Республики Беларусь, согласно которой «Государство способствует духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию молодежи, создает необходимые условия в общественной жизни, реализации потенциала молодежи в интересах всего общества». В ранее действовавшей редакции Основного закона соответствующая норма закреплялась в ст. 32. Выделение ее в качестве самостоятельной позволяет утверждать о приоритетности для государства заботы о молодом поколении – будущем страны [7].

Институт семьи является важнейшим для государства элементом стабильности и укрепления национальных интересов. Изучая проблемы традиционных семейных ценностей, которые претерпевают глобальную трансформацию во всем мире, можно выявить опасный вектор отказа от семьи и детей. Главными причинами нежелания вступления в брак являются трансформация экономического уклада, проявление индивидуализации, перераспределение социальных ролей между женщиной и мужчиной, влияние западных ценностей. Однако, несмотря на определенное изменение духовных основ, смысла и функций семьи в сознании поколения молодых людей, все же прослеживается готовность воспроизводить семейные паттерны родителей. Задачи укрепления института семьи в Республике Беларусь должны носить комплексный характер. Социальные механизмы сохранения и укрепления семейных традиционных ценностей необходимо выстраивать в тесной коммуникации с информационной политикой, при этом главной задачей которой, является направленность на повышение престижа института семьи.

Библиографические ссылки

1. Основы социального государства : учеб. пособие / сост. Н.М. Полевая, Е.П. Селькова. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2014. 165 с.
2. *Равочкин Н. Н.* Осмысление феномена семьи в истории социальной философии // Концепт. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osmyslenie-fenomena-semi-v-istorii-sotsialnoy-filosofii> (дата обращения: 12.04.2023).
3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 278-З: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. // Эталон-Беларусь [Электрон. ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.(дата доступа: 20.03.2023).
4. *Галкина Е. П., Кадничанская М. И.* Трансформация института семьи в условиях современных модернизационных процессов // Вестник ОмГУ. Сер.: Экономика. 2015. № 3. С.193-200.
5. *Гурко Т.А.* Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи / Т.А. Гурко // Социологич. журнал. 2020. Т. 26. № 1. С. 31–54.
6. Белстат назвал средний возраст вступления белорусов в брак [Электронный ресурс]// БелТА. 2023. URL: <https://www.belta.by/society/view/belstat-nazval-srednij-vozrast-vstuplenija-belorusov-v-brak-501872-2022/>(дата доступа: 20.03.2023).
7. Конституция Республики Беларусь: принята на респ. референдуме 15 марта 1994 г.: с изм.и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г., с изм. и доп., с изм.и доп., принятыми на респ. референдуме 27 февраля 2022г. [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution/> (дата доступа: 20.03.2023).

РАБОТА С МОЛОДЕЖЬЮ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Е. В. Семочкина

соискатель кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Избирательной комиссии Самарской области с правом решающего голоса на постоянной (штатной) основе, Москва, Россия, e.v.semochkina@mail.ru

В статье проведен анализ и обоснована позиция о целесообразности нахождения компромиссных решений между представителями власти и институтами гражданского общества при формировании и реализации молодежной политики на основе интересов молодежи и общества. Доказано, что эффективная работа молодежных совещательных органов будет способствовать развитию политической стабильности.

Ключевые слова: молодежные совещательные органы, политическая стабильность, молодежные митинги, молодежь и государство.

WORK WITH YOUTH IN GOVERNMENT BODIES AS A FACTOR OF SOCIO-POLITICAL STABILITY

E. V. Semochkina

Candidate of the Department of Political Science and Political Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, member of the Election Commission of the Samara region with the right to vote on a permanent (staff) basis, Moscow, Russia, e.v.semochkina@mail.ru

The article analyzes and argues the position on the expediency of finding compromise solutions between representatives of the authorities and civil society institutions in the formation and implementation of youth policy based on the interests of youth and society. It is proved that the effective work of youth advisory bodies will contribute to the development of political stability.

Keywords: youth advisory bodies, political stability, youth rallies, youth and the state.

В Российской Федерации сложилась система работы с молодежью в органах государственной власти и среди многообразных институтов гражданского общества. Развитие молодежного творчества, спорта, науки, волонтерства и многое другое является реалиями современной общественно-политической жизни страны. Работа направлена на социализацию и воспитание подрастающего поколения. С принятием рамоч-

ного закона о молодежной политике №489 – ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» в 2020 г., были определены основные формы, принципы и методы реализации молодежной политики в России. Данный закон одним из основных принципов определяет поддержку деятельности молодежных общественных объединений. Формирование таких общественных молодежных объединений как парламент, правительство и избирательная комиссия стартовало с начала 1990-х гг., однако имело самоорганизующийся характер и не было поддержано органами власти.

С середины 1990-х гг. в организации молодежных парламентов произошли кардинальные изменения. В 1995 г. парламенты стали иметь статус общественной организации. В начале 2000-х гг. начали свое развитие молодежные правительства и молодежные избирательные комиссии. В современной России в большинстве регионов созданы молодежные парламенты при Законодательных собраниях, Молодежные правительства при Правительствах региона, Молодежные избирательные комиссии при избирательных комиссиях субъекта. Данные молодежные органы являются помощниками представителей органов власти в работе с молодежью, в повышении правовой культуры подрастающего поколения, в работе с молодежным законотворчеством.

Работа с молодым поколением, это основа будущей общественно-политической стабильности в стране. «Молодежь является наиболее уязвимой социальной группой. Интернет и иные современные средства коммуникации позволяют распространять как достоверную, так и ложную информацию, манипулируя политическим сознанием подрастающего поколения» [1, с. 38]. Те методы и формы работы, которые будут приняты сегодня, завтра принесут свои плоды. Важность же государственной деятельности в правильном выборе вариантов данной работы с подрастающим поколением, на основе учета интересов молодежи, а также внутренних и внешних вызовов со стороны субъектов общественно-политического ландшафта. Общественно-политическая стабильность и государственные задачи по взаимодействию с молодежью неразрывно связаны. В протестные митинги в Российской Федерации в 2011, 2018, 2021 гг. была вовлечена молодежь. Деструктивные действия расшатывали общественно-политическую стабильность в стране. Органам государственной власти важно вести системную работу по недопущению подобных прецедентов в будущем России.

Вопросы политической стабильности в контексте реализации молодежной политики были проанализированы представителями научного сообщества – политологами, социологами, философами и иными исследователями. Рассмотрим некоторые из них.

Н. М. Дудин считает источником формирования социальных угроз безопасности многообразие внутренних и внешних противоречий общественного развития в разных сферах жизнедеятельности как в отдельно взятой стране, так и на международной арене в целом [2, с. 175-176]. Значительная часть молодого поколения, заинтересованная в улучшении своей жизни и жизни граждан своей страны, выбирает деятельность в молодежных общественных организациях в качестве инструмента достижения своих целей. Иная часть молодежи склонна к проявлениям протеста без реальных предложений по изменению проблемной ситуации, в том числе по повышению материального и духовного благосостояния. Руководство органов власти и институтов гражданского общества, прежде всего, политических партий должно проявлять гибкость и оперативность в определении вектора работы с молодежью. Большинство молодежи готово откликаться на призывы государства к сотрудничеству и взаимодействию если есть такой запрос, и он доведен до широкой молодежной аудитории с помощью современных средств коммуникации. «При этом важно отметить целесообразность работы органов власти не только с активной молодежью, уже демонстрирующей свою заинтересованность в общественно-политической жизни в стране, но и с пассивной, уклоняющейся от какого-либо взаимодействия с властью» [3, с. 18].

З. Т. Луманова обосновала тезис о нелинейной связи между молодежной политикой и уровнем стабильности в различных политических режимах. Изменение степени развития молодежной политики влияет на уровень стабильности политического режима в государстве. Было выявлено, что более низкий уровень развития молодежной политики может привести к политической дестабилизации [4, с. 100-102].

А. В. Горелкин раскрыл роль современной российской молодежи как субъекта обеспечения устойчивого развития и национальной безопасности России [5, с. 24-26]. Общественно-политическая обстановка в современном мировом политическом процессе выдвинула на первые позиции вопрос национальной безопасности и государственного суверенитета. Полагаем, что защита национальной безопасности возможна не только посредством принятия законов на федеральном уровне, но и поддержки со стороны общества, в том числе молодого поколения.

О. В. Попова в своих работах по изучению российской молодежи и молодежной политики доказала влияние политической повестки дня на уровень политического сознания молодежи [6, с. 140-141]. В своих многочисленных исследованиях Попова дала оценку идеологического, партийного и персонифицированного уровней политической идентичности, идеологических ценностей, политических ориентаций и готовности молодежи к различным формам политической активности.

О. А. Коряковцева констатировала, что «когда общество само находится в процессе перехода, то, как формируется молодежная государственная политика, каковы тенденции взаимодействия власти и молодого поколения и какое значение эти факторы приобретают для общественно-политического развития страны, становится практической и теоретической проблемой, которую необходимо решать» совместно всеми заинтересованными структурами [7, с.79-80].

Л. Г. Рудых пришел к выводу, что в сложной политической обстановке необходимо использовать методы взаимодействия с молодежью, направленные на разъяснительную работу в отношении оппозиционно настроенной молодежи [8, с.20]. Важно использовать потенциал вузов, научные конференции, коворкинги и «точки кипения», которые будут способствовать эффективной работе в данном направлении. Нельзя не обратить внимание на формирование активной жизненной позиции у студентов, поддержку молодежных общественных организаций.

Разделяем позицию А. В. Соколова и С. В. Мироновой, что «ключевым выводом многочисленных исследований является доказательство взаимосвязи экономического развития, политической стабильности и культуры с человеческими ценностями, их трансформацией» [9, с.20].

Важным направлением стабилизации общественно-политической обстановки в молодежных кругах может стать деятельность молодежных совещательных органов при органах власти в субъектах Российской Федерации. Рассмотрим опыт такой работы на примере Самарской области. С 2021 г. в регионе реализует свою деятельность молодежное сообщество «ЗаВолгу», которое направлено на формирование разнонаправленных возможностей молодежи. Например, один из блоков проекта «Голос Молодёжи» направлен на саморазвитие и совершенствование молодых ребят. Данный блок включает в себя духовную, профессиональную, политическую, творческую сферы реализации молодежи. Именно на эти социальные сферы молодому поколению необходимо делать основной упор в саморазвитии, так как они являются оплотом всей жизнедеятельности социума.

Другой блок деятельности молодежного сообщества «ЗаВолгу» «Из прошлого в настоящее» направлен на историческое просвещение и обучение молодежи рефлексировать о настоящем через глубокие исторические процессы. Деятельность блока помогает молодежи разобраться в настоящем [10]. Организаторами и участниками сообщества являются члены молодежных совещательных органов при органах власти, студенты Самарских университетов, школьники области, которым небезразлична жизнь региона. Данный опыт помогает привлечь молодежь с абсолютно разными интересами и увлечениями, тем самым предотвращая не-

осознанное их участие в протестно-оппозиционных мероприятиях [11, с. 35].

Подводя итог, обратим внимание на важность государственной работы с молодежными совещательными органами в форме повышения возможности самой молодежи организовывать многообразные мероприятия в соответствии с запросами общества и направленными на поддержание общественно-политической стабильности как в отдельно взятом регионе, так и в стране в целом.

Библиографические ссылки

1. Семочкина Е. В., Сковиков А. К. Особенности взаимодействия молодежных общественно-политических организаций с органами государственной власти в современной России // PolitBook. 2022. № 4. С. 31-42.
2. Дудин Н. М., Дегтярева Л. Н. Социальная безопасность и политическая стабильность общества // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. №8 (58). С. 171-178.
3. Фролов А. А., Соколов А. В., Гребенко Е. Д. Политическая активность и лояльность современной молодежи // PolitBook. 2021. № 4. С. 6-20.
4. Лухманова З. Т. Роль молодежной политики в стабилизации политических режимов// Развитие территорий. 2021. №2 (24). С. 96-104.
5. Горелкин А. В. Молодежь как субъект обеспечения устойчивого развития российского общества и национальной безопасности России // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2015. №2-2 (62). С. 23-26.
6. Попова О. В. Особенности политического сознания современной российской молодежи // Политическая наука. 2017. №1. С. 138-162.
7. Коряковцева О. А., Климов О. А. Тенденции взаимодействия власти и общества в аспекте развития гражданской идентичности молодежи // Youth World Politic. 2013. № 1. С. 74-80.
8. Рудых Л. Г. Государственная молодежная политика как фактор повышения политической стабильности в Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2022. №8 (109). С. 19-22.
9. Соколов А. В., Миронова С. В. Особенности транслирования политических ценностей в молодежных сообществах социальной сети «ВКонтакте» // PolitBook. 2023. № 1. С. 6-45.
10. Молодежное сообщество «ЗаВолгу». URL: <https://xn--80aednwr1b.xn--p1ai/about>. (дата доступа: 10.03.2023).
11. Семочкина Е. В., Сковиков А. К. Взаимодействие государства с молодежными структурами: Самарский кейс // PolitBook. 2022. № 3. С. 34-48.

ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

С. И. Симановский

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии юридического факультета БГУ, г. Минск, Беларусь, simans@ya.ru

Статья посвящена анализу современных концептуальных подходов к рассмотрению понятия электронной демократии. Отмечается, что использование информационных технологий для развития демократических институтов и расширения участия граждан в политической деятельности составляет суть электронной демократии. Утверждается, что новые информационные технологии влияют на процессы демократизации в обществе и являются важнейшим фактором трансформации современных политических систем.

Ключевые слова: электронная демократия, информационно-коммуникационные технологии, информационное общество, сетевая демократия, теледемократия

ELECTRONIC DEMOCRACY AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF MODERN POLITICAL SYSTEMS

S. I. Simanovski

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Political Science, Law Faculty, Belarusian State University, Minsk, Belarus, simans@ya.ru

The article is devoted to the analysis of modern conceptual approaches to the consideration of the concept of e-democracy. It is noted that the use of information technologies for the development of democratic institutions and the expansion of citizens' participation in political activities is the essence of e-democracy. It is argued that new information technologies, primarily such as the Internet, directly affect the processes of democratization in society and are the most important factor in the transformation of modern political systems.

Keywords: e-democracy, information and communication technologies, information society, network democracy, teledemocracy

Интенсивное внедрение в современную политическую практику цифровых технологий вызывает объективную необходимость изучения

учеными-политологами многих важных вопросов, связанных с феноменом цифровизации на нынешнем этапе развития человеческой цивилизации. Современная модель демократии в будущем может значительно измениться. Ожидаемые изменения связываются с развитием новых средств электронной коммуникации и повышением общего уровня образования граждан.

Распространение Интернета создало возможность оперативного доступа неограниченного количества людей к текстам законопроектов еще на стадии их предварительной разработки, а также к значительному объему аналитической информации несекретного характера. Включение цифровых технологий в современные политические процессы вызывает серьезные изменения во всех сферах взаимодействия государства и общества, включая функционирование политической системы.

Появление нового интерактивного канала массовой коммуникации оказало серьезное влияние на политическую жизнь современных государств. Первый опыт применения интернет-технологий в политике как средства предвыборной агитации и пропаганды относят к началу 1990-х гг. В 1993 г. было положено начало проникновению в киберпространство государственных структур, когда в США появился первый официальный государственный интернет-сайт, принадлежащий Белому дому, а федеральные органы власти стали использовать электронную почту с 1995 г. и «в 2000 г. американцы прислали в Белый Дом, Конгресс и Сенат более 80 млн электронных писем» [1]. Это дало возможность Дж. П. Барлоу сделать вывод, что «виртуальное пространство сети Интернет является основой качественно иного общества, в котором восторжествует действительная свобода и прямая демократия» [2].

В настоящее время в политической литературе широко используется термин *«электронная (цифровая) демократия»*, при этом он имеет различную интерпретацию и содержание. В широком смысле это – демократическая политическая система, в которой информационно-сетевые технологии (ИСТ) используются для выполнения важнейших функций демократического процесса: распространение информации и коммуникация, объединение интересов граждан и принятие решений (путем совещания и голосования). Электронная демократия основана на демократическом принципе: «one person – one voice» («один человек» – «один голос»), где все голоса равны.

Участие граждан в управлении государством может осуществляться двумя путями: посредством личного участия в принятии конкретных решений (прямая демократия) или выборами представителей в органы законодательной власти (представительная демократия). В рамках электронной демократии волеизъявление граждан осуществляется посред-

ством «электронного участия» (публичные обсуждения в формате интернет-форумов, электронное голосование, электронные выборы).

Белорусский политолог Н. А. Антанович считает, что «электронная (цифровая) демократия – это форма политической организации, характерная для информационного общества, объединяющая в себе свойства непосредственной и плебисцитной (референдумной) демократии, а также возможности ИКТ, что означает, во-первых, что основные решения принимают непосредственно граждане путем проведения плебисцитов в информационной сети, во-вторых, что гражданам принадлежит законодательная инициатива и право контроля за соблюдением законности; в-третьих, отказ во многих случаях от принципа приоритета большинства, и переход к консенсусным решениям, при которых не возникает игнорируемого меньшинства» [3].

Российский политолог Н. В. Лаврик определил электронную демократию как форму демократии, характеризующуюся использованием ИКТ как основного средства для коллективных мыслительных (краудсорсинг) и административных процессов (информирования, принятия совместных решений – электронное голосование, контролирование исполнения решений и т.д.) на всех уровнях – начиная с уровня местного самоуправления и заканчивая международным [4].

Некоторые исследователи вместо термина «электронная демократия» употребляют термины «виртуальная демократия», «интернет-демократия», «сетевая демократия» (например, российский социолог И. В. Эйдеман и др.), «облачная демократия» (российские исследователи Л. Волков, Ф. Крашенинников и др.).

Основоположником теории электронной демократии считают японского ученого Е. Масуду, который сформулировал идею о демократии участия на основе информационных технологий и этике совместного использования информации. По его мнению, будущему обществу предстоит жить в «компьютопии», электронные коммуникации здесь получают статус парламентских систем, то есть станут технологической базой для создания прямой демократии участия. Развитие таких информационных сетей предполагает прорывную, революционную модель принятия решений. Наличие обратной связи призвано помочь изменить или корректировать решение, сократить время на его принятие. В такой модели можно учитывать мнение всех слоев населения, что позволит удовлетворить интересы не только большинства, но и меньшинства граждан. Если в индустриальном обществе наиболее прогрессивной формой правления признавалась представительная демократия, то в информационном – демократия участия, «политика участия граждан, – как писал Е. Масуда, –

...при которой управление будет осуществляться самими гражданами» [5].

Е. Масуда определил шесть базисных принципов демократии участия в информационном обществе: 1) все граждане или как можно большее их число должны участвовать в принятии решений; 2) синергия (добровольное участие в решении общих проблем) и взаимопомощь (готовность жертвовать своими интересами) как основа выработки политических решений; 3) доступность для населения всей необходимой информации для обоснованного принятия политических решений; 4) полученная выгода и доходы должны распределяться между всеми гражданами; 5) решение политических вопросов следует находить путем убеждения и достижения общего согласия; 6) принятое решение должно реализовываться путем сотрудничества всех граждан [5].

Различают *прямую и коммунитарную демократии*. Идеи прямой электронной демократии получили развитие в работах ряда учёных. По мнению Л. Гроссмана, внедрение новых информационных технологий способно привести к формированию третьей после античной и представительной «великой эпохи демократии»: «Наибольшие потери в сегодняшнем процессе реструктуризации и возрождения общественного влияния несут традиционные институты, служившие основными посредниками между государством и его гражданами, – политические партии, профсоюзы, гражданские ассоциации и даже традиционные СМИ» [6, с. 5]. Речь идет о возвращении идеала античной демократии, когда все граждане полиса принимали постоянное участие в политике.

По утверждению Б. Барбера, демократия участия, которая при помощи новых информационных технологий придет на смену представительной, отменит как представительство политических профессионалов, так и правление экспертов и бюрократов [7, с. 17].

В работе Э. Коррадо и Ч. Файерстоуна «Выборы в киберпространстве» рассматриваются проблемы использования компьютерных сетей для проведения выборов и референдумов. Интернет способен обеспечить прямое общение граждан и государства, несмотря на наличие проблем технического свойства и обеспечения безопасности [8].

Среди приверженцев *коммунитарной электронной демократии* выделяются работы А. Этциони «Дух сообщества: права, обязанности и коммунитарная повестка дня» и Х. Рейнгольда «Виртуальное сообщество» [9; 10]. С точки зрения указанных авторов, интернет-сообщества возникают на платформе определенных электронных ресурсов и эксплуатируют стремление людей к общению с единомышленниками. А. Этциони разработал концепцию «*теледемократии*». Он настаивал,

что основа будущего демократического устройства должна находиться не в руках профессиональных политиков, а в руках общин [9, с. 32].

Сетевым обществам, в отличие от иерархических, присущи характеристики: а) независимость членов сети; б) множественность лидеров; в) добровольность связей; г) объединяющая цель; д) множественность уровней взаимодействия. Х. Рейнгольд называл сеть «великим уравнителем», способным «выровнять баланс власти между гражданами и политическими баронами» [10, с. 19]. Идеальной формой электронной демократии он считал самоуправление граждан посредством электронных опросов, формирование общественного мнения без участия профессиональных политических коммуникаторов, посредников и т. п. Л. В. Сморгунев считает, что сетевой подход трансформирует государственный аппарат, превращая иерархическую структуру традиционного государства в сеть автономных агентств [11, с. 103].

Синонимами термина «электронная демократия» выступают понятия «сетевая», «текучая» демократия, «демократии 3.0», «викидемократия».

«Сетевая демократия» обозначает широкое участие гражданского общества в процессе принятия политических решений через Интернет. «Текучая (подвижная, облачная) демократия» – вариант сетевой демократии, симбиоз прямой и представительной демократии. Отдельно взятый гражданин не может одинаково хорошо разбираться во всех проблемах, но имеет право делегировать свой голос другим участникам голосования, в том числе экспертам (специалистам или политикам от разных партий, а также беспартийным).

«Демократия 3.0» подчеркивает использование наиболее современной интерактивной платформы Web 3.0 для реализации концепции «сетевой демократии».

«Викидемократия» предполагает соединение принципа совместной работы граждан над решениями (как в Википедии) и общего голосования по всем спорным вопросам (как при прямой демократии). Люди могут вносить предложения по решениям и правки в них, но принятыми считаются только те предложения, которые поддержаны большинством.

Таким образом, современная демократия и ее основные институты (парламент, правительство, местные органы власти, СМИ, политические партии и общественные организации и др.) объективно модернизируются на основе развития и распространения новых средств электронной цифровизации и коммуникации. Главным принципом любой модели демократии становится широкое использование информационных технологий для развития политических институтов и расширения участия граждан в общественной деятельности.

Библиографические ссылки

1. *Майорова А.* Девятый вал e-mail. Компьютеры и Интернет как катализаторы «информационного взрыва» // Известия. 2021. 22 марта.
2. *Barlou J. P.* The Declaration of Cyberspace Independence. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence>. (дата доступа: 17.03.2023).
3. *Антанович Н. А.* «Электронное правительство» как технология перехода от государственного администрирования к эффективному государственному менеджменту. URL: <https://law.bsu.by/pub/11/ant3.pdf>. (дата доступа: 17.03.2023).
4. *Лаврик Н. В.* Электронная демократия: теоретические основы исследования // Вестник ЗабГУ. № 12(115). 2014. С. 74 – 82.
5. *Масуда, Е.* Компьютопия // Философская и социологическая мысль. 1993. № 6. С. 36-50.
6. *Grossman L.* The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age. N.Y.: The Viking Press, New York, USA. 1995. 304 p.
7. *Barber, Benjamin R.* Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. San Francisco: University of California Press, 1984. 320 p.
8. *Corrado A., Firestone C.* Elections in Cyberspace: Towards a New Era in American Politics. Washington: The Aspen Institute, 1997. 104 p.
9. *Etzioni A.* The Spirit of Community: Rights, Responsibilities and the Communitarian Agenda. N. Y.: Touch-stone. 1993. 323 p.
10. *Rheingold H.* Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. London: Mandarin. 1993. 447 p.
11. *Сморгунов Л. В.* Сетевой подход к политике и управлению // Полис. Политические исследования. 2001. № 3. С. 103-112.

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ВЛИЯНИЯ ДИАСПОР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ ¹

Л. В. Слуцкая

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии юридического факультета БГУ, г. Минск, Беларусь, slutskayalv@bsu.by

В статье изучены возможности и пределы влияния диаспор в современном мире. Выделены основные факторы влияния диаспор в современном мире: сплоченность, финансовые и интеллектуальные ресурсы, информационно-коммуникативные возможности. Отличие в обладании ресурсами ограничивает влияние ряда диаспор.

Ключевые слова: диаспора, политический процесс, ресурсы, социальные сети, идентичность.

POSSIBILITIES AND LIMITS OF INFLUENCE OF DIASPORA IN THE MODERN WORLD

L. V. Slutskaya

Candidate in Historical Science, Associate Professor, Associate Professor of Department of Political Science, Law Faculty, Belarusian State University, Minsk, Belarus, slutskayalv@bsu.by

The article presents the possibilities and limits of the influence of diasporas in the modern world. The main factors of influence of diasporas in the modern world are identified: cohesion, financial and intellectual resources, information and communication opportunities. Differences in resource ownership limit the influence of a number of diasporas.

Keywords: diaspora, political process, resources, social networks, identity.

Активизация миграционных процессов, глобализация и регионализация привели к увеличению количества диаспор. Изменилась и их роль. В настоящее время диаспоры – это не всегда ущемленная группа, оторванная от государственно значимых сфер жизни общества. Обладая значительными интеллектуальными, финансовыми ресурсами они могут

¹ Данная статья подготовлена в рамках НИР «2.04 «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности», № ГР 20211919 (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021-2025 гг.).

выступить в качестве мощного инструмента влияния в культурной, гуманитарной, социально-экономической и даже политической жизни.

С 1990-х гг. наблюдается расцвет исследований, посвященных диаспорам. Этому способствовал ряд факторов: процессы глобализации и трудовой миграции, интернационализация экономики, распад СССР, возможность возвращения на родину этнических меньшинств (экспатриация), проживавших на просторах советского государства (евреев, немцев, греков, корейцев). Все эти факторы требовали переосмысления и анализа. В этот период появляются периодические издания по проблеме диаспор: канадский журнал «Diaspora, Journal of Transnational Studies» (1991), российский журнал «Диаспоры» (1999). Значимый вклад в теоретическое обоснование диаспоры в 1990-нач. 2000-х гг. внесли Г. Шеффер, У Сафран, Р. Коэн, Р. Брубейкер, Дж. Клиффорд, С. А. Арутюнов, Ж. Т. Тощенко, Т. И. Чапыткова, В. А. Тишков и другие.

По мнению директора Национального центра научных исследований по социологии и антропологии Университета Тулузы Шанталь Борд-Бенаюн, этот период «соответствует смене перспективы в изучении миграций, постепенному переходу от изучения однонаправленных, а затем и биполярных движений к изучению транснациональных и многополярных движений и локальной этничности, исследуемой в масштабе небольших местных образований и в рамках национальных государств, которые их принимают и порождают...» [1]. Она считает, что для исследований этнических сообществ характерна эволюция подходов к определениям: 1960- гг. преобладал термин иммигрант, который рассматривался как «рабочая сила», в 1970-нач. 1990-х гг. он уступил место термину «этническое меньшинство», а с 1990-х гг. утвердился термин человек диаспоры [1]. Несмотря на значительный массив публикаций по данной проблематике, многие исследователи обращают внимание на непроработанность категории «диаспора», сведение ее «к статусу беженца, иммигранта либо к вынужденной / сознательной экспатриации» [2, с. 64].

На сегодняшний день научные исследования феномена «диаспора» приобретают новые оттенки и грани, связанные с политизацией этничности, ростом влияния диаспор на мировую политику, анализом условий, способствующих сохранению идентичности в глобализирующемся мире. В ряде стран диаспоры играют все более весомую роль, имея обширные возможности влияния на принятие политических решений, на деловые, военные круги и даже международное сообщество, конкурируя по влиятельности с национальными государствами. Они выступают связующим звеном как минимум двух стран, а выходцы с постсоветского пространства и более: например, турки-месхетинцы Узбекистана (Узбекистан-Россия-Турция), корейцы Узбекистана (Узбекистан-Россия-Республика

Корея/Казахстан-Россия-Республика Корея) и др. Разделяем утверждение российских политологов Е. С. Карсановой и Р. К. Гуршумова, что «кроме осязаемых материальных ценностей, диаспоры способны преумножать эмоционально-культурный, интеллектуальный капитал и устанавливать долговременные каналы связи метрополии с принимающими государствами по всему миру» [2, с. 63].

Ряд диаспор, например, армянская и еврейская, успешно интегрировавшись в принимающее государство, способны оказывать существенное воздействие на национальное правительство. Так, во Франции действует Координационный совет армянских организаций Франции (КСАФ), объединяющий всех армян в этой стране. Этот совет играет значимую роль в политической жизни Французской республики. Под его давлением французские власти занимают антитурецкую позицию в конфликтах в Нагорном Карабахе, в Ливии, в вопросах вступления Турции в ЕС. 25 января 2023 г. во время ежегодного обеда, организованного КФАС, министр внутренних дел Франции Жеральд Дарманин заявил: «Противники Армении – это противники Франции» [3]. Такая позиция представителя французских властей подчеркивает степень влияния армянской диаспоры в этой стране.

Последствия влияния диаспор во многом зависят не только от наличия тех или иных ресурсов, но и от отношения к стране исхода – положительного или отрицательного. Представители одной диаспоры могут по-разному оценивать деятельность властей, причем даже в рамках одного этнического сообщества. «Диаспорам не всегда удастся сохранять лояльность по отношению к родине и скрывать возникающие внутри сообщества разногласия и расколы, зачастую весьма болезненные», – подчеркивает Г. Шеффер [4, с. 179].

Развитие новых информационно-коммуникативных технологий и социальных сетей диверсифицировали возможности влияния диаспор. Они упростили поиск соотечественников, проживающих за рубежом и их коммуникацию. Интегрируясь в рамках таких сообществ, диаспоры привлекают значительные финансовые, людские и интеллектуальные ресурсы для последующих действий не только в принимающих их обществах, но в метрополии. Такое воздействие может иметь как конструктивный характер, так и дестабилизирующий, поскольку контролировать такие информационные потоки достаточно сложно: сети могут быстро формироваться и столь же быстро исчезать, выполнив свою задачу.

Еще в 1975 г. французский исследователь Р. Мариенстрас обращал внимание на возможности влияния диаспор на политическую жизнь: «Разрозненные, разобщенные меньшинства – ничто. Объединившись, они смогут выступить и организовать борьбу против национального гос-

ударства, претендовать на долю суверенитета...» [5, с. 98]. Сегодня мы видим, что соотечественники, проживающие за рубежом, не разделяющие политических взглядов правящих кругов метрополии, используют социальные сети, мессенджеры для оказания давления не только на страну пребывания, но и на мировое сообщество, настаивая на принятии санкций в отношении неугодных им режимов (Республика Беларусь, Российская Федерация).

При анализе возможностей влияния диаспор необходимо учитывать такие важные параметры как численность диаспоры, ее организационная структура, финансовые ресурсы, степень сплоченности, поддержание идентичности, отношение к стране исхода, политические позиции, степень открытости. От этих параметров во многом зависят и пределы влияния диаспор.

Таким образом, обладая мощными финансовыми, интеллектуальными ресурсами, связями в правительственных кругах, диаспоры способны оказывать влияние на принятие политических решений как в государствах пребывания, так и на международной арене. Отсутствие или недостаточность ресурсов, слабая институциональная структура, закрытая общинная солидарность, родственные связи ограничивают возможности влияния представителей этнических сообществ. В таких случаях, их деятельность зачастую направлена на сохранение своих культурно-бытовых, религиозных особенностей, самовоспроизводства, а контакты с правительством принимающей страны ограничены и касаются в первую очередь защиты прав представителей диаспоры.

Библиографические ссылки

1. Bordes-Benayoun Ch. La diaspora ou l'ethnique en mouvement // *Revue européenne des migrations internationales*. 2012. № 1. vol. 28 [Электронный ресурс]. URL : <http://journals.openedition.org/remi/5700>. (дата доступа: 27.03.2023).
2. Карсанова Е.С., Гуришумов Р.К. Диаспора как политический ресурс // *Власть*. 2020. № 3. С. 63-67.
3. Министр внутренних дел Франции: Противники Армении – это противники Франции [Электронный ресурс]. URL : <https://factor.am/ru/37463.html>. (дата доступа: 12.04.2023).
4. Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // *Диаспоры*. 2003. № 1. С. 162-184.
5. Marienstrass R. *Être un peuple en diaspora*. Paris : F. Maspero. 1975. 213 p.

КОНЦЕПЦИЯ «НЕПРЯМОГО УПРАВЛЕНИЯ» КАК ОСМЫСЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТОВ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ

А. А. Сулейков

Научный сотрудник центра мировой экономики ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси», аспирант кафедры политологии юридического факультета БГУ, Минск, Беларусь, suleykov@bk.ru

Концепция «мягкой силы», во многом являющаяся порождением энтузиазма, царившего в западном интеллектуальном мейнстриме 1990-х гг., стала одной из основ критики «жесткого» внешнеполитического курса администрации Дж. Буша-мл. В силу этого «мягкая сила» как правило относится к международной, внешнеполитической сфере. В этой статье автором рассматриваются основополагающие принципы концепции «мягкой силы», прослеживаются исторические предпосылки формирования концепции «непрямого управления», а также проводятся параллели между двумя этими концепциями.

Ключевые слова: «мягкая сила», не прямое управление, косвенное управление, колониальная политика, внутренняя политика, гражданское общество.

THE CONCEPT OF "INDIRECT GOVERNANCE" AS A REFLECTION OF "SOFT POWER" INSTITUTIONS' PERFORMANCE IN DOMESTIC POLITICS

A. A. Suleikov

Researcher at the Center for World Economy of the SSI "Institute of Economics of the NAS of Belarus", postgraduate student of Department of Political Science, Minsk, Belarus, suleykov@bk.ru

The "soft power" concept, largely a product of the enthusiasm that reigned in the Western intellectual mainstream in the 1990s, became one of the basics for criticizing the "hard" foreign policy of the George W. Bush administration. Because of this "soft power" usually is referred to the international, foreign policy sphere. In this article, the author examines the fundamental principles of the concept of "soft power", traces the historical prerequisites for the formation of the concept of "indirect control", and also draws parallels between these two concepts.

Keywords: "Soft power", Indirect governance, Indirect rule, Colonial policy, Domestic politics, Civil society.

Концепция «мягкой силы» во многом стала порождением трансформаций, которые претерпевал научно-гуманитарный дискурс в конце 1980-90-х гг. Распад СССР и социалистического блока, претендовавшего некогда на роль альтернативной мир-системы, обозначил конец периода противостояния двух идеологических, социально-экономических и общественно-политических концепций. Рядом интеллектуалов высказывались мнения о том, что именно либеральная демократия и рыночная экономика как ее материальная основа, победив в холодной войне, утвердили себя в качестве универсальной модели для всех государств и сообществ на планете. Олицетворением и своего рода венцом данного направления стала работа американского философа и политолога Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории».

Как известно, концепция «мягкой силы» была сформулирована Дж. Наем в 1990-е гг. именно в контексте падения социалистического блока и набора популярности парадигмой транзита. Най впервые выдвинул тезис о максимальной применимости «мягкой силы» как инструмента внешней политики [1, с. 123]. «Мягкая сила» как политическое явление, по мнению Най, существовала ровно столько же, сколько существовало человеческое общество и феномен власти как краеугольный камень любого социального объединения. Основываясь на основополагающих принципах кратологии, Дж. С. Най относит «мягкую силу» к одному из подтипов власти. В данном контексте значимым является разночтение в переводе самого изначального понятия «soft power»: изначально англоязычное «power» может означать и силу, и власть. Причем в различных трудах западных политологов, в зависимости от контекста, это понятие применяется в обоих значениях.

Власть как таковая подразумевает возможность одного субъекта политической деятельности (субъекта властного действия) воздействовать на действия и поведения другого субъекта (объекта властного действия). «Мягкая сила» понимается Дж. С. Наем как воздействие на объект посредством побуждения, проистекающего из привлекательности государства, ненавязчиво заставляющего другого желать того же, чего желает субъект воздействия. «Мягкая сила» противопоставляется «Жесткой силе», которая реализуется посредством «кнута и пряника» – военной силы и выделения финансовых средств. Соотнося с классической классификацией видов власти по их источникам, «жесткая сила» может быть ассоциирована с силой, принуждением и побуждением, в то время как «мягкая сила» в трактовке Най – с авторитетом. В этом контексте Дж. С. Наем выдвигается тезис о том, что демократии не воюют. «Мягкая сила» как выстраивание государством своего авторитета, формирование привлекательного имиджа на основе как культуры, традиций, политического

строю, так и на военной мощи становится главным полем конкуренции демократий. При этом «мягкая сила» и применялась, и должна применяться лишь потому, что она эффективна и позволяет достичь поставленных целей с меньшими издержками, получая более значимые результаты.

Тем не менее, особую популярность концепция «мягкой силы» получила после публикации книги Дж. С. Найа «Мягкая сила. Как добиться успеха в мировой политике» в 2004 г. В этой работе американский политолог и выдвинул главный тезис критики жесткого курса администрации Буша младшего со стороны идеалистической школы международных отношений: провалы и неудачи у американской внешней политики вызваны переходом к применению «жесткой силы», использование которой подрывает основы авторитета США как лидера «Свободного мира». Все предыдущие успехи внешней политики США были обусловлены применением «мягкой силы», поражение СССР в Холодной войне было нанесено именно американской «мягкой силой».

Концепция «мягкой силы» неоднократно подвергалась критике и со стороны приверженцев реалистической школы международных отношений, и со стороны представителей постсоветской политической науки. Англоязычные специалисты акцентируют внимание на недостаточной эффективности и применимости «авторитета» как ведущего инструмента внешней политики. Вторые, в силу того, что постсоветское пространство длительное время было полем применения иностранной «мягкой силы», трактуют «мягкую силу» как метод непрямого деструктивного воздействия на существующие в тех или иных государствах с целью изменения их внешне- и внутривнутриполитического курса. Постсоветской политологии и, в частности, российской свойственно восприятие «мягкой силы» как внешнего враждебного фактора, несмотря на признание «мягкой силы» с концентрацией внимания на волевой составляющей. Некоторыми специалистами выдвигается мнение об излишней идеологизированности термина «мягкая сила» и большей применимости понятия «гуманитарное влияние» как отражающего наличие этой волевой компоненты [2, с. 7]. Таким образом, русскоязычная политическая мысль концентрируется на том, что «мягкая сила» включает в себя не только и не столько условный «авторитет», но и «убеждение» (относимое Найем к сфере пропаганды), и «манипуляцию», а также и «побуждение».

Сам Дж. С. Най признает наличие в «мягкой силе» пассивной и активной составляющей. Активная компонента «мягкой силы» проявляется, когда тот или иной актор делает определенные шаги к тому, чтобы донести до другого актора свои преимущества и сформировать в общественно-политическом пространстве этого актора позитивный образ себя

или выгодную для себя ценностную позицию по тому или иному международному вопросу. Исходя из этого, «мягкую силу» возможно понимать как формирование системы предпочтений, симпатий, стремлений, выгодной для того или иного субъекта властного действия. Волевая же составляющая может быть разделена на две компоненты: а) действия, направленные на донесение и популяризацию позиции и образа субъекта действия (активная «мягкая сила» в трактовке Ная); б) определение целей, достигаемых при помощи «мягкой силы» и действия, предпринимаемые с использованием сформированных инструментов «мягкой силы». Именно эта компонента выносятся Ная в сферу дипломатии, а также ресурсов «мягкой силы» (в частности, политические ценности, сам внешнеполитический курс и т.н. «образ будущего»). К компоненте «А» может быть отнесено и создание институциональной структуры «мягкой силы», то есть институтов-посредников, чьей задачей и становится продуцирование и ретрансляция «мягкой силы», формирование системы ценностей, предпочтений, желаний и ориентаций объекта воздействия.

Объединяющим аспектом и авторской трактовки концепции «мягкой силы», и позиций ее критиков является отнесение «мягкой силы» исключительно к области внешней политики. Тем не менее, один из предвестников концепции «мягкой силы», философ-марксист Антонио Грамши, в рамках доктрины «Культурной гегемонии», осмысляя причины провала левых революционных движений, в качестве ключевого аспекта устойчивости буржуазного строя в странах Западной Европы выдвигает ту самую «культурную гегемонию», то есть идеологическую, культурную власть правящего класса [3, с. 160]. Гражданское общество, в лице школы, церкви, местных сообществ, репродуцирует мировоззрение и ценностные установки, делая существующий строй более стабильным: государственный аппарат с его механизмом принуждения представляет собой лишь «первую линию траншей». И в этом случае речь идет о формировании предпочтений, желаний, ценностных ориентаций объектов властного воздействия при помощи институтов-посредников. Это свидетельствует об активном применении «мягкой силы» во внутренней политике государствами Запада как минимум в начале XX в. Общественно-экономические тенденции рубежа столетий во многом лишь расширили эту практику.

Концепция «непрямого управления» первоначально сформировалась в рамках исторической науки в качестве осмысления управленческих практик колониальных империй по отношению к некоторым колониям, прямое управление которыми представлялось нецелесообразным. Так, в ряде случаев метрополия не обладала ни достаточными ресурсами, ни достаточными силами для полноценного контроля колониальной тер-

риторией, навязывания местному населению политического порядка, сложившегося в метрополии. В таком случае представителями метрополии устанавливался режим непрямого управления. Административные функции поручались местным, уже занимающим властные посты лидерам, вождям и местным органам власти (племенным собраниям, общинным судам и т.д.) взамен на политическую лояльность и поставку экономических благ и материальных ресурсов. В частности, примером такой практики может служить опыт британского присутствия в Нигерии, а также британская политика по отношению к Афганистану на протяжении XIX-го столетия [4, с. 119]. Во многом колониальное не прямое управление представляло собой практику экономического управления, в силу чего в дальнейшем эта практика была инкорпорирована в частный менеджмент. И именно из предпринимательского менеджмента эта концепция в дальнейшем перекочевала в теорию государственного управления и политическую науку.

В 1980-х гг. главными следствиями управленческого кризиса стали снижение общественного доверия к административному аппарату и необходимость кардинальной смены классической управленческой парадигмы. В качестве ответа на этот вызов государства Северной и Западной Европы, а также США начали развертывание реформы, предусматривающей включение в государственное управление ряда рыночных механизмов, а также активное применение приватизационных методов и аутсорса услуг [5, с. 121]. Это, в свою очередь, означало переход к «субъект-субъектному» подходу и расширению опоры государственного аппарата на негосударственные субъекты и институты гражданского общества, различные группы интереса.

Данная реформа и ее следствия, лишь расширив поле применения не прямых методов управления, дали толчок анализу использования практик непрямого управления во внутренней политике уже самих западных государств. Результатом этого и стала концепция «Непрямого управления» (англ. «Indirect Governance»), сторонниками которой, в частности, являются политологи профессор Университета Аризоны К. Эббот и профессор Международного университета в Бремене Ф. Геншель. Изначально опираясь на результаты анализа деятельности современных государств в международной политике, они в ряде работ осмысливают деятельность органов власти посредством третьих лиц в целом, и, в значительной степени, во внутренней политике. В своей работе «Two Logics of Indirect Governance: Delegation and Orchestration» авторский коллектив во главе с К. Эбботом выделяет ряд целей, которые достигаются государственным органом при использовании посредника в госу-

дарственном управлении [6, с. 2]. Видится возможным упомянуть некоторые из них:

1. Экспертное обеспечение. Посредники, специализирующиеся в своей области, зачастую обладают более глубоким пониманием предметной проблематики.

2. Установка общественно-политической повестки и легитимация. Государство может инициировать те или иные процессы, акции, осуществлять инициативы от лица негосударственных институтов под видом продукта общественной инициативы. Некоторые общественные целевые группы могут с предвзятостью относиться к государственному контролю или роли государства в целом. В то же время, поддержка от квазинезависимых институтов будет воспринята более положительно.

3. Доступ к «целям» (англ. «targets») управления. Использование посредников позволяет государству получить доступ к ряду субъектов, воздействие на которые посредством формально-юридических управленческих процедур видится недопустимым.

4. Мониторинг, саморегуляция и общественный контроль. Так, третьи стороны могут выступать в качестве самостоятельных субъектов надзора за соблюдением норм, установленных законодательством (авторами приводится пример допуска правительством штата Техас рядовых пользователей сети Интернет к системе видеонаблюдения за американо-мексиканской границей: граждане на добровольной основе могут выполнять роль операторов пограничных камер), а также разрешать споры, возникающие внутри целевой группы, самостоятельно регулировать поведение отдельных ее членов.

Таким образом, речь в данном случае также идет об управлении «целями», то есть теми или иными целевыми социальными группами, при помощи посреднических субъектов с разной степенью автономности. Предназначением же таких субъектов становится контроль той или иной целевой сферы, той или иной социальной группы, легитимация политического курса, установка общественно-политической повестки. То есть, структурирование той общественно-политической среды, в которой находится «цель» управленческого воздействия.

Библиографические ссылки

1. *Наумов А. О.* Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная в зарубежном научном дискурсе: интерпретация и критика // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 89. С.122-131.

2. *Сутырин В. В.* Гуманитарное влияние во внешней политике: ресурсы, каналы, инфраструктуры // Общественные науки и современность. 2020. № 5. С. 5-20.

3. Шевченко М. А. Концепция культурной гегемонии А. Грамши в рамках теории массовой коммуникации // Скиф. 2019. № 5-1 (33). С.159-161.

4. Сурятин, С. Ю. Фактор завоевания в установлении системы косвенного управления в Северной Нигерии // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2015. № 1 (55). С. 118-121.

5. Голубева А. А. Электронное правительство: введение в проблему // Вестн. Санкт-Пет. ун-та. Сер. 8 Менджмент. 2005. № 16. С. 120-139.

6. Abbott K.W., Genschel P., Zangl B. Two Logics of Indirect Governance: Delegation and Orchestration.// British Journal of Political Science. 2015. Mode URL: https://www.researchgate.net/publication/268926143_Two_Logics_of_Indirect_Governance_Delegation_and_Orchestration. (date of access: 03.04.2023).

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

А. Л. Шевцова

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры экономической политики и государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь, alla.l.shevtsova@gmail.com

В функционировании международных организаций региона Восточной Европы выделяются следующие тенденции: расширение тематики обсуждаемых проблем (цифровизация, гендерные вопросы, инклюзия, дефицит демократической легитимности); расширение институциональных форматов (неформальные встречи, саммиты в самых разных форматах); разногласия в вопросах развития и управления (миграционный кризис, COVID-19, расширение ЕС и НАТО, кризис на Украине).

Ключевые слова: Вишеградская четверка, Люблинский треугольник.

SPECIFIC FUNCTIONING OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN EASTERN EUROPE AT THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY

A. L. Shevtsova

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Policy and Public Administration at the Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus, alla.l.shevtsova@gmail.com

The following trends stand out in the functioning of international organizations in the Eastern Europe region: expansion of topics of discussed problems (digitalization, gender issues, inclusion, lack of democratic legitimacy); expansion of institutional formats (informal meetings, summits in various formats); differences in development and governance (migration crisis, fight against COVID-19, EU and NATO enlargement, crisis in Ukraine).

Keywords: Visegrad Group, Lublin Triangle.

В анализе трансформаций международных и национальных институтов управления, национальных политических систем широко используются положения организационной теории (П. Ли Маджо, У. Пауэлл, М. Эмирбайер, В. Джонсон, Н. Флигстин, Д. Макадам и др.). Согласно данной теории, к международным институтам относятся «не только гос-

ударства, межправительственные организации, транснациональные корпорации (ТНК), но и сравнительно новые участники – региональные интеграционные объединения, формальные и неформальные форумы и институты глобального управления, транснациональные ассоциации и партнерства в различных сферах хозяйственной деятельности – как иные по своей сути политические сообщества. В самом общем виде их можно рассматривать как организации, то есть относительно автономные административные и функциональные структуры, которые связаны с крупными социальными общностями, совместной деятельностью людей, стремящихся к достижению неких общих целей на основе определенных норм и правил» [1, с. 30].

Международные организации выполняют функции урегулирования международных кризисных ситуаций, выявления вызовов и угроз общему развитию, поиска коллективных решений глобальных и региональных проблем. Согласно организационной теории, деятельность международных организаций протекает в организационном поле – своеобразном пространстве коммуникаций, действий и противодействий, «куда при соблюдении определенных требований входят государства, политические элиты которых разделяют и формулируют новые общие ценности, принципы и нормы поведения» [2, с. 42].

В анализе политико-институциональных трансформаций важное место занимает пространственный подход. Политическое пространство, как правило, сочетает характеристики физического и социального пространства, «сохраняя дуализм материального и воображаемого» [2, с. 23].

По-прежнему не теряют своей актуальности в анализе трансформаций международной политики идеи конструктивизма. С точки зрения конструктивизма международная система, а также региональные подсистемы, создаются и трансформируются через взаимодействия акторов (агентов), имеющих собственные представления о себе и других. Именно эти представления лежат в основе формирования тех или иных организаций, партнерств, ассоциаций.

Идеи и положения конструктивизма, организационного и пространственного подходов являются плодотворными для анализа функционирования международных организаций в Восточной Европе в начале XXI в.

Государства Восточной Европы участвуют в деятельности большого количества международных организаций – как общего профиля, так и специализированных. Но сейчас пристального внимания заслуживает деятельность региональных организаций (соглашений) которые решают вопросы, касающиеся государств только этого региона. Актуальность такого анализа обусловлена трансформациями восточноевропейского по-

литического пространства, которое в настоящее время характеризуется острой конфликтностью, борьбой альтернативных стратегических проектов развития, противостоянием политической и гражданской субъектности участников политических и военно-политических процессов.

В этой связи в исследовательское поле попадают в первую очередь следующие региональные структуры: Вишеградская группа и Люблинский треугольник.

Вишеградская группа (Вишеградский треугольник) была сформирована 15 февраля 1991 г. президентами трех стран – Чехословакии, Польши и Венгрии при поддержке США. С 1993 г. группа стала Вишеградской четверкой (Чехия, Словакия, Польша, Венгрия). Общая идея четверки в это время – «возвращение в Европу», общая цель – вступление в ЕС и НАТО. Сближению четырех стран способствовал консенсус по поводу необходимости декоммунизации и десоветизации. Между политическими элитами четверки на этом этапе было полное взаимопонимание. Поскольку страны Вишеградской группы стремились как можно скорее вступить в западноевропейские структуры единым блоком, то предполагалось, что данный союз будет временным и в его институционализации нет необходимости. Но после вступления в ЕС в 2004 г. четверка сохраняет свое существование в прежнем неинституционализированном формате до сих пор.

Люблинский треугольник – также неформализованное объединение, в состав которого вошли Польша, Литва и Украина создано 28 июля 2020 г. Предполагалось вовлечение в организацию и Беларуси, но Беларусь не приняла приглашения к участию в июле, а после 9 августа 2020 г. (день президентских выборов) этот вопрос просто исчез из политического поля Беларуси. Общая идея альянса – «противостояние российской угрозе». СМИ, общественные организации, большинство политических сил занимают жесткую антироссийскую позицию, а также антибелорусскую. Как и в случае с Вишеградской группой, создание данного альянса активно поддержали США. И если Вишеградскую четверку в полном составе США не смогли использовать для продвижения своих приоритетов в восточноевропейском регионе, то страны Люблинского треугольника открыто выступают за распространение и укрепление интересов США в Восточной Европе. Еще до начала спецоперации России на Украине миссия «треугольника» была очевидна – будировать антироссийскую риторику и инициировать антироссийские действия, а также поддерживать скорейшее вступление Украины в НАТО и ЕС. После 24 февраля 2022 г. Литва и Польша решили, что «будут поддерживать Украину столько, сколько потребуется, в частности, продолжая оказывать мощную воен-

ную, оборонную, политическую, дипломатическую, экономическую, логистическую и гуманитарную помощь» [3].

Создание Люблинского треугольника является новым этапом в деятельности международных организаций (альянсов, инициатив) в восточно-европейском регионе. До его провозглашения в регионе не было настолько открыто антироссийского и антибелорусского проекта. При всем дистанцировании Вишеградской четверки от России – значение России как экономического партнера стран группы сохранялось только в энергетическом секторе, а за его пределами сотрудничество почти не велось [4, с. 24] – страны периодически пытались вернуться к конструктивным взаимодействиям. «В качестве сближающих факторов можно выделить то, что и Россия, и страны «четверки» в своей политике делали акцент на необходимости уважения национального суверенитета. Схожим было и скептическое отношение этих пяти государств к Брюсселю и продвигаемым им ценностям» [4, с. 26]. Но период сближения по некоторым позициям был кратким – с 2015 г., когда руководство стран четверки отказалось участвовать в программе ЕС по распределению беженцев, до инцидента в Солсбери в 2018 г.

В функционировании Вишеградской четверки и Люблинского треугольника выделяются следующие тенденции, характерные для многих международных организаций в 2010-е – 2020-е гг.:

- расширение сфер деятельности или тематики обсуждаемых проблем (цифровизация, гендерные вопросы, инклюзия, дефицит демократической легитимности);
- расширение институциональных форматов (неформальные встречи, саммиты в самых разных форматах);
- разногласия в вопросах развития и управления (миграционный кризис, борьба с COVID-19, расширение ЕС и НАТО, кризис на Украине).

Понимая ограниченность своих ресурсов и добиваясь повышения своей роли в ЕС, восточноевропейские страны стремятся максимально активизировать свою деятельность во всех европейских структурах, где функциональный (профильный) принцип деятельности организации превалирует над территориальным.

Специфика функционирования региональных организаций в политическом поле Восточной Европы с 2015 г. обусловлена следующими факторами:

- миграционный кризис и проблема беженцев из различных регионов мира;
- переход ЕС к другой модели европейской интеграции – двухскоростной интеграции (интеграционное ядро и периферия);

- пандемия COVID-19;
- новая геополитическая ситуация: открытое противостояние Запада и России, проведение РФ специальной военной операции на Украине.

Библиографические ссылки

1. Европейский союз в глобальном экономическом управлении / отв. ред. М. В. Стрежнева. М. : ИМЭМО РАН, 2017. 255 с.
2. Прохоренко И. Л. Пространственный подход в исследовании международных отношений / И. Л. Прохоренко. М. : ИМЭМО РАН, 2015. 111 с.
3. Опасное трио: какие замыслы выстраивает «Люблинский треугольник» // Baltnews. 12.01.2023. URL: <https://baltnews.com/v-mire/20230112/1025849330/Opasnoe-trio-kakie-zamysly-vystraivaet-Lyublinskiy-treugolnik-.html>. (дата доступа: 03.04.2023).
4. Саморуков М. Отношения стран Вишеградской четверки с Москвой, Брюсселем и Вашингтоном после вступления в ЕС / М. Саморуков // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. 2019. № 1–2. С. 23–30.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ДИАСПОР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Т. И. Шупенько

Кандидат политических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин исторического факультета БГПУ, Минск, Беларусь, tan_joli@mail.ru

В статье анализируются изменения во внешнеполитических процессах, связанные с геополитическими противоречиями и трансформациями внутри национальных государств, которые привели к необходимости переосмысления диаспорами возможностей и способов оказывать влияние на международной арене. Автор исследует актуальные тенденции трансформации диаспор.

Ключевые слова: «мягкая сила», диаспора, диаспоральная политика, политический потенциал, лоббирование.

TRANSFORMATION OF THE ROLE OF DIASPORA IN THE MODERN WORLD

T. I. Shupenko

PhD of political sciences, assistant professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Belarus, tan_joli@mail.ru

The article analyzes changes in foreign policy processes associated with the geopolitical contradictions and transformations within national states, which led to the need for diaspora to rethink the possibilities and ways to influence on the international arena. The author examines current trends of diaspora's transformation.

Keywords: «Soft power», diaspora, diaspora politics, political potential, lobbying.

Изменения во внешнеполитических процессах, связанные с геополитическими противоречиями и трансформациями внутри национальных государств, привели к интенсификации миграционных процессов. Это, в свою очередь, оказывает влияние на изменение места и роли современных диаспор.

В течение последнего десятилетия (на 2023 г.) основным трендом в диаспоральной сфере оставалась концепция «мягкой силы», которая может рассматриваться с позиций двух основных подходов: применение мягкой силы крупнейшими государствами на практике и выявление значимости ее отдельных элементов: религии, образования, культуры, науки

и др. Многие страны успешно пользуются стратегией «мягкой силы» для укрепления своего влияния на международной арене. Существует рейтинг государств, наиболее эффективно ее использующих [1]. В контексте стратегии «мягкой силы» можно говорить о возможностях использования потенциала диаспор в культурной, научной и образовательной сферах. Успешны модели таких стран как Польша, Германия, Турция, Китай.

Однако в последнее время большое значение приобретает политическая функция диаспор, то есть диаспоры политизируются и все чаще заявляют о себе в качестве политических акторов. Это объясняется значительным ростом диаспор и их возрастающей международной значимостью. Включение диаспор в политические процессы в качестве относительно самостоятельного актора ставит перед современными государствами как задачу учета их специфических интересов, так и разработки путей использования этнического фактора в политическом процессе.

Важным фактором, определяющим функциональное значение диаспор во внутренней политике государств и на международной арене, является потенциал созданных институтов диаспоры (начиная от объединений и заканчивая «правительствами в изгнании»). Значимый статус их лидеров позволяет им вести диалог с органами государственной власти на самом высоком уровне. Такое явление в научной политологической среде получило название «*диаспоральная дипломатия*» [2].

В связи с этим можно выделить две основных тенденции. Первая выражается в том, что страны с многочисленной диаспорой за рубежом все чаще пытаются решать свои международные проблемы при их активном участии. Увеличивается разнообразие форм их политического участия, при этом мобилизационным фактором выступает принадлежность к какой-либо этнической группе. Озабоченность стран проживания диаспоры вызывает такого рода политическая активность ее структур, которая может ставить цели реализации права наций на самоопределение.

Другая тенденция заключается в том, что диаспоры активно используют свой лоббистский потенциал для реализации своих собственных политических интересов как внутри страны пребывания, так и на международной арене (получение дополнительных прав и возможностей для представителей диаспоры, особых гарантий для их эффективного развития и т. д.).

Часть организаций диаспоры (например, таджикской, узбекской, туркменской, белорусской) выступают как оппозиция правящему режиму, используя различные методы для борьбы с ним (встречи лидеров диаспоры с представителями верховной власти государств, их участие в

различных встречах международного уровня, использование современных технологий в интернете для формирования общественного мнения). Для Беларуси это особенно актуально, так как на протяжении длительного времени (с середины 1990-х гг. и до настоящего момента) часть оппозиционно настроенных организаций диаспоры пытается использовать политический ресурс в целях изменения политического курса страны, прибегая к перечисленным мерам. После политического кризиса в августе 2020 г. произошла новая волна эмиграции из Беларуси, которая носила выраженный политический характер. Представители оппозиционно настроенной диаспоры создали за рубежом политические структуры, целью которых является объединение белорусов, проживающих за рубежом, на основе общих идеологических взглядов и борьба с режимом внутри Беларуси (Координационный совет, Объединенный переходный кабинет Беларуси, Форум демократических сил и др.).

Созданные структуры предпринимают попытки воздействия на политику американского и западноевропейских правительств с целью усиления санкций против Республики Беларусь. Например, одной из тем встречи президента США Джо Байдена и представителя белорусской оппозиции, экс-кандидата в президенты С. Тихановской в июле 2021 г. была санкционная политика против белорусской власти и перспективы ее усиления и расширения. Кроме того, в ходе встречи была озвучена идея «сделать Минск успешным примером ненасильственного перехода к демократии» [3].

Политическое влияние диаспоры в некоторых случаях заставляет государство проживания его опасаться, что может привести к введению мер дискриминационного характера. Запрет на создание организаций соотечественников и иные меры чаще всего характерны для государств на начальной стадии получения ими независимости. Например, после получения независимости русское население подвергалось дискриминации в Финляндии. В прибалтийских государствах, особенно в первые годы постсоветского периода, проводилась такая же политика в отношении русскоязычного населения. В Эстонии и Латвии была принята стратегия, устанавливающая политическое главенство титульных национальностей, что выражалось в отказе автоматического права на гражданство представителям нетитульных наций. Ситуация изменилась в конце 1990-х гг. в связи с принятой Европейским союзом стратегией «мультикультурной интеграции» по отношению к национальным меньшинствам [4, с. 207]. В Молдове (Молдавии) политика «этнической чистки» привела к неприятным последствиям – значительной потере высококвалифицированных специалистов и руководящих сотрудников. Вице-премьер И. Т. Гуцу публично признал, что «...самой большой ошибкой переходного периода

было уничтожение государственного аппарата и увольнение профессионалов» [5, с. 284].

Диаспоры могут рассматриваться в качестве потенциальной угрозы в том случае, если критически растет количество представителей этнических сообществ и это создает угрозу внутренней безопасности страны. Такие тенденции наблюдаются в странах Западной Европы, серьезно обеспокоенных притоком мигрантов и возникающими в связи с этим социальными кризисами – ростом безработицы, преступности, политическими столкновениями, конфликтами на национальной и конфессиональной почве. Миграционные процессы привели к тому, что ряд государств встал перед выбором: сохранить законодательно закрепленную концепцию «мультикультурализма» либо ограничивать въезд в страну.

В вопросах использования потенциала диаспор существуют и определенные сложности. Как уже подчеркивалось ранее, в связи с повышением роли диаспор на международной арене национальные государства стремятся использовать все их ресурсы в своих интересах, закрепляя это законодательно. Это выражается в двойном гражданстве, предоставлении различных льгот, принятии законов, дающих определенные преимущества данной категории граждан. Распространена практика выдачи специального документа, который их регламентирует (например, «удостоверение зарубежного венгра», «карта поляка»).

Перечисленные факты и тенденции свидетельствуют, что современная ситуация создает возможности как для отстаивания своих интересов самими диаспорами, так и для вовлечения их в системы интересов материнских государств и государств присутствия. Поэтому важно учитывать фактор влияния диаспор при проведении внутренней и внешней политики.

Библиографические ссылки

1. Soft power survey 2014/15 [Electronic resource] // The Monocle. URL: <https://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2014-15>. (date of access: 12.04.2023).
2. Мосейкина М. Н. Диаспоральная дипломатия России в странах Латинской Америки: исторический опыт и перспективы // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Междунар. отношения. 2015. Т. 15, № 4. С. 66-75.
3. Байден встретился с Тихановской [Электронный ресурс] // Вести. URL: <https://www.vesti.ru/article/2593820>. (дата доступа: 12.04.2023).
4. The Baltic as a multicultural world: sea, region and people / ed. M. Lehti. Berlin : Berliner Wiss.-Verl., 2005, 2005. 218 p.
5. Молдавия: современные тенденции развития : сб. ст. / Рос. ин-т стратег. исслед. ; под ред. Е. М. Кожокина. М. : РОССПЭН, 2004. 491 с.

INFLUENCE OF ECONOMIC CONDITIONS ON POLITICAL INSTITUTIONS

Zhou Yong

*Master' program student in International commercial Law, specialty
"Jurisprudence", Faculty of Law, Belarusian State University, 774304512@qq.com*

This research aims to examine the impact of economic conditions on political institutions. It will identify the specific sphere and ways in which economic factors shape the political landscape. While there are various elements that can influence political institutions, this research will focus on the role of economic conditions as the primary determinant.

Keywords: Economic conditions, Political institutions, political landscape, primary determinant, Geoeconomics.

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

Чжоу Юн

*магистрант по специальности «Международное коммерческое право»,
специальность «Юриспруденция», юридический факультет Белорусского
государственного университета, 774304512@qq.com*

Это исследование направлено на изучение влияния экономических условий на политические институты, на определение конкретной сферы и способов, которыми экономические факторы формируют политический ландшафт. Существуют ряд факторов, которые могут влиять на политические институты, это исследование будет сосредоточено на роли экономических условий как основного определяющего фактора.

Ключевые слова: экономические условия, политические институты, политический ландшафт, первичная детерминанта, геоэкономика.

The modern world has witnessed various transformations of political systems due to factors such as industrialization, population growth, rising expectations, and international tensions. These factors have contributed to the disintegration of empires, the emergence and disappearance of nation-states, the reshaping of the international system, the diffusion of new ideologies, and the expansion of popular participation in politics [1].

Political institutions are the organizations in a government that create, enforce, and apply laws. They often mediate conflict, make (governmental) policy on the economy and social systems, and otherwise provide representation for the population. Political regimes, Legislatures, Parties, Courts, Bureaucracies are the main types of Political institutions [2].

Political institutions are dynamic and interrelated systems that respond to various factors. Some of the common factors that shape political institutions are: psychological or cognitive traits, social environment, economic conditions, historical legacies, cultural diversity, geographical location, international relations, technological innovation, environmental challenges. There is no definitive or objective answer to which factor is most important for political institutions, as different factors may have different effects on different aspects of political institutions in different contexts and times.

Economic conditions refer to the material aspects, such as income, wealth, poverty, inequality, development, trade, and globalization, that affect how people produce, consume, and distribute resources in society. Economic conditions affect political institutions by influencing the resources and incentives available for political actors and organizations to pursue their interests and goals. For instance, economic growth can enhance the revenues and capacities of governments to deliver public goods and services, while economic crises can undermine the legitimacy and support of governments and increase the demands and protests of citizens [3].

Economic factors affect political institutions by influencing the preferences and expectations of citizens and voters regarding political institutions and policies. For instance, economic development can increase the demand for democracy or human rights, while economic inequality can create social discontent or polarization. Economic factors influence political institutions by creating opportunities and challenges for cooperation or conflict among political actors and organizations within or across countries. For instance, trade can enhance interdependence and integration among countries by increasing their mutual benefits and reducing their incentives to engage in wars, or globalization can induce protectionism and nationalism by increasing the competition and threats from foreign markets and cultures [4].

What we can't ignore is Geoeconomics which focus on how the spatial and temporal aspects of economic activities are shaped by the geopolitical economy of capitalism. Geoeconomics can influence political institutions by creating new forms of territoriality, sovereignty, governance and identity that challenge or reinforce existing political arrangements. Geoeconomics can also influence political institutions by generating new sources of conflict or cooperation among states and non-state actors over the access, control and distribution of economic resources and opportunities [5].

One of the examples of how the economy changes political institutions in China is the use of public-private partnerships (PPPs) for e-government development. PPPs have changed the relationship between local and central governments, as well as between public and private sectors. Through PPPs, local governments have gained more autonomy and influence in financing and managing infrastructure projects, sometimes at the expense of central government regulations or interests. PPPs have also introduced new modes of governance that require collaboration and coordination among various actors with diverse goals and values. Moreover, PPPs have affected the identity and legitimacy of both local governments and private companies, as they have become more involved in providing or governing public services. Another possible example of how the economy changes political institutions in China is the impact of economic reform and opening-up on the Communist Party of China (CPC) and its governance system. Economic reform and opening-up refers to the series of policies and measures adopted by China since 1978 to transform its centrally planned economy into a market-oriented one and to integrate with the global economy which means the adaptation and transformation of the CPC, which sought to maintain its legitimacy and leadership by incorporating new social forces into its ranks, promoting intra-party democracy and meritocracy, strengthening anti-corruption efforts, and enhancing its responsiveness and performance.

This paper has demonstrated that economic conditions have significant and complex impacts on political institutions at various levels and dimensions. Economic factors can shape the preferences and expectations of citizens and voters, the opportunities and challenges for cooperation or conflict among political actors and organizations, and the forms and functions of territoriality, sovereignty, governance and identity in the geopolitical space economy of capitalism. From what we have mentioned above, the conclusion can be drawn: the political regime is the most influenced by economic factors. Notwithstanding, these impacts are not deterministic or homogeneous across different cases and contexts. They depend on various factors that mediate the relationship between economic conditions and political institutions. Therefore, a careful and comprehensive analysis is required to understand how economic conditions influence political institutions in each specific situation.

References

1. *Heslop D. Alan* Development and change in political systems, political system, 2023. URL: <https://www.britannica.com/topic/political-system/Typologies-of-government> (date of access: 17.04.2023).
2. *The Definition and Purpose of Political Institutions*. [Electronic resource]. How They Impact Law, Economy and Culture. 2020. URL: <https://www.thoughtco.com/political-institutions-44026> (date of access: 26.04.2023).

3. *Pereira Carlos, Teles Vladimir* Political Institutions, Economic Growth, and Democracy: The Substitute Effect. [Electronic resource]. 2011. URL: <https://www.brookings.edu/opinions/political-institutions-economic-growth-and-democracy-the-substitute-effect/>. (date of access: 17.04.2023).
4. The political economy of economic policy. [Electronic resource]. IMF, 2020. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2020/06/political-economy-of-economic-policy-jeff-frieden> (date of access: 17.04.2023).
5. *Col. John F. Troxell* Geoeconomics. [Electronic resource]. Military Review. URL: <https://www.armyupress.army.mil/Journals/Military-Review/English-Edition-Archives/January-February-2018/Geoeconomics/>(date of access: 17.04.2023).

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

УДК 327.8

КАЗАХСТАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

А. А. Абжаппарова

кандидат политических наук, и.о.доцент кафедры политологии и политических технологий Казахского Национального Университета имени аль-Фараби,
aigul.abzhapparova@gmail.com

После распада Советского Союза и обретения Казахстаном независимости Китай и Казахстан продолжили процесс сближения и укрепления связей, заключив ряд соглашений о границе, экономическом сотрудничестве и стратегическом партнёрстве. Однако 2019 год разделил историю большинства стран на «до» и «после». Болезнь под названием COVID-19 распространилась на жителей всей планеты. В статье рассматривается динамика изменения Казахстано-Китайских отношений в период пандемии COVID-19.

Ключевые слова: дипломатические отношения; Казахстан; Китай; пандемия.

KAZAKHSTAN-CHINA RELATIONS DURING THE COVID-19 PANDEMIC

A. A. Abzhapparova

Candidate of Political Sciences, Acting Associate Professor of the Department of Political Science and Political Technologies Al-Farabi Kazakh National University,
aigul.abzhapparova@gmail.com

After the collapse of the Soviet Union and Kazakhstan's independence, China and Kazakhstan continued the process of rapprochement and strengthening of ties, concluding a number of agreements on the border, economic cooperation and strategic partnership. However, 2019 divided the history of most countries into “before” and “after”. In just a few months, a disease called Covid-19 has spread to the inhabitants of the entire planet. The article discusses the dynamics of changes in Kazakh-Chinese relations during the Covid-19 pandemic.

Keywords: diplomatic relations; Kazakhstan; China; pandemic.

Разделяя границу протяженностью более 1700 км. с Синьцзян-Уйгурским автономным районом, Казахстан является одним из важнейших соседей Китая. Пекин установил дипломатические отношения с Астаной после обретения Казахстаном независимости от Советского Союза в 1991 г. [1].

Экономические отношения между Казахстаном и Китаем развиваются с момента обретения Казахстаном независимости, постепенно укрепляясь и делая их тесными экономическими партнерами. Но именно 2013 г. стал переломным в двусторонних экономических отношениях с развитием масштабных экономических проектов. В 2013 г. лидер Китая Си Цзиньпин выступил в Назарбаев Университете с речью о построении «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП). Он заявил, что «для налаживания более тесных экономических связей, углубления сотрудничества и расширения пространства развития в евразийском регионе мы должны использовать инновационный подход и совместно строить «экономический пояс вдоль Шелкового пути... Это будет великое дело, приносящее пользу людям всех стран, расположенных по маршруту. Во-первых, нам необходимо активизировать политическую коммуникацию. Во-вторых, нам необходимо улучшить дорожное сообщение. В-третьих, нам необходимо способствовать беспрепятственной торговле. В-четвертых, нам необходимо усилить денежное обращение. В-пятых, нам нужно увеличить взаимопонимание между нашими людьми». В общей сложности было запланировано семь поясов в различных областях, таких как транспорт, электроэнергетика, торговля, знания, исследования, сельское хозяйство и туризм» [2].

После выступления Си Цзиньпина проект ЭПШП привлёк большое внимание учёных, изучающих экономику и политику. Было опубликовано более 170 000 научных статей на английском, 23 000 на русском, 8 000 на хинди и других языках. Кроме того, ведущие международные аналитические центры выпустили более 300 тематических отчётов. Эта инициатива также привлекла большое внимание в социальных сетях по всему миру [3, с. 15]. Некоторые китайские учёные отмечают, что «Инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) соответствует китайской стратегии «открытия», политике «выхода вовне» и «новой нормальной» динамике экономического роста. Китайский исследователь Ван Ю отмечал, что «в процессе регионального сотрудничества Китай никогда не будет стремиться к гегемонии и не позволит другим доминировать» [4].

Две страны также являются членами-основателями Шанхайской организации сотрудничества, которая сотрудничает по множеству вопросов – от торговли и образования до военных учений и борьбы с терро-

ризмом. Основанная в 2001 г. ШОС включает восемь государств-членов: Индию, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Пакистан, Россию, Таджикистан и Узбекистан, плюс четырех наблюдателей и партнеров по диалогу [5].

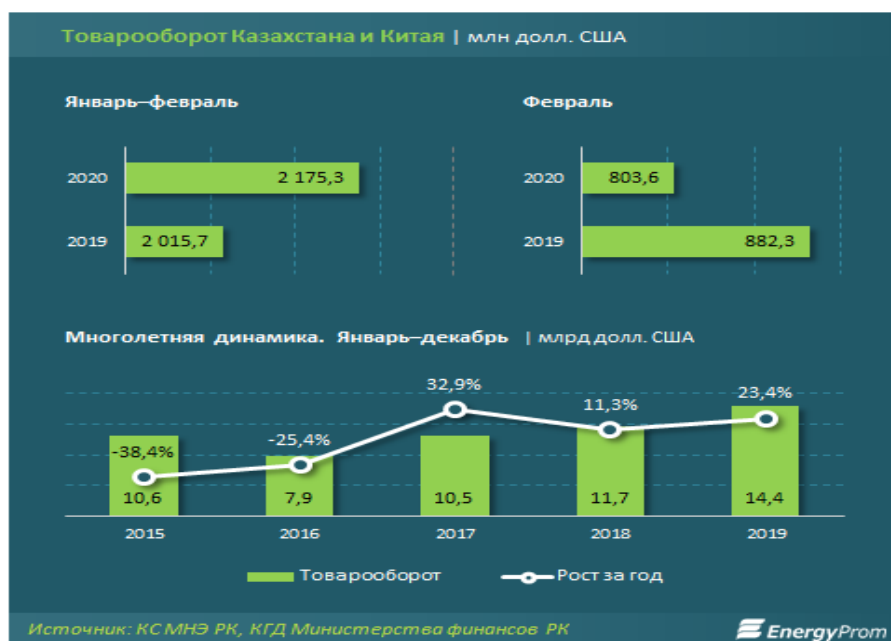
Китай на протяжении многих лет является одним из крупнейших торговых партнеров Казахстана. Казахстан, в свою очередь, является крупнейшим торговым партнером Китая среди пяти государств Центральной Азии. Например, в 2021 г. общий объем импорта и экспорта товаров между Китаем и Казахстаном достиг 25,25 млрд. долларов США, что на 17,6 % больше, чем в предыдущем году. Экспорт Китая в Казахстан достиг 13,98 млрд. долларов США, продемонстрировав значительный рост на 19,5 %, в то время как импорт Китая из Казахстана достиг 11,27 млрд. долларов США, увеличившись примерно на 15,3 %. Двусторонняя торговля между Казахстаном и Китаем в 2022 г. выросла на 23,6 % и достигла ошеломляющих 31,2 млрд. долларов США. Если текущая положительная динамика сохранится, обе стороны могут достичь заявленной цели двусторонней торговли на сумму 35 млрд. долларов США задолго до намеченного 2030 г. [6].

Появление нового вида вируса в провинции Хубэй (Китай) вызвало серьёзную глобальную критику в адрес Китая на начальной стадии вспышки этого заболевания. Китай был обвинён в неправильном обращении с вирусом. Его критиковали за сокрытие информации и преуменьшение серьёзности вируса. Однако в течение нескольких месяцев Китай успешно ограничил масштабы кризиса и впоследствии начал активно проводить новую внешнюю политику, направленную на формирование положительного имиджа страны во всём мире.

Внезапная пандемия COVID-19, охватившая весь мир, создала серьёзную угрозу жизни и здоровью жителей Китая и Казахстана и затруднила мобильность и торговлю между двумя странами. В январе-феврале 2020 г. товарооборот Республики Казахстан, без учёта стран ЕАЭС, составил 10,8 млрд. долларов, снизившись на 6,5 % по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. Китай является крупнейшим торговым партнером Казахстана за пределами стран ЕАЭС. В январе-феврале 2020 г. товарооборот между странами составил 2,2 млрд. долларов, в том числе экспорт - 1,4 млрд. долларов, импорт - 789,7 млн. долларов. По сравнению с аналогичным периодом 2019 г. объем взаимной торговли увеличился на 7,9 %, или на 159,6 млн. долларов.

Рост взаимной торговли между странами произошёл в январе, но уже в феврале 2020 г. из-за борьбы с распространением COVID-19 товарооборот между Казахстаном и Китаем упал на 9 %. Основной причиной снижения товарооборота между Китаем и Казахстаном стало приостановление правительством Республики Казахстан работы торгового цен-

тра «Хоргос», расположенного на границе между странами. Однако товарооборот в феврале снизился в основном из-за сокращения импорта. Таким образом, импорт Казахстана из Китая сократился на 23,5 % за год и составил 238,6 млн. долларов (в 2019 г. – 312,1 млн. долларов), в то время как экспорт казахстанских товаров в Китай сократился всего на 0,9 %, до 565 млн. долларов (в 2019 г. – 570,3 млн. долларов) (рисунок) [7].

Товарооборот Казахстана и Китая

Согласно статистике 2020 г. Министерства коммерции Китая, казахстанско-китайское торгово-экономическое сотрудничество постоянно набирали обороты и демонстрировали положительные показатели роста. В январе-августе 2020 г. товарооборот между Китаем и Казахстаном достиг 13,2 млрд. долларов, увеличившись на 1% по сравнению с прошлым годом, в том числе экспорт Китая составил 6,4 млрд. долларов, сократившись на 10,6 %, тогда как импорт из Казахстана составил 6,8 млрд. долларов, увеличившись на 14,8 %. Более того, по словам посла Китая в Казахстане Чжан Сяо, за тот же период, с января по август, прямые инвестиции Китая в Казахстан составили 360 млн. долларов, увеличившись на 80 % по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. Кроме того, посол Китая в Казахстане Чжан Сяо отметил, что увеличение количества поездов, следующих по маршрутам из Китая в Европу и обратно через Республику Казахстан, свидетельствует о больших преимуществах инициативы «Один пояс, один путь». За девять месяцев их число уже превысило показатели 2019 г. и увеличилось на 30 процентов. Инициатива

«Один пояс и один путь» продемонстрировала свою уникальность и жизнеспособность [8].

Из-за пандемии COVID-19 экономические отношения Казахстана с Китаем укрепились, поскольку китайская экономика была единственной, которая росла в 2020 г. и, в отличие от экономик многих стран мира, не пострадала от пандемии. Рост Китая может быть полезен для Казахстана, поскольку Китай является одним из основных экономических партнеров Казахстана. Ожидается, что экономическая экспансия Китая будет усиливаться не только в Центральной Азии, но и в мире.

Библиографические ссылки

1. Le Corre P. Kazakhs Wary of Chinese Embrace as BRI Gathers Steam. *Carnegie Endowment for International Peace*. (2019, February 28). URL: <https://carnegieendowment.org/2019/02/28/kazakhs-wary-of-chinese-embrace-as-bri-gathers-steam-pub-78545>.
2. Xi J., 2013, “Promote Friendship Between Our People and Work Together To Build a Bright Future”. Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China, September 8. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/t1078088.shtml. (дата доступа: 17.12.2022).
3. Zhakypova F., Shaimergerenov T., Oshakaev D., Gerfanova F., Issaev B., Kim D., Zueko I., Akyldaev I., Oshakbayev R. “Analysis of China’s Economic Strategy and Foreign Policy in Kazakhstan: analytical research”. Nur-Sultan, 2020. 153 p.
4. Wang Y. The Belt and Road: What will China offer the World in its Rise? New World Press, 2016. 214 p.
5. Zhussupova A. Peace Through Engagement: The Multi-Vector Direction of Kazakhstan’s Foreign Policy. *Astana Times*. (2021, March 9). URL: <https://astanatimes.com/2021/03/peace-through-engagement-the-multi-vector-direction-of-kazakhstans-foreign-policy>. (дата доступа: 17.11.2022).
6. China-Kazakhstan economic relations. // The Observatory of Economic Complexity (OEC), 2023. <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/chn/partner/kaz>. (дата доступа: 10.12.2022).
7. Товарооборот между Казахстаном и Китаем упал на 9 % // BaigeNews, 2020. URL: https://baigenews.kz/index.php/tovarooborot_mezhdu_kazakhstanom_i_kitaem_upal_na_9_protstov_91665/?ysclid=lee0ypqn1o803329165. (дата доступа: 16.12.2022).
8. «Торгово-экономическое сотрудничество РК-КНР набирает ускорение несмотря на пандемию» Kazakhstan Today, 2020. URL: https://www.kt.kz/rus/velikiy_shelkovyy_put/torgovo-ekonomicheskoe_sotrudnichestvo_rk-knr_nabiraet_1377908215.html. (дата доступа: 17.12.2022).

ФОРУМЫ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ И РОССИИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Д. В. Белявцева

Кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии юридического факультета БГУ, Минск, Беларусь, belyavtseva@mail.ru

Статья посвящена межрегиональному сотрудничеству Беларуси и России. Делается вывод о влиянии форумов регионов на формирование регионального политического пространства Союзного государства и создание платформы для интеграции регионов других постсоветских стран.

Ключевые слова: региональное развитие, форумы регионов, Союзное государство, интеграционные процессы

FORUMS OF THE REGIONS OF BELARUS AND RUSSIA AS A TOOL FOR REGIONAL DEVELOPMENT

D. V. Bialiautsava

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus, belyavtseva@mail.ru

The article is devoted to interregional cooperation between Belarus and Russia. The conclusion is made about the influence of regional forums on the formation of the regional political space of the Union State and the creation of a platform for the integration of regions of other post-Soviet countries.

Keywords: regional development, regional forums, Union State, integration processes

Во второй половине XX в. стало активно использоваться понятие «политическое развитие». Чаще всего оно трактуется как приобретение политической системой новых свойств или совершенствование прежних, позволяющих ей эффективно реагировать на проблемные ситуации, адаптироваться к новым вызовам и создавать новые институты, каналы и инструменты коммуникации с внутренней и внешней средой. Поскольку регион также может рассматриваться как система или подсистема общенациональной политической системы, то вышеуказанная трактовка политического развития может распространяться и на термин «региональное развитие» [1]. Для понимания сути регионального развития важно

определить не только направления изменений в структуре системы или подсистемы, но и инструменты изменений. Направленность регионального развития определяется комплексом объективных и субъективных факторов: социально-экономической, политической, культурно-исторической и ценностной спецификой региона, вызовами внешней среды и соответственно задачами, стоящими перед регионом в тот или иной период. Важно подчеркнуть, что понятие «регион» также не однозначно, имеет множество интерпретаций и постоянно находится в развитии. Мы будем опираться на политико-правовой подход, в рамках которого в контексте заявленной темы регионом являются административно-территориальные единицы первого уровня в Республике Беларусь и субъекты в составе Российской Федерации, а также межгосударственные образования, оформленные соответствующим образом (Союзное государство).

В Беларуси вопросам внутреннего регионального развития всегда уделялось много внимания. Об этом свидетельствуют и регулярные поездки Главы государства, и программные документы, принятые для развития отдельных регионов (например, Витебской области), и развитие и формирование новых субъектов регионального развития Республики Беларусь (например, Региональных групп устойчивого развития). По поручению Президента Республики Беларусь был разработан проект концепции государственной политики регионального развития Республики Беларусь, в рамках которой приоритетами являются два блока – экономический и социальный [2]. Существенной является и политическая составляющая развития регионов Беларуси. На VI Всебелорусском народном собрании Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко подчеркнул: «Мы должны максимально приблизить центры принятия решений к людям, обеспечить постоянную, эффективную обратную связь между властью и населением. Это должно исходить из жизни и от наших людей» [3]. В этой связи обратимся к такому инструменту регионального развития, активизирующему инициативу на местном уровне, как межрегиональное и межгосударственное сотрудничество между регионами Республики Беларусь и Российской Федерацией – Форум регионов Беларуси и России.

Вопрос о необходимости правового оформления взаимоотношений Беларуси и России был обозначен 2 апреля 1996 г. в результате подписания Договора об образовании Сообщества России и Белоруссии и учреждения Дня единения народов Беларуси и России [4]. Указанный документ не определял четко структуру и формы взаимоотношений между Беларусью и Россией и скорее являлся декларацией о намерениях. Необходимость институализации взаимоотношений между Беларусью и Рос-

сией нашла отражение и в ряде других документов и в итоге привела к подписанию Договора о создании Союзного государства 8 декабря 1999 г. [5]. Однако и данный документ не разрешал окончательно проблему межгосударственного взаимодействия и развития регионального политического образования. Геополитические условия, особенности социально-экономического положения и развития Беларуси и России подталкивали государства к поиску новых инструментов взаимодействия и развития как внутренних регионов, так и архитектуры Союзного государства. К таким инструментам, на наш взгляд, и относятся форумы регионов.

Идея проведения Форумов регионов Беларуси и России возникла в 2012 г. Она принадлежала членам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и отражала понимание того факта, что рост взаимодействия между регионами Беларуси и России имеет не только социально-экономическое, но и политическое значение, так как активизирует интеграцию государств по разным направлениям. Об этом свидетельствует динамика проблематики форумов, количество участников и уровень их представительства.

Первый форум состоялся в июне 2014 г. в Минске, собрал около 300 участников и был посвящен вопросам развития агропромышленного комплекса. Второй, объединивший в 2015 г. в Сочи более 350 представителей законодательной и исполнительной ветвей власти Беларуси и России, регионов, руководителей крупных предприятий и бизнес-сообществ, акцентировал проблему выработки единой промышленной политики Союзного государства. В отчетном документе также подчеркивалось фундаментальное значение сотрудничества между регионами Республики Беларусь и Российской Федерацией для стратегического партнерства стран в контексте изменившихся геополитических условий. Все последующие форумы не только значительно приросли с точки зрения количества участников и уровня их представительства, но и были нацелены на усиление интеграционных процессов и их роли в развитии народов России и Беларуси. Среди направлений развития указывались не только социально-экономическое и научно-техническое сотрудничество, но и политическое, основанием которого являлись историческое наследие Великой Победы и духовные связи народов Беларуси и России [6].

Анализируя Форумы регионов Беларуси и России, необходимо подчеркнуть, что сотрудничество на межрегиональном уровне имеет особенности с точки зрения процесса принятия решений, сложившегося в указанных государствах. В соответствии с Конституцией Республики Беларусь административно-территориальные единицы не обладают свободой во внешнеэкономических, гуманитарных, научно-технических и

культурных связях. Субъекты Российской Федерации относительно свободны в сотрудничестве с другими государствами в указанных областях. Отмеченные особенности, тем не менее, не повлияли на развитие и темпы межрегионального сотрудничества Беларуси и России. Современные технологии, цифровизация процессов, как в сфере экономики, так и государственного управления, позволяет эффективно сотрудничать и преодолевать указанные различия. Например, в 2022 г. взаимодействие Республики Беларусь с субъектами Российской Федерации осуществлялось в рамках 81 соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве с 73 российскими регионами. В 2022 г. Беларусь посетили 23 делегации регионов России [7]. Представляется также, что необходимость поиска партнеров по региональному сотрудничеству может способствовать развитию инициативы у руководителей органов управления и самоуправления белорусских регионов.

Таким образом, Форумы регионов Беларуси и России активизируют как межрегиональное взаимодействие, так и двусторонние отношения Республики Беларусь и Российской Федерации в целом. Они являются не только инструментом регионального экономического развития территорий указанных государств, но и работают на выстраивание архитектуры регионального политического пространства Союзного государства. Повышение эффективности форумов в данном контексте видится через их институализацию в рамках Союзного государства. Кроме того, форумы регионов с учетом политической и ценностной составляющих формируют платформу для интеграции не только для регионов Беларуси и России, но и других постсоветских стран.

Библиографические ссылки

1. *Белявцева Д. В.* Региональное политическое развитие: основные модели и теоретико-методологические подходы к анализу // *Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія.* 2018. №2. С.115-124.

2. "Деревни будущего" и экономические стимулы: в Беларуси разработали концепцию регионального развития // БЕЛТА [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/comments/view/derevni-buduschego-i-ekonomicheskie-stimuly-v-belarusi-razrabotali-kontseptsiju-regionalnogo-razvitiya-8216/> (дата доступа: 28.03.2023).

3. Выступление Лукашенко на ВНС: о новой Конституции, приоритетах в политике и будущем Беларуси // БЕЛТА [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-reshenija-vns-ne-budut-spontannymi-i-neozhidannymi-428139-2021/> (дата доступа: 28.03.2023).

4. Договор об образовании Сообщества России и Белоруссии // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901190> (дата доступа: 28.03.2023).

5. Договор о создании Союзного государства // Информационно-аналитический портал Союзного государства. [Электронный ресурс]. URL: <https://soyuz.by/dogovor-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva> (дата доступа: 28.03.2023).

6. Итоговый документ VII Форума регионов Беларуси и России // Совет Республики Национального Собрания Республики Беларусь. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sovrep.gov.by/ru/7-forum-ru/> (дата доступа: 28.03.2023).

7. Организация взаимовыгодного сотрудничества с регионами России // Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://russia.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/regions/ (дата доступа: 28.03.2023).

ПОЛИТИКА ВРЕМЕННЫХ МЕР НЕТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЕАЭС

К. А. Герасимович

*Аспирант кафедры политологии, главный инспектор, Государственный
таможенный комитет, Минск, Беларусь, kristina2014ger@gmail.com*

В статье рассмотрены временные меры нетарифного регулирования внешнеторговой политики ЕАЭС как эффективный инструмент защиты национальной безопасности государств в условиях оказываемого недружественными странами санкционного давления. В целях оптимизации временных мер нетарифного регулирования выдвинуты практические предложения, направленные на совершенствование их администрирования.

Ключевые слова: интеграция, ЕАЭС, принятие политических решений, санкционная политика, нетарифное регулирование.

POLICY OF TEMPORARY MEASURES OF NON-TARIFF REGULATION IN THE EAEU

K. A. Gerasimovich

*Postgraduate student of the Department of Political Science, chief inspector, State Customs
Committee, Minsk, Belarus, kristina2014ger@gmail.com*

The article considers temporary measures of non-tariff regulation of the foreign trade policy of the EAEU as an effective tool for protecting the national security of states in the face of sanctions pressure exerted by unfriendly countries. In order to optimize temporary measures of non-tariff regulation, practical proposals have been put forward aimed at improving their administration.

Keywords: integration, EAEU, political decision-making, sanctions policy, non-tariff regulation

Современные политические и экономические условия, характеризующиеся усилением регионального и международного противостояния, нарастанием санкционного давления недружественных стран, их стремлением подорвать государственный суверенитет и национальную безопасность, требуют от Республики Беларусь и Российской Федерации ответных политических решений. Санкционная политика недружественных стран непосредственно отражается на политическом развитии как

Республики Беларусь, так и государств-членов ЕАЭС в различных сферах, например, торговая, таможенная, промышленная и прочие.

В целях противодействия оказываемого давления государствам необходимо использовать эффективные инструменты защиты национальной безопасности. Одним из таких инструментов являются меры нетарифного регулирования внешнеторговой политики ЕАЭС.

Меры нетарифного регулирования направлены на защиту как национальной безопасности государства, так и на учет наднациональных интересов в рамках ЕАЭС. В связи со вступлением Республики Беларусь в ЕАЭС властные полномочия по применению мер нетарифного регулирования были делегированы государством органам ЕАЭС и перешли к исключительной компетенции интеграционного объединения, что способствовало сужению компетенции политических институтов в части использования административно-распорядительных методов государственного управления (запреты, разрешения).

В рамках реализации внешнеторговой политики государства-члены ЕАЭС в торговле с третьими странами могут в одностороннем порядке вводить и применять временные меры нетарифного регулирования [1].

При этом следует подчеркнуть, что временные меры имеют национальные особенности и по многим аспектам определяются государствами-членами ЕАЭС как суверенными субъектами с учетом национальных интересов. Так, согласно подп. 1.5 п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 5 апреля 2016 г. № 124 «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» к временным мерам относятся:

- запрет ввоза и (или) вывоза товаров;
- количественные ограничения ввоза и (или) вывоза товаров;
- исключительное право на экспорт и (или) импорт товаров;
- автоматическое лицензирование (наблюдение) экспорта и (или) импорта товаров;
- разрешительный порядок ввоза и (или) вывоза товаров [2].

В соответствии с п. 56 Договора о Евразийском экономическом союзе особенностью договорного обязательства является возложение на таможенные органы государств-членов ЕАЭС обязанности по недопущению ввоза /вывоза товаров, происходящих с территории государства-члена ЕАЭС, применившего временную меру, без лицензии, выданной уполномоченным органом, этого государства члена [1]. Вместе с тем, аналогичное предписание, направленное на недопущение ввоза/вывоза товаров, на которые распространяются действие запрета, отсутствует, что свидетельствует о наличии пробела в правовой регламентации временных запретных мер, которые систематично применяются государ-

ствами-членами ЕАЭС как инструмент защиты национальной безопасности.

В целях повышения эффективности инструмента защиты национальной безопасности в условиях санкционного воздействия, предлагаем включить в п. 56 Приложения № 7 к Договору о ЕАЭС нормативное предписание, предусматривающее недопущение вывоза/ввоза товаров, на которые распространяется действие временных запретов. Временные меры вводились всеми государствами-членами ЕАЭС. Так, в течение 2022 г. Правительством Республики Беларусь было принято свыше 15 государственно-управленческих решений.

Отличительной особенностью применения временных мер Республикой Беларусь является преимущественное использование их в рамках лицензирования импорта и экспорта товаров, например, древесины, табачных изделий, льноволокна, сахара белого кристаллического и др.

Кроме временной меры, реализуемой в виде лицензирования, Республика Беларусь использует временные запреты в отношении следующих категорий товаров: зерновые культуры, отдельные виды промышленных товаров.

В Российской Федерации, в отличие от Республики Беларусь, используются временные меры в виде количественных ограничений на вывоз отдельных видов товаров (например, отдельные виды удобрений, регенерируемая бумага).

Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Республика Армения используют временный запрет на вывоз отдельных видов лесоматериалов, сельскохозяйственных товаров, угля.

Таким образом, политическими особенностями применения государствами-членами ЕАЭС временных мер являются:

- 1) обеспечение национальной безопасности;
- 2) защита национальных интересов от дискриминационных мер, применяемых недружественными странами в условиях реализации санкционной политики;
- 3) обеспечение достаточным количеством товаров, происходящих с территории государств-членов ЕАЭС, и поддержка отечественных производителей.

По нашему мнению, условием, способствующим неисполнению государственно-управленческих решений, которыми вводятся временные меры нетарифного регулирования, является отсутствие в них предписаний, определяющих государственные органы, уполномоченные на осуществление контроля за их соблюдением. Следует отметить факт отсутствия в законодательстве ответственности, предусмотренной за несоблюдение временных запретных мер.

В целях оптимизации администрирования временных мер нетарифного регулирования внешнеторговой политики ЕАЭС как инструмента национальной безопасности каждого из участников региональной организации, полагаем целесообразным:

1) определить в государственно-управленческих решениях, которыми вводятся временные меры, государственные органы, уполномоченные на осуществление контроля за их соблюдением;

2) установить в законодательстве вид юридической ответственности за несоблюдение временных запретных мер;

Таким образом, меры нетарифного регулирования внешнеторговой политики ЕАЭС являются эффективным инструментом защиты национальной безопасности государств-членов ЕАЭС в условиях оказываемого недружественными странами санкционного давления.

Библиографические ссылки

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: подписан в г. Астане, 29 мая 2014 г. // Евразийский экономический союз. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0043610/itia_05062014. (дата доступа: 13.03.2023).
2. О государственном регулировании внешнеторговой деятельности : Указ Президента Республики Беларусь, 5 апр. 2016 г., № 124 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектор», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

ОСОБЕННОСТИ ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В АРМЕНИИ

М. А. Епремян

*Соискатель ученой степени кандидата политических наук, Елецкий
государственный университет им. И.А. Бунина, Москва, Россия,
mariepremyan@mail.ru*

В статье показана связь политических трансформаций со стагнацией политических институтов, снижением либо потерей легитимности власти. Состояние власти не может перманентно оставаться устойчивым и не подвергаться кризисным проявлениям. Показано, что ситуация дефицита легитимности власти востребует новые формы и механизмы легитимации, способные актуализировать широкую общественную поддержку. Исследование акцентировано на изучении политических трансформации в Армении. Показана связь политических трансформаций с «цветными революциями». Особое внимание уделено экономической и геополитической ситуации в Армении после «цветной революции» 2018 г.

Ключевые слова: власть, легитимация, трансформации, политические институты, демократия, цветные революции

FEATURES OF THE LEGITIMATION OF POLITICAL POWER AND POLITICAL TRANSFORMATIONS IN ARMENIA

M. A. Epremyan

*Applicant for the degree of candidate of political sciences, Yelets State University named
after I.A. Bunin, Moscow, Russia, mariepremyan@mail.ru*

The article shows the connection of political transformations with the stagnation of political institutions, the decline or loss of legitimacy of power. The state of power cannot permanently remain stable and not be subjected to crisis manifestations. It is shown that the situation of the lack of legitimacy of the government requires new forms and mechanisms of legitimization that can actualize broad public support. The study focuses on the study of political transformation in Armenia. The connection of political transformations with "color revolutions" is shown. Special attention is paid to the economic and geopolitical situation of the Republic of Armenia after the "revolution".

Keywords: power, legitimization, transformations, political institutions, democracy, color revolutions.

Классические политические теории показывают, что в основе политических трансформаций лежат упущения со стороны власти. Некомпетентные действия властей, стагнация политических институтов становятся источником проблем. Смена политического режима зачастую является результатом недовольства властью, ее неэффективности, чрезмерной репрессивности, неспособности к переменам, усталости от власти, ожиданиям замены политического режима на более прогрессивный и направленный на улучшение общественной жизни. По мере появления «вкуса» к собственной субъектности, общество становится изменчиво в своих политических пристрастиях. Бывают ситуации, что подобные периоды говорят о необходимости создать новые политические институты, наиболее актуальные для общественных ожиданий и обновляющейся системы. Появляются и новые политические лидеры, артикулирующие актуальную политическую повестку. В политической науке принято такие процессы называть переходными или транзитивными. По мнению А. Мельвиля, к ним следует относить «любые по форме и содержанию процессы перехода от прежнего недемократического состояния к иному» [1, с. 67]. Л. Даймонд видел в переходе к более свободному состоянию общества «начало глобального продвижения к демократии» [2, с. 11].

Измерения «переходности» могут быть различными, проявляясь в разных сферах общественной жизни, но каждое из них прямо связывается с доверием к власти. Определённо можно сказать, что власти в такой момент не хватает устойчивости и предпосылок для относительно стабильного функционирования. Это создаёт дефицит легитимности, и власть оказывается в ситуации, когда необходимо создавать новые формы и механизмы легитимации, способные актуализировать широкую общественную поддержку.

Ещё Аристотель писал о сложностях перехода к новой форме власти: «Тирания иногда переходит в такую же тиранию», напоминал он в своей «Политике» [3, с. 567]. Такой переход вряд ли был бы возможен, не будь у тирана опоры на общественное мнение и его поддержки, ведь «диктаторы нуждаются в помощи людей, которыми они правят», а «новая диктатура может оказаться ещё более жёсткой, чем старая» [4, с. 31, с. 95]. Результатом перехода может стать демократическое правление, либо, по словам А. Пшеворского, «привести к диктатуре нового образца» [5, с. 62]. С. Хантингтон, рассматривая португальскую «революцию гвоздик», отметил, что «смерть диктатуры не обуславливала рождения демократии» [6, с. 13].

Политическая практика в случае перехода от одного политического режима к другому, останавливается на гибридных, половинчатых, погра-

ничных режимах. В течение одного политического цикла полная трансформация не может произойти. Политический опыт ряда государств демонстрирует, что сам факт прихода к власти представителей оппозиции, позиционирующей себя как демократическая, ещё не означает кардинальных изменений институтов власти и достижения ее демократического характера. Исследователи последовательно отмечают подобные проблемы применительно к целому ряду государств. Рассмотрим пример Армении. За годы независимости армянская государственность показала относительно неплохие результаты. Несмотря на конфликты с соседями и активную, стремительную внутривластную жизнь, Армении удавалось сохранить относительную стабильность внутри страны. Однако в условиях экономического спада и обострения региональных конфликтов становится ясно: чтобы противостоять новым вызовам, Армении необходима модернизация экономики и политической системы.

Политический режим постсоветской Армении можно охарактеризовать как гибридный. Такой режим предполагает наличие политической конкуренции, существующей в условиях структурного преимущества действующей власти: функционирует относительно сильная оппозиция, но выборы обычно выигрывает действующая власть. Подобные режимы отличаются нестабильностью. Именно здесь происходят «цветные революции» или, по крайней мере, попытки сместить власть через массовые протесты, что и произошло в Армении в 2018 г.

Политическая система Армении периодически подвергалась испытаниям на прочность. Первый случай «революции» в Армении зафиксировали после президентских выборов в 1996 г., когда о «цветных революциях» еще никто не слышал. Технология стандартна: оппозиция отказывается признать результаты выборов, далее следуют протесты и их подавление. Протесты были и в 2013 г. против повышения цен на общественный транспорт, и против проведения пенсионной реформы. Наиболее известной акцией до 2018 г. был так называемый «Электромайдан» — массовые протесты против повышения цен на электроэнергию в июне 2015 г. [7, с.1].

В 2018 г. в Армении произошла «бархатная революция». Огромную роль в ней сыграли социальные сети, благодаря использованию которых команде действующего (на тот период) премьер-министра Никола Пашиняна удалось собрать огромное количество людей. Во время революции были созданы Telegram-каналы, которые стали популярными благодаря тому, что работали при слабом сигнале интернета. Действующие на тот момент официальные власти не могли проконтролировать информацию. За короткое время соцсети Пашиняна заменили собой все ведущие СМИ. Давид Аванесян, сторонник Н. Пашиняна, отмечает: «Когда мы

начали нашу гражданскую инициативу, мы понимали, что должны использовать передовые технологии для успеха инициативы. Это касалось использования широких возможностей социальных сетей» [8, с. 91].

Проводя параллель развития политических процессов в Югославии, Грузии, Украине и Армении с 2000-х по 2020-е гг., можно увидеть технологии цветных переворотов с помощью иностранных сетей. Так называемые благотворительные мероприятия различных иностранных фондов, в том числе и Фонд Сороса, – это всего лишь инструмент вмешательства во внутренние дела того или иного государства (контроль СМИ, пропаганда спекуляции, попытки подрыва идентичности народов, в т. ч. религиозной). В результате такой политики все перечисленные страны потеряли территории.

В Армении с 1990-х гг. существуют различные американские, британские, немецкие и прочие фонды, которые поддерживали смену власти и имели хорошие связи с действующим руководством. Одна из целей подобных НКО и НПО – разработка новых западноориентированных реформ для усиления связи Армении с НАТО, выхода Армении из ОДКБ и ЕАЭС. Некоторые политические деятели, в том числе бывшее руководство Армении, обвиняют премьер-министра Н. Пашиняна в многовекторности, потому что он старается сотрудничать и с Россией, и с США, и с ЕС. Никол Пашинян называет демократию «брендом». 29 марта 2023 г. на Втором саммите в поддержку демократии, организованном Дж. Байденом, он заявил, что: «Несмотря на глобальные и региональные вызовы, Армения последовательно продолжает реализацию повестки демократических реформ». Как пример, организация Freedom House в своем ежегодном отчете причислила Армению к «свободным» странам, а в опубликованном организацией «Репортеры без границ» Мировом индексе свободы прессы за 2022 г. Армения улучшила свои позиции на 12 пунктов, а также на 7 пунктов в индексе демократии, публикуемом Economist Intelligence Unit. Однако многие жители Армении считают действующую власть слабой и некомпетентной, а политологи до сих пор задаются вопросом система Пашиняна диктатура или демократия?

Говоря об особенностях легитимации политической власти в Армении, можно сделать вывод, что на политические процессы оказывают воздействие следующие наиболее острые проблемы: подписание капитуляции премьер-министром Н. Пашиняном в 2020 г. в конфликте с Азербайджаном, потеря территорий, рост госдолга, который увеличился на \$2,45 млрд или на 35,8% [9, с.1].

Библиографические ссылки

1. Мельвиль А. Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций / А.Ю. Мельвиль // Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 64-75.
2. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? / Л. Даймонд // Полис. Политические исследования. 1999. № 1. С. 10-26.
3. Аристотель. Политика. Соч.: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
4. Шарп Д. От диктатуры к демократии. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. 224 с.
5. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: Росспэн, 2000. 319 с.
6. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. РОССПЭН, 2003. 368 с.
7. Протесты против повышения цен на электричество идут во многих городах Армении [Электронный ресурс] // Газета.Ru. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2015/06/24_a_6852729.shtml. (дата доступа: 24.12.2022).
8. Епремян М. СМИ России и Армении: откровенный разговор // Соцсети как новый тип СМИ в Армении. Сборник статей по итогам Третьего заседания «Лазаревского клуба», Ереван 13-13 декабря 2019 г. [Электронный ресурс] URL: <https://i-sng.ru/img/2022/06/SMI-Rossii-i-Armenii.-otkrovennyy-razgovor-2020.pdf>. (дата доступа: 19.12.2022).
9. Госдолг Армении за время премьерства Пашиняна вырос на \$2,45 млрд [Электронный ресурс] // ИА Красная Весна. 19 марта 2022. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/63c54c3a>. (дата доступа: 19.12.2022).

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Н. Н. Левчук

*доктор политических наук, начальник научно-исследовательского отдела
(проблем военной безопасности) научно-исследовательского управления
(военно-гуманитарных исследований) ГУ «Научно-исследовательский институт Во-
оруженных Сил Республики Беларусь», 1234_73@list.ru*

Раскрывается сущность обеспечения инновационной безопасности Союзного государства (СГ) России и Беларуси, выявляются ее институциональные основания. Отмечается, что одним из главных вызовов инновационной безопасности СГ является фрагментированность и несистемность его инновационной инфраструктуры, в том числе организаций, обеспечивающих процессы передачи в производство результатов исследований и разработок, их коммерциализацию. В научный оборот вводится понятие межгосударственной инновационной системы (МИС) СГ, обосновывается необходимость союзной стратегии инновационного развития.

Ключевые слова: инновационная безопасность; институциональная матрица; межгосударственная инновационная система; технологический уклад; техносоциальный генезис.

ENSURING INNOVATIVE SECURITY OF THE UNION STATE

N. N. Levchuk

*Doctor of Political Sciences, Head of the Research Department (Problems of Military Security) of the Research Department (military-humanitarian research) State Institution "Scientific Research Institute of the Armed Forces The Republic of Belarus",
1234_73@list.ru*

The essence of ensuring the innovation security of the Union State (SG) of Russia and Belarus is revealed, its institutional foundations are revealed. It is noted that one of the main challenges to the innovation security of the SG is the fragmentation and non-systematic nature of its innovation infrastructure, including organizations that provide processes for transferring research and development results to production, their commercialization. The concept of the interstate innovation system (IIS) of the SG is introduced into scientific circulation, the need for a union strategy for innovative development is substantiated.

Key words: innovation security; institutional matrix; interstate innovation system; technological structure; techno-social genesis.

Использование совокупного инновационного потенциала Союзного государства России и Беларуси позволяет во многом нивелировать негативное воздействие санкционного давления на экономику. В 2020-е гг. на заседаниях Группы высокого уровня Совета Министров Союзного государства активно рассматривались вопросы о сотрудничестве двух стран в области развития микроэлектронных технологий, проектирования и производства электронной компонентной базы и электронного машиностроения, развитии совместной биржевой торговли. Важная роль в этом направлении отводится реализации научно-технических союзных программ. Белорусскими и российскими научными организациями успешно выполнено более 60 программ. Наука и экономика стран-союзников получили сотни новейших разработок мирового уровня. Тематика программ – новые технологии, оборона и безопасность, космос, фотоника, суперкомпьютеры, информационная безопасность, гидрометеорология, медицина и ряд других.

Особое внимание в совместных научных исследованиях отводится таким перспективным направлениям, как интеллектуальные системы анализа информации; новые материалы и технологии, опто- и микроэлектроника; космическое приборостроение и технологии. Научно-техническая программа «Комплекс-СГ» (начата в первом квартале 2023 г.) является продолжением уже реализованных космических проектов Союзного государства. Эта программа направлена на создание наноспутников, аппаратуры наблюдения и мониторинга атмосферы. Предполагается, что к 2026 г. будут изготовлены малый космический аппарат и два наноспутника – российский и белорусский.

В рамках реализации научно-технической программы «Интелавто» планируется разработать системы бортовой электроники автотранспортных средств, превосходящие существующие мировые аналоги, в том числе блоки управления двигателем, блоки бортовой безопасности, системы роботизированного управления автотранспортными средствами, высокоэффективные электродвигатели и другие компоненты для электрического и гибридного транспорта.

Реализация разрабатываемой в настоящее время программы «Ускоритель-СПР» позволит создать новые для Беларуси и России высокотехнологичные производства ускорительной техники различного назначения и выйти на рынки высокотехнологичного оборудования третьих стран, а также создаст основу для первого на территории Союзного государства многофункционального научно-учебно-производственного ускорительного комплекса широкого спектра применения. Основными потребителями продукции, полученной по результатам реализации данной программы, станут Объединенный институт ядерных исследований (г.

Дубна), центры разработки ускорительной техники Российской Федерации, а также ведущие международные организации ускорительного профиля.

В рамках планируемой к реализации программы «Союз-Биомембраны» будут разработаны инновационные средства диагностики, а также мишень-ориентированные препараты для точечного воздействия (в том числе на уровне клеток) на заболевания иммунной природы, что существенно повысит эффективность лечения онкологических, ревматических, инфекционных заболеваний, а также болезней нервной системы. Результатом программы станет развитие в Союзном государстве персонализированной медицины, основанной на использовании генно-инженерных лекарственных средств и диагностических процедур с высокой степенью индивидуализации [1].

При очевидной масштабности союзного инновационного сотрудничества приходится констатировать отсутствие системного видения инновационного развития, тем более с точки зрения обеспечения союзной безопасности. Нет его единой стратегии, особенно в контексте беспрецедентной санкционной войны, развязанной против Союзного государства. О необходимости разработать и реализовать стратегию инновационного развития Союзного государства, чтобы противостоять глобальным вызовам и занять достойное место на мировом рынке еще в 2018 г. заявил на V Форуме регионов Беларуси и России тогдашний председатель Государственного комитета по науке и технологиям Беларуси А. Г. Шумилин. Символично, что это произошло в ходе заседания секции «Международная деятельность и экономическая безопасность».

Для теоретико-методологического обобщения институциональных, экономических и защитных эффектов инновационной политики государства в контексте противодействия внешнему санкционному давлению представляется целесообразным применение понятия инновационной безопасности. Это – комплексное явление, которое в «системе координат» его описания, кроме сугубо экономического критерия конкурентоспособности, включает обороноспособность и стабильность, складывающуюся из политической стабильности и институциональной устойчивости.

Приоритетной задачей государственной институциональной политики Республики Беларусь представляется повышение эффективности *национальной инновационной системы (НИС)* как механизма взаимодействия между наукой и реальным сектором экономики. Устойчивая НИС Беларуси, рассматриваемая в синергетическом сопряжении с аналогичными системами России и стран-участниц ЕАЭС, позволяет государству выдерживать геополитическое и санкционное давление со стороны

крупных транснациональных финансово-экономических субъектов. В контексте союзного строительства представляется целесообразным применение понятия *межгосударственной инновационной системы (МИС)* Союзного государства, призванной ввиду наиболее тесных внутренних взаимодействий стать ядром формирования МИС ЕАЭС.

Приходится констатировать, что фактический объем союзных инвестиций в инновационное развитие недостаточен для обеспечения динамичного становления новой экономики [2]. Особенность союзной МИС заключается в том, что для ее развития, а, следовательно, для обеспечения инновационной безопасности необходимы поэтапные долговременные последовательные меры, реализуемые на всех уровнях МИС – от макроуровня до отдельных организаций, трудовых коллективов и ученых. Необходимы взаимосвязанные действия организационно-структурного (оптимизация структурной организации элементов МИС, создание инфраструктурных элементов), кадрово-квалификационного, финансового, материально-обеспечивающего, мотивационного, и в целом институционального характера.

Специфика МИС состоит в том, что в условиях институциональной модели Союзного государства согласование интересов различных социальных макрогрупп производится в большей степени не за счет действия рыночных сил, а путем решений органов государственной власти. Приоритетными задачами институциональной политики должны быть как совершенствование системы правовых институтов, регулирующих экономическую деятельность, так и повышение значимости системы неформальных институтов [2].

Сочетание регулятивных и рыночных механизмов рассматривается нами в рамках теории институциональных матриц [3], позволяющей найти эффективный баланс между названными механизмами. Фундаментальной основой обеспечения инновационной безопасности является высокоразвитая эффективная МИС, включающая всеобъемлющую систему технологического прогнозирования. Три основных элемента институциональной матрицы МИС – институт государственного управления, институт производства и применения знаний, институт государственно-частного партнерства, существующие в триединстве, но при доминировании государственного управления. В практическом применении матрица реализуется следующим образом (таблица).

**Институциональная матрица межгосударственной инновационной системы
Союзного государства**

Институциональные формы Институты	Инновационная инфраструктура	Инновационная среда
1. Институт государственного управления	Технопарки и центры трансфера технологий, кластеры (инициатива государства)	Стратегическое прогнозирование и планирование
2. Институт государственно-частного партнерства	Венчурные фонды (гарантии государства)	Нормативно-правовая архитектура
3. Институт производства и применения знаний	Учреждения образования, технопарки, кластеры (государственное регулирование)	Государственные инвестиции и ПИИ

Среди важнейших факторов эффективности МИС следует выделить необходимость обеспечения результативного взаимодействия между наукой, военным и гражданским секторами экономики, создание качественного механизма технологического трансфера, а также построение развитой системы научно-технологического разделения труда в рамках СГ и ЕАЭС. Охват как можно большего количества потенциально инновационных фирм посредством предоставления им государственной поддержки стимулирует развитие программы коммерциализации инноваций, создаваемых и заимствуемых технологий. Привлечение прямых иностранных инвестиций должно регулироваться развитым законодательством в области инновационной деятельности, отвечающим интересам национальной безопасности.

Согласно стратегии «Наука и технологии: 2018–2040», разработанной Национальной академией наук Беларуси, к 2040 г. Республика Беларусь должна обрести новое качество экономики и выйти на мировой уровень конкурентоспособности на основе процессов интеллектуализации и цифровизации производств, развития высокотехнологичных и наукоемких услуг, основанных на достижениях отечественной науки [4]. Но этот процесс имеет интегративный характер, основываясь на технологиях не только производственного, цифрового, но и социогуманитарного контуров.

В Республике Беларусь в целом сформировано законодательство в области управления инновационной деятельностью, разработаны и приняты нормативные правовые акты, регулирующие научную, научно-

техническую и инновационную деятельность, а также вопросы, касающиеся интеллектуальной собственности. Однако на уровне Союзного государства России и Беларуси пока отсутствует системное понимание такой работы, для чего необходима единая инновационная стратегия. Теоретический комплекс инновационной безопасности позволяет сформировать системно-методологическую базу такой стратегии с учетом современных вызовов и угроз.

Соблюдение стабильного баланса между государственным регулированием, рыночными механизмами, разумным потреблением и социальной устойчивостью выявляет институциональные основы инновационной безопасности, позволяет заявить о конвергентной природе ее обеспечения. При этом фазовый переход к новому технологическому укладу в Союзном государстве или более обширном союзе, таком как ЕАЭС, означает кардинальное повышение инвестиций в структурную перестройку экономики, направленную на возникновение устойчивых кластеров производств нового технологического уклада, быстрый рост которых сократит цикл реализации цепочек добавленной стоимости.

Сущность союзной стратегии инновационного развития заключается в опережающем становлении базисных производств шестого технологического уклада и выходе на связанную с ним длинную волну экономического роста [5]. Такая волна представляет собой многофакторный комплекс в результате синергии институционального эффекта.

Таким образом, целевой ориентир по росту наукоемкости ВВП Беларуси – до 2,5% в 2035 г. (1,2 % – государство, 1,3 % – бизнес-сообщество) [4] актуален и для Союзного государства, и для ЕАЭС. Критериями инновационного эффекта является повышение доли отгруженной инновационной продукции организациями обрабатывающей промышленности, но в большей степени – рост удельной добавленной стоимости на одного работающего в экономике, что характеризует повышение эффективности МИС в целом. Узловой проблемой обеспечения инновационной безопасности Союзного государства остается цепочка низкой инновационности. Выход из ситуации – в дальнейшем наращивании государственных инвестиций в инновационную реструктуризацию экономики, повышение эффективности МИС.

Библиографические ссылки

1. Шлычков: благодаря союзным программам мы получили разработки мирового уровня [Электронный ресурс] // БЕЛТА. 2023. URL: <https://www.belta.by/tech/view/shlychkov-blagodarja-sojuznym-programmam-my-poluchili-razrabotki-mirovogo-urovnja-544552-2023/>. (дата доступа: 14.01.2023).

2. О негативных тенденциях в социально-экономическом развитии Республики Беларусь, предложениях НАН Беларуси по их преодолению и обеспечению устойчивого сбалансированного развития Республики Беларусь в 2016–2020 годах : науч.-аналит. докл. [Электронный ресурс] // Ин-т экономики Нац. акад. наук Беларуси. 2015. URL: <http://economics.basnet.by/files/NegTen.pdf>. (дата доступа: 15.12.2022).

3. *Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России: введение в Х-У-теорию. М. ; СПб. : Нестор-История, 2014. 468 с.

4. Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040» [Электронный ресурс] // Национальная академия наук Республики Беларусь. 2017. URL: http://nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf. (дата доступа: 19.12.2022).

5. *Глазьев С. Ю.* Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственных укладах («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2018. 768 с.

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ МАРКЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РОССИИ

Н. П. Сащенко

кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия, nsaschenko@mail.ru

Рассмотрен феномен политической трансформации как процесса структурных изменений и перехода политической системы в новое состояние. Показана специфика переходного состояния российского общества, при котором ослабляется действие адаптационных социально-психологических механизмов. Предложены идентификационные маркеры политических трансформаций в России.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, политические трансформации, переходное состояние, идентификационные маркеры.

IDENTIFICATION MARKERS OF POLITICAL TRANSFORMATIONS IN RUSSIA

N. P. Sashchenko

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, leading researcher Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPI FNSC RAS), Moscow, Russia, nsaschenko@mail.ru

The phenomenon of transformation as a transition of the system to a new state is considered. The specificity of the transitional state of the Russian society is shown, in which the effect of adaptive socio-psychological mechanisms is weakened. Identification markers of political transformations in Russia are proposed.

Keywords: national-state identity, political transformations, transitional state, identification markers.

Понятие «политические трансформации» в политической науке часто подменяют категориями «политические изменения», «политическое развитие», «политическая модернизация». Какова сущность и специфика политических трансформаций как социально-политического явления? И есть ли особые маркеры этого феномена? Попробуем ответить на эти вопросы.

Оттолкнемся от позднелатинского перевода «transformatio» как «преобразование, превращение, метаморфоза» и будем рассматривать трансформацию, прежде всего, как «переход». В теории политического развития в начале 90-х годов 20 века французский политик, член Радикальной партии левых Роже-Жерар Шварценберг назвал переходом «от традиционной политической системы к современной политической системе» [1, с.76] явление политической модернизации. С таким пониманием политической модернизации как «переход» в те годы не согласился отечественный ученый-политолог О.Ф. Шабров, увидев подмену смыслов. Политическая модернизация как переход, по его мнению, на деле трактовалась «как переход к политической системе западного образца» [2, с.47-48], а «набор критериев развития сводился «практически к добродетели и нравственности, знаниям и технологии, упорядоченности и негэнтропии» [2, с.48]. Устоявшиеся критерии оценки современных процессов в постмодернистских теориях политического развития также давали основание усомниться в мере применимости этих критериев в определении направленности политических изменений.

Системный подход к пониманию жизни общественного организма как системы показал больше возможностей для анализа общественно-политических трансформаций, благодаря работам специалистов в области синергетики и теории катастроф [3-8]. Данный подход в политической науке дал возможность взглянуть на состояние политической системы через призму баланса между системным, генеральным и частным гомеостазисом, а на изменения, влекущие трансформацию системы, – как переход в новое состояние. Примером «сохранения системного гомеостазиса при нарушении частного является общественно-политическая трансформация Польши в 80-е – 90-е годы: страна не исчезла с географической карты. Чего не скажешь о Чехословакии, Югославии и Советском Союзе» [2, с.57].

Трансформационные процессы в современном мире стали объектом исследований не только социологов и политологов, но и культурологов, социальных психологов и антропологов как методологические обоснования общей теории развития.

В попытках описании картины магистрального эволюционного движения ученые обращались к поиску принципов линейных схем эволюционной динамики в традиционных классических концепциях. Однако увидеть масштаб противоречий культурного бытия и найти жесткую функциональную или хотя бы коррелятивную связь оказалось проблематичным. Нелинейный же характер эволюции все меньше подчиняется естественным «законам, регулирующим биологическую природу человека и природные основы социальной самоорганизации, и все больше —

законам самой Культуры» [9, с.7], что обязывает исследователя в поиске методологических рамок описания процессов социальной динамики выходить из поля социальных наук в междисциплинарное пространство. В период глобализации и усиления значимости нелинейных процессов социальной динамики культурологи постмодерна смотрят на законы эволюции сквозь призму борьбы естественных и искусственных законов (конвенциональных культурных норм) организации жизни, отдавая предпочтение в изучении процессу дифференциации горизонтального и вертикального направлений. Нам ближе позиция критичного отношения к представлениям о магистральном эволюционировании как о чем-то естественно-императивном, predetermined, само собой разумеющемся и потому не нуждающемся в специальных объяснениях [9, с.7-8; 10, с. 23]. Кроме вертикальных эволюционных “прорывов” существует регресс, стагнация, архаизация и иные формы рецессивного исторического движения, которые имеют свое значение и которые нельзя недооценивать.

Изменение характера социально-экономических и социально-политических отношений в начале XXI в., ускоренная цифровизация всех сфер жизни и, как следствие, виртуализация социальных отношений и информационной среды ослабили действие механизмов функционирования и воспроизводства культуры, – этого сложного целого, состоящего «из пластов разной скорости развития» [11, с. 20], лежащего в основе групповой, этнической, национально-государственной идентичностей. Стремительные изменения социологи описывают известными метафорами “столкновения цивилизаций”, “текучей современности”, “общества риска”. Общими закономерностями для всех стран являются различные темпы, ритмы, асинхронность и разнонаправленность перемен [12, с.79]. Российское общество отличается от стран западной демократии не столько темпоритами и топографическими структурами (хотя и этим в немалой степени тоже), сколько социокультурными кодами, исторически-сложившимися национально-государственными стереотипами отношения к миру, себе, власти.

В сфере политического научные дискуссии о власти, государстве, политических институтах и современных процессах естественным образом заходят на поле социальной и политической психологии, обогащая методологическое и дискурсивное переосмысление политологических объяснительных моделей. Функционирование и развитие государственно-территориальной общности обеспечивается социальными механизмами, связывающими индивидов со страной. Природа этих механизмов определяется специфическими свойствами нации как “воображаемого политического сообщества”, т. е. существующего только потому, что в

умах каждого из его членов “живет образ их общности” [13, с.28-29]. Растущая сложность мира, высокая скорость и нелинейный характер социальных изменений влияют на процесс восприятия мира индивидуальным и групповым субъектами, трансформируя сложившуюся в сознании картину мира, систему ценностных установок, отражая в ценностно-смысловом пространстве картины мира совместно создаваемые символические репрезентации.

Поэтому идентификационные маркеры следует рассматривать в числе определяющих в анализе системных трансформаций и устойчивости государства.

Концептуально мы исходим из того, что российская идентичность формируется в контексте политической, историко-культурной и геополитической динамики. Активная роль в процессе её конструирования сегодня принадлежит государству, политическим акторам, интеллектуальной элите. Позитивное же восприятие своей страны в массовом сознании является основным критерием адекватности сконструированных концептов [14]. Национально-государственная идентичность определяется с одной стороны, как особый вид психологической связи личности с политической нацией, делающей индивида чувствительным к тому, что касается его государства, его страны [15], и как «психологическая самоассоциация личности с геополитическим образом определенного национально-государственного конструкта», ценностей и символических репрезентаций [16], – с другой. Для нас важна интерпретация российской идентичности как государственно-гражданской, включающей ответственность за дела в стране, готовность участвовать в политической жизни во имя интересов граждан страны [17]. Концептуальная модель нашего исследования включает подходы к анализу граней картины мира, влияющей на направленность идентификационных процессов в обществе, с применением критериев анализа в политико-психологических и социологических традициях.

В результате проведённых под руководством автора политико-психологических исследований Центра социальной безопасности и рискологии Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН был выявлен ряд маркеров, позволяющих судить о проблемах в восприятии мира политического, государственных институтов, идеологий, политических персон и образа своей страны в целом [18, с. 103-136] – детерминантах политической трансформации. Выявлено, что общество оказалось под воздействием не только явных социальных трансформаций. Латентное влияние на самоидентификацию личности и групп оказывает изменчивость ценностной картины мира: социальных представлений и ценностей, неопределенность норм и установок,

трансформация политических интересов и ориентаций. Возник большой разрыв между субъективными и объективными пространством и временем, отношением к ним и к изменениям, в них происходящих.

При устойчивой средней оценке политических рисков в российском обществе важно помнить о наличии неустойчивости и непредсказуемости общественных настроений и состояния дел в обществе в целом. Мысль известного культуролога Ю. М. Лотмана о наличии двух типов взаимно необходимых процессов – постоянных и взрывных – позволяет увидеть еще один ракурс исследования динамики национально-государственной идентичности как одного из элементов «процессов динамики развития культуры и исторического процесса» [11, с.21], а именно – учет изменений на двух уровнях одного динамического процесса одновременно. Эти изменения связаны между собой, они находятся в постоянном диалоге. Предсказуемость – одна из основных черт постепенных процессов, непредсказуемость – взрывных. Взрывы и эволюционные изменения в динамике культурного развития могут быть не только последовательными этапами, но и существовать в синхронном пространстве. Чувствительным индикатором устойчивости социальной общности в изменяющейся реальности на уровне государства по-прежнему остаются идентификационные маркеры, которые не только поддаются измерению, но и ставят новые методологические вопросы из другой научной сферы.

Библиографические ссылки

1. *Шварценберг Р.-Ж.* Политическая социология. В 3 ч. Т.2. М., 1992.
2. *Шабров О.Ф.* Политическое управление: проблема стабильности и развития Москва, Интеллект. 1997.
3. *Parsons T.* Politics and Social Structure. N.Y. - London, 1969.
4. *Абдеев Р.Ф.* Философия информационной цивилизации. М., 1994.
5. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986.
6. *Дружинин Д.Л., Ванярхо В.Г.* Синергетика и методология системных исследований // Системные исследования: Ежегодник, 1988. М., 1989.
7. *Моисеев Н.Н.* Алгоритмы развития. М., 1987.
8. *Эшби У.Р.* Конструкция мозга. М., 1962.
9. *Пелипенко А.А.* Эволюция: вектор и траектории // Человек 2016. № 6. С.5-17.
10. *Сащенко Н.П.* Процессы интеграции/дифференциации в российском обществе: вопросы методологии // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 22-35.
11. *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв // Семиосфера. СПб: «Искусство–СПб». 2000.
12. *Никовская Л.И.* Модернизация в России: проблемы выбора модели // Наука. Культура. Общество. 2010. № 4. С. 76–87.

13. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. 2001.

14. Сащенко Н. П. Структура социальных представлений молодежи о России: проблема идентичности // Наука. Культура. Общество. 2020. Том 26. № 3. С. 8-18.

15. Пушкарева Г. В. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности. Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 156-173.

16. Евгеньева Т. В. Идентификационное измерение образа страны: методы исследования и интерпретация результатов // Социальная инженерия: как социология меняет мир: материалы IX между нар. социол. Грушинской конф. (20-21 марта 2019 г.). М.: ВЦИОМ, 2019. С. 188-193.

17. Дробижева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37-50.

18. Сащенко Н. П. Социально-политическая консолидация и поляризация // Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году: [монография] / Н. В. Березина, И. Я. Богданов, Н. М. Великая [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 549 с.

МОЛОДЕЖЬ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕРЕСОВ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ

А. К. Сковиков

*кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и
политического управления Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия,
skovikov@yahoo.com*

На основе историко-сравнительного и диалектического методов, а также проведенного опроса молодежи проанализирована деятельность парламентских партий с подрастающим поколением в Российской Федерации. Выявлены изменения в работе в условиях политической турбулентности – активизация в системной работе с молодежью, законотворчестве по формированию равных стартовых возможностей в реализации интересов девушек и юношей.

Ключевые слова: государство, парламентские партии, молодежь.

YOUTH AS OBJECT OF INTERESTS OF PARLIAMENTARY PARTIES IN RUSSIA

A. K. Skovikov

*candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Political Science and Political Administration of the Russian Academy of National
Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia, skovikov@yahoo.com*

Based on historical, comparative and dialectical methods, as well as a survey of young people, the activities of parliamentary parties with a younger generation in the Russian Federation were analyzed. Changes in work in conditions of political turbulence were revealed - intensification in systematic work with young people, lawmaking on the formation of equal starting opportunities in the implementation of the interests of girls and boys.

Keywords: state, parliamentary parties, youth.

В современной России постоянно идет процесс модернизации партийной системы. Изначально деятельность политических партий регламентировалась Федеральным законом «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ, а в дальнейшем Федеральным законом «О политических партиях» от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ. При этом в последний постоянно вносились изменения, преимущественно направленные на

защиту интересов правящего политического класса и правящей политической партии. Партийная система любого государства «не статична: она эволюционирует в процессе политической институционализации упорядочения социальных связей. В этом процессе партии, образующие партийную систему, приобретают необходимые для полноценного участия в общественно-политической жизни структурно функциональные характеристики, возникают и усиливаются связи между ними, придающие партийной системе целостность и внутреннее единство» [1, с. 2525].

В современной России выборы в первую в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации состоялись в 1993 г., а в дальнейшем они проходили в рамках регламентированным российским законодательством – 1995, 1999, 2003, 2007, 2011, 2016, 2021 гг. В независимости от установленного заградительного барьера для прохождения в федеральный парламент для политических партий (избирательных объединений; избирательных блоков) преодолеть его смогли только ограниченное число. Заметим, что в Российской Федерации парламент состоит из двух палат. Нижняя палата – Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Верхняя палата – Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. В истории современной российской государственности выборы в обе палаты парламента проводились только в 1993 г., а в дальнейшем механизм формирования парламента был изменен. С 1995 г. только нижняя палата парламента избирается на основе народного голосования, что соответствует общепринятым демократическим стандартам к предъявляемым процедурам выборов народных депутатов.

Таким образом, выйти на уровень принятия решений и определения дальнейшего вектора социально-экономического, политического и духовного развития страны смогли политические партии, заручившись поддержкой широких слоев населения и/или имеющих доступ к административному властному ресурсу.

Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва состоялись 17-19 сентября 2021 г. по смешанной системе. По результатам подсчета голосов в Государственную Думу прошли пять политических партий: «Единая Россия» (324), КПРФ (57), «Справедливая Россия – За правду» (27), ЛДПР (21), «Новые люди» (13) [2]. Разделяем позицию В. И. Тимошенко в отношении того, что «современная российская мультипартийная система имеет доминирующую «президентскую» партию в лице «Единой России». На сегодняшний день она на деле является лидирующей партийно-политической силой, обладает реальной политической властью, имеет большинство в федеральном парламенте и представительных органах власти абсолют-

ного большинства регионального и местного уровня, а также контролируя исполнительную власть почти во всех регионах страны» [3, с. 103].

Молодежь – «это объективное общественное явление, выступающее всегда как большая специфическая возрастная подгруппа. Ключом к познанию природы молодежи является диалектика целого и части...» [4, с. 17]. Как правило, к молодежи относят людей в возрасте от 14 до 35 лет. В 2020 г. молодежь России составляла 39,6 млн. человек, что соответствует примерно 1/3 от общего числа населения страны. Вместе с тем, молодежь обладает отличительными свойствами в отличие от других социальных групп. Среди них – участие в противоправных действиях, опосредованная оперативная коммуникация в социальных сетях и др. Молодежь является объектом интересов не только со стороны органов государственной власти, но и институтов гражданского общества, в частности политических партий, заинтересованных в сохранение властных полномочий и/или выходе на уровне принятия решений в парламентах всех уровней власти – федеральном, региональном и местном. При этом, «общество в целом выступает за активизацию и реализацию деятельности молодежи в политической и общественной жизни» [5, с. 18]. Вместе с тем, у подрастающего поколения недостаточно ресурсных возможностей для реализации своих интересов. С одной стороны, большинство молодежи не обладают достаточными финансовыми средствами для открытия личного бизнеса и прочих значимых общественных проектов. С другой стороны, ограниченность в уровне образования, профессиональных компетенциях. Как правило, это решается по мере приобретения профессионального опыта, получения образования, ученой степени кандидата либо доктора наук.

Мировой политический процесс развивается динамично и противоречиво. Российская Федерация столкнулась с небывалыми вызовами в истории человечества, давлением со стороны элит недружественных стран, которая пролоббировала свои интересы, введя санкционные ограничения как на импорт, так и экспорт товаров, что оказало влияние на удовлетворение личных потребностей населения.

Проведенный опрос молодежи в столице, а также пяти областях РФ – Калужской, Ленинградской, Смоленской, Тверской, Тульской (в опросе приняли участие 1100 респондентов, декабрь 2022 г., выборка квотная, нерепрезентативная) позволил определить проблемное поле современной общественно-политической повестки. Заметим, что существенных гендерных различий не было установлено. Во-первых, молодежь заинтересована в получении качественного бесплатного образования по установленным федеральным стандартам. Во-вторых, около трети респондентов недовольны условиями для реализации своих интере-

сов (отсутствие карьерного роста на производстве; низкая заработная плата; ограничения в передвижениях на европейском континенте). В-третьих, доминирующее большинство респондентов не состоят в политических партиях, иных молодежных общественно-политических организациях. В тоже время готовы принять участие в политических акциях при материальной заинтересованности либо предоставлении иных благ.

Программы политических партий «представляют собой уникальные сложно структурированные документы, их содержание изложено естественным нормативным языком, рассчитанным на широкое общественное восприятие» [6, с. 105]. Однако, молодежь с ними не знакома, а, следовательно, проявляет политический абсентеизм.

Руководство парламентских партий в современной РФ достаточно информировано о проблемах молодежи, определенных трудностях при реализации своих личных амбиций в различных областях жизнедеятельности, а также о внутренних и внешних вызовах со стороны основополагающих мировых политических акторов, оказывающих негативное воздействие на сложившуюся политическую систему. Все это стимулирует активизацию в законотворческой деятельности по защите интересов молодежи и предоставлении равных стартовых возможностей для реализации своего потенциала, а также непосредственного участия с молодежными общественно-политическими организациями, иными молодежными структурами, молодежью в целом.

На основе проведенного анализа исследований российских политологов – О. А. Коряковцевой, П. А. Меркулова, О. В. Поповой, А. В. Соколова, А. В. Шумилова и др. [7; 8; 9; 10; 11; 12] в отношении политического развития, молодежи, молодежной политики, взаимодействий между девушками и юношами с представителями политических партий можно с уверенностью констатировать, что парламентские политические партии кардинально изменили свою работу в соответствии с запросом подрастающего поколения.

Во-первых, если в начале становления российского парламентаризма парламентские партии активизировали свою работу с молодежью в преддверии выборов в представительные органы власти, то в настоящее время работа системная. Во-вторых, на протяжении первого-седьмого созывов работы нижней палаты парламента можно выделить многополярность в работе с молодежью преимущественно «партией власти», а также КПРФ и ЛДПР, то в настоящее время, работа сфокусирована на реализацию государственных программ, в том числе по гармоничному развитию личности подрастающего поколения в духе патриотизма. В-третьих, руководство парламентских партий заинтересовано в макси-

мальном привлечении молодежи к партийной работе, а также приеме девушек и юношей в свои ряды.

Таким образом, политическая турбулентность в современном обществе придала импульс системной работе с молодежью парламентским партиям, активизировала их законодательную деятельность по защите интересов девушек и юношей, а также формированию де-факто, а не де-юре условий для реализации своего личного потенциала представителями молодежи.

Библиографические ссылки

1. Заславский С. Е. Партийная система России: современное состояние и динамика развития // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 8 (60). С. 2524-2541.
2. История Государственной Думы / Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/history/information/> (дата доступа: 10.02.2023).
3. Тимошенко В. И. Характер и своеобразие партийной системы современной России // PolitBook. 2022. № 4. С. 98-107.
4. Луков В. А. Молодежная политика: концепция И.М. Ильинского // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 13-24.
5. Златанов Б. Г. Молодежь и общественные организации: диалог и взаимодействие // Youth World Politic. 2020. № 1. С. 15-22.
6. Тимошенко В. И. Предвыборные программы политических партий как предмет политологического анализа // PolitBook. 2021. № 4. С. 104-124.
7. Коряковцева О. А., Бугайчук Т. В. Исследования становления гражданской идентичности молодого поколения россиян: интегративный подход // Социально-политические исследования. 2021. № 3 (12). С. 15-23.
8. Меркулов П. А. Влияние молодежных проблем на социально-политическую стабильность в условиях трансформационных сдвигов // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18. № 1. С. 15-42.
9. Попова О.В. Политическая онлайн-коммуникация молодежи российских мегаполисов // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3. № 2. С. 28-54.
10. Фролов А. А., Соколов А. В., Гребенко Е. Д. Установки и ориентации современной молодежи и возможности формирования ее политической лояльности // Власть. 2021. Т. 29. № 6. С. 118-123.
11. Шумилов А. В. Молодежная политика и молодежь в политическом процессе: инновация или консерватизм (в преддверии нового электорального цикла) // PolitBook. 2017. № 4. С. 138-148.
12. Шумилов А. В. Государственная молодежная политика: теоретическое осмысление и измерение // PolitBook. 2016. № 3. С. 6-17.

ИНСТИТУТЫ И МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

П. В. Юсупов

Аспирант кафедры политологии юридического факультета БГУ, Минск, Республика Беларусь, politologdela@gmail.com

В условиях укрепления евразийской экономической интеграции всё более важным становится изучение опыта закрепления и функционирования официальных механизмов коммуникации органов государственной власти и бизнеса в государствах-членах ЕАЭС. Республика Казахстан является одной из наиболее экономически развитых стран ЕАЭС, где существенную роль в экономике играют иностранные транснациональные компании, ввиду чего, изучение его опыта в реализации предпринимательской политики становится еще более важным.

Ключевые слова: предпринимательство, Республика Казахстан, взаимодействие власти и бизнеса, реформы, рыночная трансформация, права предпринимателей.

INSTITUTIONS AND MECHANISMS OF INTERACTION OF STATE AUTHORITIES AND BUSINESS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

P. V. Yusupov

Postgraduate student of the Department of Political Science, Law Faculty, BSU, Minsk, Republic of Belarus, politologdela@gmail.com

In the context of the strengthening of Eurasian economic integration, it is becoming increasingly important to study the experience of consolidating and functioning of official mechanisms for communication of public authorities and business in the EAEU member states. The Republic of Kazakhstan is one of the most economically developed countries of the EAEU, where foreign transnational companies play a significant role in the economy, which makes studying its experience in the implementation of entrepreneurial policy even more important.

Key words: entrepreneurship, Republic of Kazakhstan, interaction between government and business, reforms, market transformation, entrepreneurial rights.

Экономика Республики Казахстан является одной из наиболее динамично развивающихся на постсоветском пространстве и в интеграционном поле Евразийского экономического союза. Наличие большого объема полезных ископаемых и проводимая правительством политика

благоприятствования иностранным инвестициям обусловили приход в страну большого количества крупных зарубежных транснациональных компаний, заинтересованных в создании стабильной и выверенной нормативно-правовой базы регулирования своей деятельности. Данные условия создали запрос на разработку и закрепление официальных механизмов коммуникации органов государственной власти и бизнес-сообщества.

Несмотря на указанные выше факторы, долгое время официальные институты коммуникации не были как-либо закреплены. Первые попытки их закрепления начались в начале 2010-х гг. В связи с принятием Закона Республики Казахстан от 4 июля 2013 г. № 129-V «О Национальной палате предпринимателей Республики Казахстан», в качестве главного коллективного представителя интересов бизнес-сообщества была создана Национальная палата предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен». Палата наделена существенными полномочиями по защите интересов бизнес-сообщества, в частности правом участия в разработке проектов нормативных правовых актов, затрагивающих интересы бизнеса, прямого представительства интересов бизнеса в Правительстве и Парламенте Республики Казахстан, направления предложений по вопросам передачи полномочий государственных органов в конкурентную среду, создавать органы арбитража и проводить общественные слушания, осуществлять мониторинг деятельности государственных органов, представлять бизнес Республики Казахстан на наднациональном уровне и др. [1]. Палата наделена полномочием по выдаче сертификатов о происхождении товаров. Аналогичным полномочием в Республике Беларусь наделена Белорусская торгово-промышленная палата.

Для комплексного представительства интересов бизнеса палата разделена на 16 региональных отделений, а работа ведется посредством заседаний отраслевых комитетов. Несмотря на подобную организацию деятельности, в работе палаты Атамекен существует ряд недостатков. Так как палата объединяет большое количество представителей бизнеса из разных отраслей и разного размера, она сталкивается с невозможностью учета позиции всех её членов. Довольно часто внутри палаты сталкиваются интересы крупного бизнеса и малого/среднего предпринимательства (МСП) [2]. Высокая степень централизации не позволяет палате эффективно представлять интересы всего бизнеса страны.

В целях повышения защищенности прав бизнес-сообщества и повышения роли палаты Атамекен, Указом Президента Республики Казахстан от 27 февраля 2014 г. «О кардинальных мерах по улучшению условий для предпринимательской деятельности в Республике Казахстан», Правительству было поручено разработать проект закона, предусматри-

вающего усиление роли Национальной палаты предпринимателей, в том числе путем введения института Бизнес-омбудсмена [3].

Деятельность бизнес омбудсмена обеспечивается национальной палатой Атамекен и согласно статье 26-1 Закона «О Национальной палате предпринимателей Республики Казахстан» правовой статус уполномоченного по защите прав предпринимателей Казахстана определяется Предпринимательским кодексом [2].

Уполномоченный по правам предпринимателей назначается на должность Президентом Республики Казахстан и подотчетен ему. На период осуществления своих полномочий Уполномоченный по защите прав предпринимателей не вправе заниматься политической деятельностью, а потому приостанавливает свое членство в политических партиях и иных общественных объединениях. Бизнес-омбудсмен Республики Казахстан наделен правом внесения рекомендаций: об отмене действия подзаконных НПА, нарушающих права предпринимателей; о восстановлении прав предпринимателей, в случае их нарушения государственными органами. В случае несогласия с мнением госорганов он может направлять ходатайства в органы прокуратуры в целях дальнейшего восстановления нарушенных прав предпринимателей. Если вопросы не удастся решить на данных стадиях, уполномоченный по правам предпринимателей вправе вносить их на рассмотрение Президента Республики Казахстан [4]. Отметим, что несмотря на прогрессивность института бизнес-омбудсмена, он обладает исключительно консультативными полномочиями, в том числе и по вопросам нарушения прав предпринимателей.

Отдельным элементом реализации политики, направленной на создание стабильной и доступной нормативно-правовой базы является издание в 2015 г. Предпринимательского кодекса Республики Казахстан (Кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. № 375-V ЗРК). Статья 3 Кодекса закрепляет цели и принципы взаимодействия субъектов предпринимательства и государства, среди которых выделяются прозрачность деятельности государственных органов и доступность информации, эффективность государственного регулирования предпринимательства и участие субъектов частного предпринимательства в нормотворчестве [4].

Отдельным инструментом взаимодействия государственных органов и бизнес сообщества являются общественные советы. Несмотря на то, что данный институт в Республике Казахстан создан не напрямую в целях поддержки предпринимательства, советы, созданные при министерствах и ведомствах, издающих акты, влияющие на предпринимательскую деятельность, играют существенную роль. В соответствии с Законом Республики Казахстан от 2 ноября 2015 г. № 383-V ЗРК «Об

общественных советах», их задачами являются представление интересов гражданского общества и учет мнения общественности при обсуждении и принятии решений на республиканском и местном уровнях и развитие взаимодействия центральных и местных исполнительных органов и органов местного самоуправления с гражданским обществом [5].

Составы советов формируются на конкурсной основе, для чего в составе государственного органа, при котором действует совет, создается рабочая группа по формированию его состава. В состав рабочей группы включаются как представители государственных и квазигосударственных структур, так и гражданского общества. Представительство указанных структур как в составе рабочей группы, так и в составе советов не может превышать 1/3 от общего числа членов [5]. Председателем общественного совета могут являться исключительно представители гражданского общества и бизнес-объединений, входящих в совет. Недостатком деятельности общественных советов в Республике Казахстан является недостаточная информационная работа по освещению их деятельности. Протоколы заседаний советов и положения о их работе зачастую не публикуются в открытом доступе, что затрудняет доступ к информации для бизнес-сообщества.

Таким образом, изучение опыта Республики Казахстан по установлению механизмов взаимодействия органов государственной власти и бизнес-сообщества становится всё более важным в условиях укрепления евразийской экономической интеграции. Несмотря на внедрение института уполномоченного по правам предпринимателей и издание предпринимательского кодекса, существенной проблемой остается невозможность полноценного учета позиций всех субъектов бизнес-сообщества, особенно МСП, на фоне интересов крупного бизнеса. Причиной этого является высокая степень централизации коммуникации. Закрепление в предпринимательском кодексе принципов взаимодействия государства и бизнеса, среди которых участие предпринимательских кругов в разработке нормативно-правовой базы будет способствовать расширению официальной коммуникации и более полному учету позиции бизнеса при формировании государственной политики.

Библиографические ссылки

1. О Национальной палате предпринимателей Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Закон Респ. Казахстан от 4 июля 2013 г. № 129-V : в ред. от 27 июня 2022 г. № 129-VII // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000129>. (дата обращения: 22.03.2023).

2. Как лучше наладить взаимодействие бизнеса и государства? [Электронный ресурс]. URL: <https://kapital.kz/business/102322/kak-luchshe-naladit-vzaimodeystviye-biznesa-i-gosudarstva.html>. (дата обращения: 22.03.2023).

3. Уполномоченный по защите прав предпринимателей Казахстана [Электронный ресурс]. URL: https://ombudsmanbiz.kz/rus/biznes_ombudsmen/istoriya_instituta/. (дата обращения: 22.03.2023).

4. Предпринимательский кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Кодекс Респ. Казахстан от 29 окт. 2015 г. № 375-V ЗРК : в ред. от 6 февр. 2023 г. № 194-VII // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375#z1172>. (дата обращения: 22.03.2023).

5. Об общественных советах [Электронный ресурс] // Закон Респ. Казахстан от 4 июля 2013 г. № 383-V ЗРК : в ред. от 1 января 2023 г. № 128-VII // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000383#z121>. (дата обращения: 22.03.2023).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В XX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XXI ВВ.

УДК 321.728

РОЛЬ ВСЕБЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е. Г. Абраменко

Кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии юридического факультета БГУ, г. Минск, Беларусь, eabramenko1979@gmail.com

Политико-правовой институт парламентаризма характеризуется динамизмом, на него оказывает влияние особенность общественно-политической жизни страны и национальные традиции общества и исторический момент. Особенностью белорусской модели парламентаризма является конституционное закрепление Всебелорусского народного собрания как высшего представительного органа.

Ключевые слова: Республика Беларусь, парламентаризм, представительство, разделение властей, Всебелорусское народное собрание.

THE ROLE OF THE ALL-BELARUSIAN PEOPLE'S ASSEMBLY IN THE FUNCTIONING OF THE POLITICAL AND LEGAL INSTITUTION OF PARLIAMENTARISM IN THE REPUBLIC OF BELARUS

E. G. Abramenko

D. in Political Science, Associate Professor, Associate Professor of Department of Political Science, Law Faculty, Belarusian State University, Minsk, Belarus, eabramenko1979@gmail.com

The political and legal institution of parliamentarism is characterised by dynamism, influenced by the peculiarities of the socio-political life of the country and the national traditions of the society and the historical moment. The peculiarity of the Belarusian model of parliamentarism is the constitutional consolidation of the All-Belarusian People's Assembly as the supreme representative assembly.

Keywords: Republic of Belarus, parliamentarism, representation, separation of powers, All-Belarusian People's Assembly.

Парламентаризм можно охарактеризовать как политический институт, обеспечивающий взаимодействие избранного на основе общепризнанных демократических процедур народного представительства (парламента) с другими органами государственной власти, отражающий его особое положение в государственной системе и реализующий сотрудничество государства с гражданским обществом.

С точки зрения политической теории, данный политико-правовой институт является формой представительной демократии. В этом значении он практически отождествляется с такими ценностями демократии как верховенство закона, первостепенное значение прав личности в отношении с государством, наличие гражданского общества с высоким уровнем политической культуры граждан.

Основой парламентаризма является принцип разделения властей, согласно которому все ветви власти независимы и равноправны. Каждая подчиняется только закону и имеет полную свободу действий.

Реализация принципа разделения властей предполагает разделение не просто функций (законодательных, исполнительных, судебных), но и властных полномочий, что не нарушает единства государственной власти, под которым следует понимать единство стратегических целей и направлений деятельности всех государственных органов. Единство государственной власти определяется, прежде всего, тем, что единым и единственным источником власти выступает народ.

Необходимым условием парламентаризма является развитое гражданское общество, которое, имея сложную структуру, охватывает экономические сферы и институты, организацию и деятельность общественных союзов, органов местного самоуправления, религиозных общин, сферу образования, воспитания, науки, культуры, семью, средства массовой информации, ядром которого выступают политические партии, общественные объединения и организации, органы местного самоуправления. Функционирование политических систем является процессом разработки общественной политики через учет интересов и потребностей общественных групп.

Существенным аспектом парламентаризма является публичность политики, предполагающей гласность; выявление и изучение общественного мнения; плюрализм мнений; обнародование, принятых решений и доведение их до граждан, политических партий и общественных объединений.

На сегодняшний день, парламентаризм, с одной стороны является комплексной составляющей законодательной власти, многофункциональной подсистемой и составной частью разветвленной политической

системы. С другой стороны – это достаточно неустойчивое и динамичное явление, на которое влияют особенности общественно-политической жизни конкретной страны, национальные традиции и политическая культура населения и даже исторический момент.

Всебелорусское народное собрание, являющееся одной из важнейших форм народовластия, органично вписывается в политическую систему белорусского государства, а также является важным элементом белорусской модели парламентаризма.

Истоки такой формы народовластия можно проследить на этапе протопарламентаризма. Вече в Полоцком и Туровском княжествах являлись форумами, на которых обсуждались важнейшие социально-экономические и политические вопросы: объявление войны и заключение мира, выплата контрибуций, установлении налогов; назначение на высшие государственные должности. Вече обладало исключительной компетенцией на передачу власти князю, а также на его изгнание; непосредственное участие свободных граждан в управлении.

Всебелорусское народное собрание (ВНС) уже зарекомендовало себя как важный орган народовластия. Оно объединяло людей разных социальных групп, профессий, возрастов в обсуждении наиболее важных вопросов жизни общества и государства. Основными задачами форумов являлись оценка действий власти за прошедшие 5 лет, определение основных задач развития страны и закрепление программы социально-экономического развития на ближайшие 5 лет. За годы независимости Республики Беларусь состоялось шесть Всебелорусских народных собраний: 1996, 2001, 2006, 2010, 2016, 2021 гг.

Согласно Ст. 891 Конституции Республики Беларусь Всебелорусское народное собрание – высший представительный орган народовластия Республики Беларусь, определяющий стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающий незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие [2]

Ст. 3 Закона «О Всебелорусском народном собрании» закрепляет такие его принципы как народовластие, верховенство права и законности, демократичности, преемственности государственной политики, социальной справедливости, гласности, коллегиальности и свободного обсуждения и принятия решений [3]. Данные принципы в полной мере перекликаются с ключевыми принципами парламентаризма.

В отличие от Парламента – Национального собрания Республики Беларусь – этот институт более многочисленный, что позволяет расширить представительство и участие людей в принятии стратегических решений. Согласно Конституции Республики Беларусь и закону «О Всебе-

лорусском народном собрании» его делегатами являются: Президент Республики Беларусь; Президент Республики Беларусь, прекративший исполнение своих полномочий; представители законодательной, исполнительной и судебной власти; представители местных Советов депутатов (предельная численности 350 человек); представители гражданского общества (предельная численность 400 человек). Предельная численность делегатов Всебелорусского народного собрания составляет 1200 человек [2, 3].

Практика функционирования ВНС позволяет сделать предположение о расширении представительности, в частности женщин и молодежи. Например, в составе Палаты представителей II созыва женщины составляли 10,9 % от общего состава палаты, III созыва – 27,7 %, IV созыва – 31,8 %, V созыва – 26,3 %, VI созыва – 34,5 %, то VII созыва – 40 %, доля женщин – членов Совета Республики уменьшилась с 31,2 % в 1996 г. до 23,4 % в 2019 г. от общего числа членов Совета Республики. В Палате представителей Национального собрания Республики Беларуси II и III созывов был 1 депутат в возрасте до 31 года, в IV–VI созывах – 0, в VII созыве – 2. Делегатами V Всебелорусского Народного собрания стали 33, 1 % женщин, представители молодежи до 30 лет – 8 %, VI Всебелорусского Народного Собрания – женщины составили – 36,4 % женщин и 6,3 % – молодежь до 30 лет [1, 4, 5, 7].

Являясь высшим представительным органом, ВНС утверждает основные направления внутренней и внешней политики, военную доктрину, концепцию национальной безопасности; утверждает программы социально-экономического развития Республики Беларусь; предлагает изменения и дополнения в Конституцию Республики Беларусь; предлагает проведение республиканских референдумов; вправе рассматривать вопрос о легитимности выборов; вправе ввести на территории Республики Беларусь чрезвычайное или военное положение при наличии оснований, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь, и в случае бездействия Президента Республики Беларусь по этим вопросам и др. (ст. 893 Конституции) [2].

ВНС наделяется контрольными полномочиями: например, ежегодно заслушивает Премьер-министра Республики Беларусь о выполнении утвержденной ВНС программы социально-экономического развития Республики Беларусь; имеет право направить вопросы Премьер-министру Республики Беларусь о выполнении программы социально-экономического развития, ответы на которые должны быть в информации Премьер-министра; по итогам заслушивания Премьер-министра Республики Беларусь Всебелорусское народное собрание вправе внести в Совет Министров Республики Беларусь предложения по вопросам вы-

полнения программы социально-экономического развития Республики Беларусь (ст. 15 закона «О ВНС»); право на участие в процедуре импичмента Президента Республики Беларусь (ст. 19) [3].

Властные полномочия закреплены ст. 893 Конституции Республики Беларусь: Всебелорусское народное собрание избирает Председателя, заместителя Председателя и судей Конституционного Суда Республики Беларусь, Председателя, заместителей Председателя и судей Верховного Суда Республики Беларусь, Председателя и членов Центральной избирательной комиссии [2].

Несмотря на широкие полномочия ВНС, оно не подменяет собой парламент, как ключевой элемент парламентаризма. Национальное собрание Республики Беларусь – это представительный и законодательный орган, выполняющий, прежде всего законодательную функцию (ст. 97 Конституции Республики Беларусь). В области законотворчества ВНС может только обратиться в Палату представителей с законодательной инициативой (ст. 16 закона).

Важное значение имеет ст. 4 Закона, закрепляющая положение о том, что при осуществлении своих полномочий, ВНС не вправе подменять государственные органы, иные организации и должностных лиц, выполнять их функции, а также вмешиваться в их деятельность. На этот аспект отдельное внимание обращал Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко во время проведения совещания по вопросам формирования ВНС и изменения избирательного законодательства 20 октября 2022 г.: «Всебелорусское народное собрание должно заниматься своими вопросами – теми, которые не будут входить в компетенцию других органов власти» [6]. Таким образом, ВНС, имея широкие полномочия, вписывается в систему разделения властей, сдержек и противовесов, отрицая не единство власти, а единовластие.

Необходимо отметить, что одной из существенных черт парламентаризма является его ориентация на переговорный процесс и поиск компромисса. ВНС за годы своего существования зарекомендовало себя как переговорная площадка для решения наиболее важных вопросов жизни государства, выработки компромиссов и определения приоритетных направлений развития общества.

Конституционное закрепление Всебелорусского народного собрания является показателем того, что парламентаризм в Республике Беларусь открыт для дальнейшего развития. Функционируя в каждой демократической стране мира, политико-правовой институт парламентаризма имеет свои особенности, обусловленные государственным устройством и историческими традициями.

Библиографические ссылки

1. Депутатский корпус. Седьмой созыв (с 06.12.2019 по настоящее время) [Электронный ресурс] // Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь. URL: <http://www.house.gov.by/ru/sozyvy-ru/view/sedmoj-sozyv-18/>. (дата доступа: 23.03.2023).

2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп. , принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. [Электронный ресурс] Национальный правовой интернет-портал. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. (дата доступа: 23.03.2023).

3. О Всебелорусском народном собрании : Закон Респ. Беларусь, 7 февр. 2023 г., № 248-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300248&p1=1>. (дата доступа: 23.03.2023).

4. Пятое Всебелорусское народное собрание начало работу сегодня во Дворце Республики в Минске [Электронный ресурс] // Лоеўскі край. Региональный портал. URL: <http://www.loevkraj.by/2016/06/pyatoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie-nachalo-rabotu-segodnya-vo-dvorce-respubliki-v-minske/>. (дата доступа: 23.03.2023).

5. Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь. URL: <http://www.sovrep.gov.by/ru/senators-ru/>. (дата доступа: 23.03.2023).

6. Совецание по вопросам формирования Всебелорусского народного собрания и изменения Избирательного законодательства [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-po-voprosam-formirovaniya-vsebelorusskogo-narodnogo-sobraniya-i-izmeneniya-izbiratel'nogo-zakonodatelstva>. (дата доступа: 23.03.2023).

7. Состав делегатов VI Всебелорусского народного собрания [Электронный ресурс] // Белорусское телеграфное агентство. URL: <https://www.belta.by/infographica/view/sostav-delegatov-vi-vsebelorusskogo-narodnogo-sobranija-23837>. (дата доступа: 23.03.2023).

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СТАТУС ГОРОДА МИНСКА МЕЖДУ РЕГИОНОМ И ГОРОДОМ

А. Г. Арутюнов

Аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова, член Совета по региональному развитию РАПН, Москва, Россия, anton.arutynov.98@mail.ru

Рассматривается развитие статуса города Минска, а также вопрос его позиционирования внутри страны относительно других регионов, на международной арене. Приводятся элементы анализа дихотомии существования Минска одновременно как региона и как города, выявляются особенности этого статуса посредством изучения нормативной базы и действительных политических процессов. Город Минск выстраивает сложные политические коммуникации, используя одновременно статус города и региона с внешними акторами по средствам договоров и соглашений о партнёрских связях (город-партнёр) и побратимстве, а также путём участия в рамках Форума регионов России и Беларуси.

Ключевые слова: город Минск, Республика Беларусь, столица, административно-территориальное деление, регионы.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT IN THE ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL DIVISION OF THE REPUBLIC OF BELARUS: THE STATUS OF THE CITY OF MINSK, BETWEEN A REGION AND A CITY

A. G. Arutynov

Postgraduate student of Lomonosov Moscow State University, Member of the Council for Regional Development of RAPS, Moscow, Russia, anton.arutynov.98@mail.ru

The development of the status of the city of Minsk is considered, as well as the issue of its positioning within the country, relative to other regions, as well as in the international arena. The elements of the analysis of the dichotomy of the existence of Minsk both as a region and as a city, as well as some features of this status through the regulatory framework, and actual political processes are presented. The city of Minsk builds complex political communications, using simultaneously the status of a city and a region with external actors by means of agreements and agreements on partnership (partner city) and twinning, as well as by participating in the Forum of the Regions of Russia and Belarus.

Keywords: Minsk city, Republic of Belarus, capital, administrative-territorial division, regions.

Город Минск является столицей Республики Беларусь, при этом является городом республиканского подчинения, а не областного, как большинство городов Беларуси, своеобразным административным центром Минской области, не входя в неё. Помимо общегосударственных органов власти Республики Беларусь территориально в Минске расположены также и органы власти самого Минска и Минской области. Это закреплено в нескольких нормативных актах Республики Беларусь, в первую очередь это Конституция Республики Беларусь и Устав города Минска. К примеру, в Конституции Республики Беларусь [1] Минск упоминается два раза как город (статья 20 о столице Республики Беларусь) и 6 раз в контексте регионального деления Республики Беларусь по типу: «областей и города Минска» или «на территории соответствующей области, города Минска» (в значении «или Минска»). Устав города Минска на момент публикации (2023 г.) действует в версии 2001 г., хотя подвергался существенным изменениям в 2003 и 2008 гг. В Уставе чётко прослеживается линия отделения от Минской области и функционирования как самостоятельной единицы АТД Республики Беларусь. В рамках работы Исполнительного комитета Минска и Минского городского совета они наиболее приближены по своим полномочиям к областным комитетам, а не к местным органам власти. Эта тенденция отмечена и в Законе Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», где подчёркивается, что Минский городской совет обладает правами совета базового уровня. Закон Республики Беларусь «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь» от 5 мая 1998 г. № 154-З отождествляет Минск и области, а также рассматривает Минск и как город. Минская область имеет все органы власти, в первую очередь, такие как Исполнительный комитет и Минский областной Совет Депутатов, они физически располагаются в городе Минск, хотя сам Минск территориально не включён в эту область, то есть Минск является анклавом в Минской области, проницаемым фактическим территориальным нахождением органами власти другого региона.

В то же время, если рассматривать реальную картину политических процессов Республики Беларусь, специфика Минска как мегаполиса и центра агломерации вливается в общебелорусскую модель (укладываясь в политический процесс особого функционирования столицы). Органы власти Минска не отделяются ни от других регионов страны, ни от всей страны в целом. Председатель Исполнительного комитета Минска и Минский Совет депутатов полностью вписаны в весьма сбалансированную и иерархизированную систему управления Республики Беларусь.

Несколько другую картину мы видим при международном представительстве Минска. Отметим, функции международного общения и официальной коммуникации от лица Республики Беларусь сосредоточены в общегосударственном ведении и в рамках унитарной модели не перераспределяются. Тем не менее, существует узкое, но эффективное окно общения по экономическим, гуманитарным и культурным вопросам. Минск имеет большое количество договоров о побратимстве (к примеру, один из самых хорошо работающих является договор о побратимстве с Санкт-Петербургом), а также договоров о сотрудничестве или меморандумов о партнёрстве (иногда районов Минска) с другими городами. Договоры о побратимстве с крупными городами осуществляются и реализуются гораздо лучше, чем соглашения и меморандумы о сотрудничестве и партнёрстве с малыми по численности населения городами, а если город позиционирует (и является) регионом, как в случае с Санкт-Петербургом, то связи выстраиваются наиболее эффективно. Кроме того, в рамках Форума регионов России и Беларуси выстраивается модель международного образа Минска именно как региона. Здесь прослеживается чёткий тренд на самопрезентацию Минска как региона.

Таким образом, исследования регионов не только федераций, но и унитарных государств показывают, что столицы стремятся обособляться от регионов к ним прилегающих или даже выйти из состава слишком больших по площади регионов, воспринимая руральные и оторванные от основной агломерации зоны как своеобразный бюджетный балласт. Баланс элит в регионах всегда достаточно сложен [2, с. 101], даже если этот регион является столичным. Эти же процессы можно наблюдать, к примеру и в России, если рассматривать политическую историю Москвы и Санкт-Петербурга (генезис отдельных Московской и Ленинградской областей) второй половины двадцатого века. Минск также существовал в духе тех тенденций, но сумел сохранить ту самую двойственную природу города и региона, не только в рамках более формальных факторов (как в случае российского опыта), но и в политической реальности.

Библиографические ссылки

1. Конституция (Основной Закон) Республики Беларусь / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. (дата доступа: 10.03.2023).
2. Михайличенко Д. Г., Евдокимов Н. А., Крылов Е. В., Иванов В. Г. Интенсивность взаимодействия региональной власти и общества в условиях сверхцентрализации (анализ рабочих поездок глав и губернаторов регионов в 2019 году) // PolitBook. 2020. № 1. С. 101-112.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ВЫБОРОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Н. П. Денисюк

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии юридического факультета БГУ, г. Минск, Беларусь, nina.denisyuk.1948@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные направления совершенствования института выборов в Республике Беларусь в контексте изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь, принятых на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г.

Ключевые слова: Конституция, выборы, Избирательный кодекс, избирательные округа, единый день голосования, избирательные комиссии.

TRANSFORMATION OF THE INSTITUTE OF ELECTIONS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

N. P. Denisyuk

Associate Professor of Department of Political Science, Law Faculty, Belarusian State University, Minsk, Belarus, nina.denisyuk.1948@mail.ru

The article discusses the current directions for improving the institution of elections in the Republic of Belarus in the context of amendments and additions to the Constitution of the Republic of Belarus, adopted at the republican referendum on February 27, 2022.

Keywords: Constitution, elections, Electoral Code, constituencies, single voting day, election commissions.

В современных государствах выборы являются важнейшей составной частью политического процесса. Процедура выборов регламентируется электоральным законодательством каждой страны, которое тесно связано с формой правления, традициями, политической культурой граждан. Потому электоральные законы перестают соответствовать своим целям по мере того, как меряются другие институты государства. Так, в соответствии с изменениями и дополнениями Конституции Республики Беларусь, принятыми на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г., высшим представительным органом народовластия является Всебелорусское народное собрание. Формирование данного института

политической системы страны, его функционирование влияет на изменения избирательного законодательства [1].

Как отмечает А. Н. Бодак, судья Конституционного суда, «поправки, внесенные в Основной Закон на референдуме 2022 г., были продиктованы необходимостью построения стабильной и эффективной системы органов публичной власти, основанной на демократическом принципе народовластия, в связи с чем особую важность приобретает обеспечение надлежащего функционирования избирательной системы на всех уровнях организации власти» [2, с. 7].

В Республике Беларусь проведение выборов и референдумов регулируется Конституцией страны и Избирательным кодексом. Избирательный кодекс был принят в 2000 г. и несколько раз редактировался. 16 февраля 2023 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко подписал Закон «Об изменении Избирательного кодекса Республики Беларусь». С учетом обновленной Конституции и правоприменительной практики проведена корректировка норм Избирательного кодекса [3].

Вводятся дополнительные требования к кандидатам в депутаты. Речь идет о недопустимости наличия гражданства иностранного государства, карты поляка и других подобных документов. В соответствии со статьей 67 Конституции, выборы депутатов проводятся в единый день голосования в последнее воскресенье февраля. В единый день голосования 25 февраля 2024 г. должны состояться выборы депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь восьмого созыва и выборы депутатов местных Советов депутатов двадцать девятого созыва. Срок полномочий Парламента и местных Советов депутатов в соответствии с Конституцией составляет 5 лет вместо прежних четырех лет.

Отдельный раздел Избирательного кодекса устанавливает порядок избрания представителей местных Советов депутатов и гражданского общества во Всебелорусское народное собрание. Местные Советы будут представлены депутатами от местных Советов депутатов областного, базового и первичного уровней каждой области, а также депутатами Минского городского совета в полном составе. Субъекты гражданского общества будут самостоятельно избирать делегатов из числа своих членов на заседаниях их высших органов. Проведение первого заседания Всебелорусского народного собрания предусмотрено не позднее 60 дней после единого дня голосования.

Меняется в сторону упрощения процедура выборов. Так, изменилось время голосования в досрочный период. Если раньше голосовали с 10 до 14 часов, затем был перерыв и голосование продолжалось с 16 до 19 часов, то сейчас досрочное голосование проводится без перерыва с 12

до 19 часов. Оптимизирована система избирательных комиссий. Так, Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов переименована в Центральную избирательную комиссию. Изменен порядок формирования ЦИК: избрание (освобождение от должности) Председателя и иных членов ЦИК отнесено к компетенции Всебелорусского народного собрания (по предложению Президента, предварительно согласованному с Президиумом Всебелорусского народного собрания). Не будут формироваться избирательные комиссии за рубежом.

Отменен порог явки избирателей для признания выборов в Палату представителей состоявшимися. Для выборов в местные Советы депутатов порог явки избирателей был отменен в 2010 г. Запрещена фото и видеосъемка заполненного бюллетеня. Увеличены размеры фондов кандидатов, которые они вправе создавать для финансирования расходов, связанных с избирательной кампанией. Изменено количество подписей избирателей, необходимых для выдвижения кандидата в депутаты местного Совета: не менее 1 % избирателей, проживающих на территории округа, но не менее 10 подписей.

Изменен порядок образования избирательных округов. Округа по выборам в областные советы и Минский городской совет должны войти в округа по выборам в Палату представителей, не пересекая их границ. Это позволит не создавать около 360 комиссий, функции которых передаются 110 окружным комиссиям по выборам депутатов Палаты представителей. Уменьшение количества округов и избирательных комиссий позволит сократить расходы на финансирование выборов.

Существенно меняются требования к кандидатам на пост Главы государства. Так, в соответствии со статьей 80 Конституции Республики Беларусь, с 35 до 40 лет увеличен возрастной ценз для кандидатов в Президенты и с 10 до 20 лет – ценз оседлости. Не может быть избрано Президентом лицо, имеющее или имевшее ранее гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ иностранного государства, дающий право на льготы и другие преимущества. В соответствии со статьей 81 Конституции Республики Беларусь, одно и то же лицо может быть Президентом не более двух сроков.

Контроль конституционности проведения выборов возложен на Конституционный суд, а вопрос их легитимности – на Всебелорусское народное собрание. В случае признания выборов не соответствующими Конституции или нелегитимными Центральная избирательная комиссия будет назначать повторные выборы.

Библиографические ссылки

1. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Минск: Национальн. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2022. 80с.

2. *Бодак А.Н.* Конституционно-правовые аспекты совершенствования избирательной системы в Республике Беларусь на современном этапе / А.Н. Бодак // *Право.by*.2022.№ 6(80). С. 5-15.

3. Избирательный Кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 11 февр. 2000 г., № 370-З: принят Палатой представителей 24 янв. 2000 г.: одобрен Советом Респ. 31 янв. 2000 г. // *Эталон-Беларусь* [Электрон. ресурс] / Национальн. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Л. Е. Земляков¹⁾, А. В. Шерис²⁾

¹⁾ доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии БГУ,
Минск, Беларусь, polit_bsu@mail.ru

²⁾ кандидат политических наук, заместитель директора НПООО «ОКБ ТСП»,
Минск, Беларусь, sherisav@okbtsp.com

Статья посвящена институционализации идеологии белорусского государства. В работе акцентируется внимание на понятийно-категориальном аппарате («институционализация», «идеология», «идеология белорусского государства»). Комплексно и системно рассматриваются этапы формирования, становления и развития идеологии белорусского государства. Особое место в статье отводится рассмотрению закрепления в Конституции Республики Беларусь и Концепции национальной безопасности Республики Беларусь термина «идеология белорусского государства».

Ключевые слова: институционализация, идеология, идеология белорусского государства, этапы формирования, становления и развития идеологии белорусского государства, закреплённые институционально (в Конституции Республики Беларусь и Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, посланиях Президента Беларуси).

THE INSTITUTIONALIZATION OF THE IDEOLOGY OF THE BELARUSIAN STATE

L. E. Zemliykov¹⁾, A. V. Sheris²⁾

¹⁾ doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science of law faculty of the Belarusian State University, Minsk, Belarus, polit_bsu@mail.ru

²⁾ candidate of Political Sciences, Deputy Director of NPOOO OKB TSP,
Minsk, Belarus, sherisav@okbtsp.com

The article is devoted to the institutionalization of the ideology of the Belarusian state. The work focuses on the conceptual-categorical apparatus ("institutionalization," "ideology," "ideology of the Belarusian state"). The stages of the formation, formation and development of the ideology of the Belarusian state are comprehensively and systematically considered. A special place in the article is given to the consideration of the consolidation of the term "ideology of the Belarusian state" in the Constitution of the Republic of Belarus and the Concept of National Security of the Republic of Belarus.

Keywords: institutionalization; ideology; ideology of the Belarusian state; stages of formation; formation and development of the ideology of the Belarusian state, enshrined

institutionally (in the Constitution of the Republic of Belarus and the Concept of National Security of the Republic of Belarus, messages of the President of Belarus).

В настоящее время большинство государств мира, разрабатывая и осуществляя свою политику, руководствуются какой-либо идеологией, придерживаются определенных идейных установок. Развитие белорусского общества за последние десятилетия привело к трансформации основных сфер человеческих отношений: собственности и власти, культуры и нравственности, исторических традиций, религии, труда. В ряду глубоких социальных преобразований и фактор идеологии, общественное положение и содержание которого существенно изменились.

Идеология, как известно, будучи теснейшим образом связанной с политикой, ориентирована на существующие политические реалии и действия, на политический процесс. Именно идеология устанавливает связь между мировоззрением, нормами и поведением людей, придает смысл изменениям и преобразованиям, происходящим в обществе и государстве. Политические интересы и цели, воплощенные в идеологии, составляют исходный элемент в поликомпонентной структуре политики. В своей сущности идеология предстает как относительно систематизированная совокупность идей, представлений, целей и ценностей, в которых различные субъекты идеологических взаимодействий и отношений – государственные институты, общественные объединения, индивиды выражают свои идеологические интересы и притязания.

Институциональное оформление такого сложного и трудно концептуализируемого феномена как идеология белорусского государства, и о её месте в качестве геосистемы факторов формирования, становления и развития Республики Беларусь невозможно рассматривать без обращения к понятийно-категорийному ряду. И прежде всего к термину «институционализация».

Институционализация – «формирование новых социальных институтов в границах существующей системы в связи с процессом адаптации индивидов и коллективов к её нормативным требованиям, в результате которых формируются социально-психологические механизмы, которые обеспечивают её стабильность и устойчивость. Этапы процесса институционализации: возникновение в обществе факторов разрешение которых требует совместной целенаправленной деятельности людей; формирование у членов общества общих целей и мотивов; осуществление пробных действий и отбор наиболее успешных из них в качестве общих правил; формирование у граждан традиционных форм деятельности; укрепление и канонизация общих правил; выработка общественных санкций на их

поддержку; материализация и символизация институциональных форм деятельности» [1, с. 167-168].

Стоит оговориться, что речь в данной статье идет не о какой-либо определенной идеологии, взятой за основу. Как известно, Конституция Республики Беларусь содержит запрет на установление идеологии политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп в качестве обязательной для граждан. Речь идёт об идеологии как о системе ценностей, представлений, национальном и культурном самосознании народа, то есть более сложной материи, которая, без сомнения, существует в каждом государстве и обществе.

Идеология – «система исторически установленных взглядов и идей определенной группы людей, традиционных, приобретенных или обусловленных логикой конкретной ситуации средств, форм и методов их заинтересованной, обусловленной деятельности по достижении каких-либо целей, интересов, приоритетов, которые направлены на сохранение или изменение существующего общественного строя» [1, с. 158].

Идеологическую основу государства составляют различные теории, концепции, идеалы, взгляды субъектов политической системы. Разработанность и соответствие идеологических оснований реальным устремлениям и чаяниям населения приводит государства либо к процветанию, либо к краху. Идеологические основы государства закрепляют ценностные ориентации, которые цементируют государство вокруг себя.

Взгляд на идеологические основы только как на духовное образование не соответствует реалиям так как свое выражение они находят в первую очередь в государственных документах, касающихся практических вопросов развития страны. Идеологические воззрения закреплённые институционально (в Конституции Республики Беларусь, Концепции национальной безопасности, Посланиях Президента и других государственных документах) являются идеологическими основами и ориентирами государства.

Формирование, становление, укрепление и развитие институциональных идеологических основ и ориентаций современного белорусского государства, на наш взгляд, имеет несколько этапов.

Первый этап представляют принятые в то время государственные нормативные документы: «Декларация о государственном суверенитете Белорусской ССР» (27.07.1990), закон «Об основных принципах народо-властия в Белорусской ССР» (27.02.1991), закон «О придании статуса конституционного закона Декларации Верховного Совета Белорусской ССР о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики» (25.08.1991), Постановление Верховного Совета БССР «Об обеспечении политической и экономической самостоятельно-

сти Белорусской ССР», закон «О названии Белорусской ССР» (19.09.1991), Конституция Республики Беларусь (15.03.1994г.), Республиканский референдум (14.05.1995), Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (27.03.1995), которые имели общеполитическую ценностную значимость и содержали идеологические ориентиры, направленные на становление новой политической системы, непосредственно вносили новые структурные и организационные элементы в формирование основ идеологии белорусского государства [2; 3].

Характерные для второго этапа формирования идеологических ориентиров и основ идеологии белорусского государства является инициированный Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко республиканский референдум (24.11.1996) за принятие Конституции Республики Беларусь 1994 г. с изменениями и дополнениями. На основании результатов референдума Конституция принята в новой редакции (наряду с ранее предусмотренными нормами о разнообразии форм собственности, политическим плюрализмом, приоритете общепризнанных принципов международного права, судебной защите гражданами своих прав и свобод перераспределены полномочия между Президентом, Парламентом и Правительством, расширены некоторые права и свободы и др.). На референдуме было поддержано перенесение Дня независимости Республики Беларусь (Дня Республики) с 27 июля на 3 июля – День освобождения Беларуси от гитлеровских захватчиков в Великой Отечественной войне [4].

Основой третьего этапа институционализации идеологии белорусского государства стал доклад Президента Республики Беларусь «О состоянии идеологической работы и мерах по её совершенствованию» на постоянно действующем семинаре руководящих работников республиканских и местных государственных органов в 2003 г., в котором был поставлен вопрос о необходимости систематической разработки идеологии белорусского государства: «Общество не может существовать без целостного свода идей, ценностей и норм, объединяющих всех граждан. Государство без идеологии, как и человек без мысли, не может жить и развиваться, тем более противостоять внутренним и внешним угрозам» [5, с. 5].

Концепция Национальной Безопасности Республики Беларусь (Утверждена Указом Президента Республики Беларусь № 575 от 09.11.2010) которая, по существу, укрепила один из этапов институционализации, отмечает, что «общечеловеческие ценности и национальные духовные традиции нашли отражение в идеологии белорусского государства, базовыми принципами которой являются единство нации, социальная справедливость, солидарность, нравственность» [6, с. 12].

Одним из факторов институционализации идеологии белорусского государства стала статья ныне действующей Конституции Республики Беларусь, в которой вместо слов «многообразие идеологий» в прежней редакции статьи закреплён термин «идеология белорусского государства». Современное содержание этой статьи: «Демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства, а также многообразия политических институтов и мнений. Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан» [7].

Таким образом, идеология белорусского государства на настоящем этапе развития страны стала философско-политической основой становления и развития современного белорусского государства и общества. Она является ориентиром, указывающим общее направление и цель движения современного белорусского государства и общества, проясняет смысл исторического и политического развития нашего народа. Хотелось бы пожелать, чтобы закрепление на конституционном уровне основ идеологического суверенитета Республики Беларусь (концепта «идеология белорусского государства») не осталось декларативной нормой, а повлекло за собой качественное изменение государственной политики в этой области и, прежде всего, в сфере образования.

Библиографические ссылки

1. Шынкароў В.В., Раманавы С.В. Беларускі палітычны слоўнік. Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2011. 576 с.
2. Конституция Республики Беларусь / Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 30 марта 1994 г. № 9 (119). 64 с.
3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Минск, 1995.
4. Конституция Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями). Принята на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г. Минск: Амалфея, 2000. 48 с.
5. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию : материалы постоянно действующего семинара руководящих работников респ. и местных гос. органов. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2003. 191 с.
6. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Утверждена Указом Президента Республики Беларусь № 575 от 09.11.2010. Минск: Белорусск. Дом печати, 2011. 48 с.
7. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Минск: Национальн. центр правовой информации Республики Беларусь, 2022. 80 с.
8. Доклад Президента Республики Беларусь на VI Всебелорусском народном собрании [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie>. (дата доступа: 22.03.2023).

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ И СВОБОД В ЦИФРОВОЙ КОНЪЮНКТУРЕ

С. С. Олесько

*аспирант кафедры конституционного права юридического факультета БГУ, Минск,
Беларусь, daruta05@live.com*

Отмечается взаимосвязь права и политики, характер их воздействие друг на друга. Определяется специфика конституционного политико-правового консенсуса в условиях цифровизации. На примере таких конституционных ценностей как свобода массовых мероприятий, свобода слова и общественный порядок показывается наличие состояния ценностного дисбаланса в цифровой конъюнктуре. Предлагается решение проблемы.

Ключевые слова: конституция; основной закон; политические права и свободы; конституционные ценности; баланс конституционных ценностей; цифровизация.

ENSURING A BALANCE OF CONSTITUTIONAL VALUES IN REALIZATION OF POLITICAL RIGHTS AND FREEDOMS IN THE DIGITAL CONDITION

S. S. Aleska

*postgraduate student of the Department of Constitutional Law Faculty
of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus, daruta05@live.com*

The relationship between law and politics, the nature of their impact on each other is noted. The specifics of the constitutional political and legal consensus in the context of digitalization are determined. On the example of such constitutional values as freedom of mass events, freedom of speech and public order, the existence of a state of value imbalance in the digital environment is shown. A solution to the problem is proposed.

Keywords: constitution; the basic Law; political rights and freedoms; constitutional values; balance of constitutional values; digitalization.

Право и политика – важнейшие социальные регуляторы общественных отношений, возникшие примерно одновременно с образованием государственности. Названные феномены сосуществуют в параллельных системах, тем не менее, не способны обойтись друг без друга, поскольку связаны единым началом. Обратимся к концептуальному вопросу общей теории государства и права: может ли право существовать без государ-

ства? Аналогичным образом вопрос может быть поставлен и в отношении политики.

Парадокс права и политики состоит, в частности, в том, что время от времени они пересекаются, и то, кто из них «победит», не всегда становится предсказуемым итогом. В демократическом строе право, в первую очередь конституционное, призвано сдерживать властолюбие, политическую волю и силу в заданных им рамках, гарантируя народу свободу и независимость, защищённость от угнетения. Тем самым право «усмиряет» политику. В то же время, в работу могут включаться политические средства регулирующего воздействия, прежде всего тогда, когда правовые средства по тем или иным причинам не дают ожидаемого от них эффекта и, таким образом, не позволяют получить соответствующий результат. В этом смысле политика «усмиряет» право. Сегодня равным счётом не изменилось ничего.

С момента возникновения конституционализма порядок и отношения между правом и политикой «консервирует» конституция (основной закон). Конституция признаётся как фундаментальным нормативным актом, обладающим высшей юридической силой и верховенством на территории государства, в котором действует, так и важнейшим политическим документом. В этом проявляется политическая функция Основного закона.

Конституционный консенсус между правом и политикой определяет значение и порядок осуществления политических прав и свобод личности. Так, в части первой статьи второй Конституции Республики Беларусь права и свободы личности, а также гарантии их реализации провозглашены высшими ценностями и целями для общества и государства [1]. Тем самым предопределяется значение обеспечения надлежащей реализации, охраны и защиты таких высших конституционных ценностей как политические права и свободы.

Конституционные ценности – это такие идеалы и представления об организации и развитии общественно-государственного устройства в виде обобщённых ключевых стратегических приоритетов, которые закреплены как вектор конституционного развития в конституции и конституционных законах, а также разъясняются органом конституционного контроля в целях обеспечения оптимального баланса конституционно-правовых интересов личности, общества и государства, обеспечивающего их взаимное развитие. Права и свободы личности, гарантии их реализации на официальном уровне признаются конституционными ценностями, однако последние не сводятся только ним.

В настоящее время личность, общество и государство как основные субъекты конституционно-правовых отношений и носители политиче-

ской воли находятся в непростых условиях: процессы цифровизации коснулись чуть ли не каждого аспекта жизни названных субъектов. Связанные с ними преобразования затронули объектно-субъектный состав и конституционно-правовые институты, разделили жизнь как бы на две стороны – реальную и виртуальную. Теперь следует вести речь о виртуальных личности, обществе и государстве, конституционных правоотношениях не только в реальной, но и виртуальной части жизни, где должны служить праву конституционные институты. В данном симбиозе возникают новые, в том числе «цифровые», конституционные ценности, а существующие – приобретают особенности, переосмысливаются и преобразовываются. Благодаря цифровой конъюнктуре создаются публичность и анонимность, позволяющая совершать латентные поступки. Тем самым повышается и реальная, и предполагаемая опасность указанных поступков для общественных отношений, охраняемых правом. Это, в свою очередь, закономерно ставит во главу угла проблемный вопрос об обеспечении сбалансированности конституционных ценностей в новых реалиях, что прямо пропорционально осложняется теми рисками и угрозами, которые таит в себе неопределённость процессов цифровизации.

Баланс конституционных ценностей – ни равенство, скорее, наоборот, неравенство – состояние ценностной уравновешенности, которое заложено в конституции: в условиях обычного правового режима по отношению ко всем остальным доминируют высшие конституционные ценности – права и свободы личности. Указанное состояние может корректироваться с учётом конкретных объективных жизненных обстоятельств и лишь по основаниям, предусмотренным основным законом: только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод иных лиц (часть первая статьи 23 белорусской Конституции [1]). Это означает, что ценности, которыми можно пожертвовать во благо названных целей, не отрицаются и не исключаются из области конституционной охраны и защиты, их значение не минимизируется. При этом вводимый правовой режим, который должен носить исключительный характер, не может посягать на само существо этих ценностей. Лишь в таком случае соблюдается ценностная соразмерность. В решении данного вопроса прерогатива отведена органу конституционного правосудия.

Цифровизация приводит к гетерархии конституционных ценностей – такому состоянию, при котором они существуют одновременно в реальной и виртуальной частях жизни. Потому логично, что баланс конституционных ценностей должен обеспечиваться в обеих таких жизненных условиях, что, однако, в новых реалиях становится затруднитель-

ным. Рассмотрим пример того, каким образом это сказывается на правоприменительной практике.

В статье 35 Конституции Беларуси закреплена такая конституционная ценность как свобода массовых мероприятий (собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования), не нарушающих правопорядок и права других граждан [1]. Названная ценность гарантирована государством. Порядок организации и проведения таких мероприятий определяется Законом Республики Беларусь от 30 декабря 1997 г. № 114-З «О массовых мероприятиях» [2]. К примеру, пикетирование как массовое мероприятие – это публичное выражение общественно-политических, групповых, личных и иных интересов либо протеста (без шествия) по каким-либо проблемам с или без использования плакатов, транспарантов и других средств. К этому мероприятию приравнивается совместное массовое присутствие в заранее оговоренных общественном месте в установленное время для совершения заранее определённого деяния, организованное, в том числе в глобальной компьютерной сети Интернет либо другой информационной сети, в целях публичного выражения общественно-политических интересов, протеста.

В условиях цифровизации общественный порядок, включая порядок проведения массовых мероприятий, может нарушаться в виртуальной среде. В настоящее время правоприменительная судебная практика идёт по тому пути, что опубликование на различных ресурсах (блогах, социальных сетях, мессенджерах и др.) глобальной компьютерной сети Интернет информации, имеющей разное выражение, о личных политических взглядах, мнениях и убеждениях расценивается в качестве пикетирования и административного правонарушения, которое предусмотрено статьёй 24.23 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, как нарушение порядка организации и проведения массовых мероприятий [3].

Проблема состоит в том, что в Законе «О массовых мероприятиях» не закреплено, что рассматриваемое деяние, совершённое с помощью ресурсов глобальной компьютерной сети Интернет, признаётся пикетированием. Это порождает для граждан неопределённость, которая создаёт предпосылки к «криминализации» виртуальной среды.

Осложняется это тем, что в цифровой конъюнктуре свобода массовых мероприятий тесно связана со свободой мнений, убеждений и их свободным выражением, которые гарантированы государством (часть первая статьи 33 Основного Закона Беларуси [1]). При этом в силу частей второй и третьей статьи 33 Конституции принуждение к выражению убеждений или отказу от них, монополизация средств массовой информации, цензура запрещены [1]. Свобода слова – высшая конституционная

ценность, обуславливающая возможность выражения гражданами своей политической воли.

Приходится констатировать тот факт, что в настоящее время имеется дисбаланс между несколькими конституционными ценностями в цифровой конъюнктуре: свободой массовых мероприятий, с одной стороны, свободой слова – с другой, общественным порядком – с третьей. Обусловлено это тем, что в условиях действующего режима правового регулирования судебной правоприменительной практикой фактически отрицается свобода слова при выражении своего личного политического отношения в виртуальной среде, которая воспринимается публичной сферой. Таким образом, в случае, если данное отношение личности не соотносится с существующей в государстве расстановкой политических сил, с правовой точки зрения оно оценивается правоохранительными органами как административное правонарушение в виде нарушения порядка организации и проведения массовых мероприятий, в частности пикетирования. Это, в свою очередь, при отсутствии контекста, связанного с организацией несанкционированных массовых мероприятий и призывов к ним, противоречит конституционным положениям о свободном выражении мнений и убеждений, а также запрете на принуждение к отказу от последних. Тем самым реальная гарантия осуществления в виртуальной среде свободы слова, признаваемой высшей конституционной ценностью, в настоящее время не обеспечена.

Решения Конституционного Суда Республики Беларусь не определяют то, каким образом необходимо разрешить указанную дилемму. В этой связи интерес представляет особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации к постановлению от 16 июня 2006 г. № 7-П: свобода слова, мнений и убеждений выступает основой политических прав человека; свобода слова, в особенности свобода политической дискуссии, образует основу любой демократической системы, что отражено в позиции Европейского Суда по правам человека [4]. Записать хорошие правила в тексте конституции недостаточно, намного сложнее обеспечить реальное действие и безукоризненное исполнение конституционной теории в правотворчестве и правоприменении.

Таким образом, в целях решения проблемы посредством выявления рисков и угроз в условиях цифровизации следует провести в отношении Закона «О массовых мероприятиях» криминологическую экспертизу, а также конституционный контроль. Положения Закона о пикетировании важно дополнить указанием на возможность проведения рассматриваемого мероприятия в виртуальной среде в установленном порядке, что позволит исключить неоднозначность правовых предписаний.

Видится важным повысить защищённость общественного порядка как конституционной ценности. Так, часть восьмая статьи 11 названного Закона запрещает освещение в СМИ, информационных сетях, в том числе и глобальной компьютерной сети Интернет, в режиме реального времени (то есть прямом эфире) массовых мероприятий, которые проводятся с нарушением установленного порядка, в целях популяризации или пропаганды. За нарушение данного запрета необходимо предусмотреть административную ответственность, закрепив соответствующее положение в статье 24.34 Кодексе об административных правонарушениях, дополнив её частью седьмой.

Библиографические ссылки

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г., внесёнными Законом Респ. Беларусь от 12 окт. 2021 г. № 124-З // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus>. (дата доступа: 04.11.2022).

2. О массовых мероприятиях : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 1997 г., № 114-З // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h19700114>. (дата доступа: 25.11.2022).

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : Закон Респ. Беларусь, 6 янв. 2021 г., № 91-З // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=HK2100091&p1=1>. (дата доступа: 25.11.2022).

4. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 48, 51, 52, 54, 58 и 59 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом Государственной Думы Астраханской области : постановление Конституц. Суда РФ, 16 июня 2006 г. № 7-П // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60952/95e41138a15439047c245bddfafbd478b51f5e09. (дата доступа: 25.11.2022).

ТРАНСФОРМАЦИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

И. С. Ружьин

студент 2 курса БГУ, Минск, Беларусь, isruzhin@gmail.com

В статье рассматриваются санкционные механизмы политики зарубежных государств. Целью данной статьи является выявление взаимосвязи между политической трансформацией белорусского общества и санкционным давлением зарубежных государств на Республику Беларусь. Сделаны выводы о том, что санкционное давление на Республику Беларусь не только полноценная проверка на прочность, но и возможность совершенствования национальной экономики, возможность сотрудничества с новыми партнерами.

Ключевые слова: политическая трансформация; санкционное давление; санкции; зарубежные государства; Союзное государство.

TRANSFORMATION OF THE BELARUSIAN SOCIETY IN THE CONDITIONS OF SANCTIONS PRESSURE OF FOREIGN STATES

I. S. Ruzhin

2nd year student of Belarusian State University, Minsk, Belarus, isruzhin@gmail.com

The article discusses the sanctions mechanisms of the policy of foreign states. The purpose of this article is to identify the relationship between the political transformation of the Belarusian society and the sanctions pressure of foreign states on the Republic of Belarus. Conclusions are drawn that the sanctions pressure on the Republic of Belarus is not only a full-fledged test of strength, but also the possibility of improving the national economy, the possibility of cooperation with new partners.

Keywords: political transformation; sanctions pressure; sanctions; foreign states; Union State;

Политическая трансформация представляет собой постепенные изменения, преобразования, нововведения или переустройство какой-либо стороны общественной жизни, не подрывая основ власти правящего класса, общественного строя и его социально политической структуры [1].

На политическую трансформацию влияют как внутренние процессы, так и внешние. Одним из видов внешнего политического воздействия в современном мире является санкционное давление. Санкционное давление как форма принуждения нацелено на сдерживание политического актора, ограничение свободы его действий или изменение его поведения [2]. Санкционное давление также рассматривают как форму демонстрации экономического и политического влияния в мире [3]. Санкции как механизм воздействия в современной мировой политике стремительно набирают обороты в качестве своеобразной «либеральной альтернативы» прямым военным действиям.

Слово «санкция» является одним из центральных в политическом дискурсе на Западе при обсуждении Беларуси [4]. Впервые Беларусь ощутила на себе санкционное давление в 1997 г. после проведения республиканского референдума 24 ноября 1996 г. Европейский союз принял решение приостановить в одностороннем порядке ратификацию соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Республикой Беларусь. Были ограничены политические контакты, отказано в поддержке белорусской заявки на членство в Совете Европы, сократились объемы технической взаимопомощи [5].

Начиная с 1997 г. после каждого электорального цикла в Республике Беларусь, государство и белорусское общество еще больше сталкивалось с санкционным давлением со стороны западных государств. Введение санкций проводилось под предлогом несоответствия международным стандартам, несмотря на то, что выборы проводилась в полном соответствии с внутренним законодательством и в присутствии международных наблюдателей. Целью санкционного давления являлось изменение белорусского пути развития на выгодный путь западным странам, но не белорусскому обществу.

Республика Беларусь, находясь на геополитическом разломе между Западом и Востоком, представляет особый интерес для расширения политическими акторами своей зоны влияния и обеспечения военно-политического доминирования. Основной вектор санкционного давления западных государств направлен на сдерживание и необходимое ослабление России, а значит и всего западного контура Союзного государства. Санкционное давление на Республику Беларусь показывает, что в основе западной политики «демократизации» и «продвижения прав человека» лежат прагматичные цели обеспечения экономических интересов и получение доступа к рынкам и ресурсам соответствующих государств, без учета основополагающих интересов последних [6].

Односторонние ограничительные меры, при своем разнообразии форм, практически всегда имеют гуманитарные последствия, которые

зачастую являются противоположными заявленным изначально целям. Воздействуя на все общество, санкции сказываются больше всего на самых уязвимых слоях населения – пенсионерах и безработных. Устойчивость общества под воздействием санкций зависит от множества аспектов, среди которых: эффективность государственного управления, развитие институтов гражданского общества, наличие общественной консолидации внутри страны [7].

Следует отметить, что пик политических преобразований в Республике Беларусь приходился на период отмены или приостановки санкций. С 2016 по 2020 гг. развивалось партнерское взаимодействие с западными экспертами и политиками по линии гуманитарного и экономического сотрудничества. Ослабление санкционного давления способствовало активизации гражданских инициатив и выстраиванию партнерских отношений с иностранным бизнесом.

Переломным моментом в отношениях с Западом стал 2020 год, когда после неудачной попытки проведения «цветной революции» в Республике Беларусь начался глубочайший кризис доверия, что отбросило выстроенное ранее плодотворное сотрудничество на многие годы назад [8]. Европейская бюрократия включила «санкционный конвейер» против Беларуси, что показало в очередной раз истинные намерения западных стран (в особенности США и Евросоюза) и подотчетных им оппозиционеров.

Основным местом санкционного противостояния становятся международные площадки, где зарубежные страны используют свое влияние с целью усиления введенных ранее ограничительных мер. В качестве примера можно привести попытки США препятствовать получению финансирования Венесуэлой, Ираном, Кубой и Суданом от Всемирного банка и Международного валютного фонда [9].

Таким образом, в западных столицах продолжают выстраивать отношения исключительно с теми партнерами, которые им удобны, включая оппозиционеров, которые зачастую настроены не просто неконструктивно, а даже радикально по отношению к Республике Беларусь. Политики западных государств убеждены, что в белорусском обществе требуют санкций, хотят иметь проблемы с платежами и ухудшать свой уровень жизни. В это же время, согласно социологическим исследованиям 2022 г., более 70% опрошенных белорусов воспринимают санкции зарубежных стран (в частности США и Евросоюза) против Республики Беларусь и Российской Федерации негативно или скорее негативно [10]. В виду выстраивания диалога только с оппозицией и огромного количества ограничений, западные страны потеряли контроль над реальной оценкой ситуации в белорусском обществе.

Взаимоотношения Беларуси с западными странами в краткосрочной перспективе представляется затруднительным, так как на текущий момент единственным инструментом внешней политики США и Евросоюза остаются санкции и ограничения [11, с.5]. Санкционное давление в отношении Республики Беларусь нельзя назвать продуктивным, основные цели зарубежных стран не достигнуты, а процесс экономической интеграции Союзного государства все больше набирает обороты, укрепляя позиции Республики Беларусь и Российской Федерации на международной арене [12].

Проанализировав деятельность зарубежных государств в отношении Республики Беларусь, следует отметить, что начиная с конца 1990-х гг. оказывалось прямое санкционное давление на белорусское общество и государство. Годы нахождения Беларуси под санкциями закалили белорусское общество, предоставили бесценный опыт развития в кризисных условиях, в которых стоит полагаться на свои собственные силы, уметь налаживать партнерские отношения с различными регионами мира. Санкционное давление на Республику Беларусь – не только полноценная проверка на прочность, но и возможность совершенствования национальной экономики, возможность сотрудничества с новыми партнерами. У Республики Беларусь есть поддержка стратегических союзников, ресурсы для ответных мер, которые белорусское государство принимает для обеспечения защиты национальных интересов. Именно поэтому бесчисленные попытки США, Европейского Союза и других зарубежных стран ограничить Беларусь и радикально трансформировать белорусское общество обречены на провал.

Библиографические ссылки

1. *Хамидова З. Т.* Трансформация политической системы как объективный процесс в развитии государства // Журнал «Проблемы современной науки и образования». 2016. № 28 (70). С.79-81.
2. Макей: годы нахождения под западными санкциями только закалял наше молодое государство [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/amp/politics/view/statija-ministra-inostrannyh-del-vmakeja-v-nauchno-prakticheskom-zhurnale-akademii-upravlenija-pri-527395-2022/> (дата обращения: 15.03.2023).
3. *Манушин Д. В.* Мировая санкционная экономика, санкции, контрсанкции и новая мировая валюта // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т.16 № 2. С.345-367.
4. Совещание по вопросам реализации исторической политики 6 января 2022 г. // Президент Республики Беларусь. Официальный интернет-портал. [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-po-voprosam-realizacii-istoricheskoy-politiki> (дата обращения: 22.03.2023).

5. *Стрежнева М. В., Руденкова Д. Э.* Европейский союз: архитектура внешней политики. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 135 с.
6. *Игумнова Л. О.* Нормативные цели внешней политики Европейского союза // Журнал «Известия Иркутск. гос. ун-та». №1. 2011. С.155-169.
7. Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов социально-экономического развития России / под общ. ред. А.С. Батанова, В.И. Зоркальцева, А.И. Подберезкина, С.П. Стреляева. Москва: По заказу члена Совета Федерации И.В. Иванова – зам. Председателя Комитета Совета Федерации по экономической политике, предпринимательству и собственности, 2005.
8. Беларусь и Соединенные Штаты Америки. МИД Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://mfa.gov.by/bilateral/america/usa_canada/usa/ (дата обращения: 15.03.2023).
9. *Роуз К.Б.* Механизмы и пределы влияния США в МВФ // Журнал «Механизмы и пределы влияния США в МВФ» Федеральн. гос. бюджетн. учреждения науки «Институт научной информации по общественным наукам РАН». 2013. № 2013. С.48-59.
10. Данные социсследования: большинство белорусов хорошо относятся к Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/society/view/dannye-sotsissledovaniya-bolshinstvo-belorusov-horosho-otnosjatsja-k-rossijskoj-federatsii-520018-2022/> (дата обращения: 16.03.2023).
11. *Макей В. В.* Санкционный авантюризм // Научно-практич. журнал Академии управления при Президенте Респ. Беларусь «Проблемы управления» № 3 (85). 2022. С.4-7.
12. Гайдукевич: санкции ЕС в отношении Беларуси и России уже давно ни к чему не приводят [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/gaydukevich-sanktsii-es-v-otnoshenii-belarusi-i-rossii-uzhe-davno-ni-k-chemu-ne-privodyat.html> (дата обращения: 25.03.2023).

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Э. Н. Северин

*Кандидат политических наук, начальник отделения по Брестской области
Белорусского института стратегических исследований, Брест, Республика
Беларусь, severin@bistr.by*

В статье рассмотрен процесс трансформации белорусской политической системы сквозь призму конституционных преобразований. Установлено, что Конституция Республики Беларусь является одним из системообразующих политико-правовых инструментов формирования новой политической реальности. Осмыслена роль Конституции Республики Беларусь как консолидирующего фактора белорусского общества.

Ключевые слова: конституция, политическая система, референдум, гражданское общество, права человека

CONSTITUTIONAL FACTOR OF TRANSFORMATION OF THE POLITICAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS

E. N. Severin

Candidate of Political Sciences, Head of the Department for the Brest Region of the Belarusian Institute of Strategic Researches, severin@bistr.by

The article considers the transformation of the Belarusian political system through the prism of constitutional reform. It is stated that the Constitution of the Republic of Belarus is one of the backbone political and legal instruments for the formation of a new political reality. The article presents a role of the Constitution of the Republic of Belarus as a consolidating factor of the Belarusian society.

Keywords: constitution, political system, referendum, civil society, human rights

На политико-правовом уровне Конституция является выражением суверенитета народа в государственном формате, она демонстрирует как суверенитет государства в международном правопорядке, организацию государственной власти в целом, так и суверенитет акторов внутри государства, выступая важным фактором, определяющим специфику национальной политической системы.

Основной Закон Республики Беларусь не ограничивается закреплением архитектуры власти государства, он охватывает и регулирует все сферы жизнедеятельности общества, налаживая социальный диалог по

таким вопросам, как брак, семья, религия, экономика и т. д. При этом развивается конституционное, гражданское, социальное, уголовное, хозяйственное право, применимое не только в отношениях между органами государственной власти и отдельными гражданами, но и в вопросах взаимодействия государства и институтов гражданского общества.

Вместе с тем, в политической истории Беларуси принятие 15 марта 1994 г. Конституции стало результатом политического компромисса, выразившегося во введении института президентства при сохранении широких полномочий Верховного Совета. Идеи народовластия, разделения властей, верховенства права, приоритета прав и свобод человека заняли значимое место среди конституционных принципов. Конституция Республики Беларусь стала политическим маркером завершения процесса институционализации Беларуси как суверенного независимого государства.

Результатом конституционного референдума 24 ноября 1996 г. в первую очередь стало существенное расширение полномочий и компетенций Президента Республики Беларусь. Кроме того, взамен Верховного Совета был учрежден двухпалатный Парламент – Национальное собрание Республики Беларусь, расширен функционал и сфера ответственности Правительства – Совета Министров, вместо Контрольной палаты создан новый контрольный орган – Комитет государственного контроля, а Конституционный суд, прежде функционировавший в сегменте органов контроля и надзора, вошел в систему судебной ветви власти.

В качестве дополнительного фактора трансформации политической системы следует обозначить конституционное закрепление положений системообразующих нормативно-правовых актов Международного билля о правах человека (Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах).

В целом вышеназванный референдум четко обозначил вектор дальнейшего развития президентской формы правления.

Последующие изменения ст. 81 Конституции в части отмены ограничений на количество сроков переизбрания на должность Президента одного и того же лица были закреплены в Основном Законе по итогам референдума 17 октября 2004 г.

Катализатором очередной конституционной реформы в условиях сложившейся политической реальности стал запрос белорусского общества на принципиально новый социальный договор с государством. 27 февраля 2022 г. 82,86% избирателей, проголосовавших на республиканском референдуме, высказались в поддержку проекта изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь, а уже 15 марта

2022 г. новый формат Основного Закона вступил в силу, став отправной точкой трансформации политической системы на современном этапе.

Наряду с изменением системы цензов и в целом инженерии избирательной системы, ключевым приоритетом обновленного Основного Закона стало придание особого политического статуса Всебелорусскому народному собранию (проходило в 1996, 2001, 2006, 2010, 2016 и 2021 гг.) – высшему представительному органу народовластия Республики Беларусь, определяющему стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающему незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие [1, с. 29]. Согласно ст. 89², делегатами Всебелорусского народного собрания являются:

Президент Республики Беларусь;

Президент Республики Беларусь, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности либо досрочно в случае его отставки;

представители законодательной, исполнительной и судебной власти;

представители местных Советов депутатов;

представители гражданского общества.

Ст. 89³ Основного Закона закрепила за новым представительным органом широкий спектр полномочий и специальных компетенций:

утверждает основные направления внутренней и внешней политики, военную доктрину, концепцию национальной безопасности;

утверждает программы социально-экономического развития страны и заслушивает Премьер-министра об их выполнении;

предлагает изменения и дополнения в Конституцию;

предлагает проведение республиканских референдумов;

вправе рассматривать вопрос о легитимности выборов;

принимает решение о смещении Президента с должности в случае систематического или грубого нарушения им Конституции либо совершения государственной измены или иного тяжкого преступления;

вправе ввести на территории Республики Беларусь чрезвычайное или военное положение при наличии оснований;

по предложению Президента принимает решение о возможности направления военнослужащих, сотрудников военизированных организаций, иных лиц за пределы Республики Беларусь для участия в обеспечении коллективной безопасности и деятельности по поддержанию международного мира и безопасности и др.

Правовой статус, компетенции, порядок формирования Собрания, принципы и организационные основы его деятельности, а также права и

обязанности делегатов были конкретизированы 7 февраля 2023 г. в Законе Республики Беларусь «О Всебелорусском народном собрании» [2].

Таким образом, приобретение Всебелорусским народным собранием конституционного статуса выступает системообразующим фактором становления и развития уникальной модели национальной политической системы с отходом от классических разделения властей и системы сдержек и противовесов, фактором формирования новой политической реальности в Республике Беларусь. Не позднее 29 апреля 2024 г. Всебелорусское народное собрание в новом формате должно начать свою работу.

Дополнительным приоритетом новой редакции основного Закона является конституционализация гражданского общества сквозь призму высшего представительного органа народовластиа Республики Беларусь. Согласно ст. 1 Закона «Об основах гражданского общества» гражданское общество – граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь (далее – граждане), выражающие свою гражданскую позицию посредством участия в общественных отношениях и институтах, не запрещенных законодательством [3].

В соответствии с вышеназванным законом одной из особых форм взаимодействия государственных органов (организаций) и субъектов гражданского общества является избрание делегатов Всебелорусского народного собрания в предусмотренном законом порядке, который закрепляет систему определенных требований к субъектам гражданского общества. В данном контексте правом избрания делегатов в состав Всебелорусского народного собрания будут обладать только субъекты гражданского общества, имеющие областные, Минскую городскую организационные структуры, а также являющиеся республиканскими общественными объединениями, численность совершеннолетних членов которых оставляет не менее 100 000 граждан (для субъектов гражданского общества – общественных объединений); объединяющие не менее половины зарегистрированных в Республике Беларусь профессиональных союзов (для субъектов гражданского общества – профессиональных союзов).

Еще одним важным субъектом гражданского общества являются политические партии. Вместе с тем, несмотря на присутствие 15 партий, особенностью белорусской политической системы является крайне низкий политический вес данных институтов. С целью активизации и повышения эффективности деятельности политических партий, налаживание эффективного механизма взаимодействия с органами государственной власти 14 февраля 2023 г. Президентом был подписан Закон Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам деятельности политических партий и других общественных объединений» [4]. Законодате-

лем были существенно изменены требования для создания и деятельности данных политических акторов: повышен минимальный порог численности для политической партии до 5000 тысяч человек; организационные структуры должны быть представлены в каждой области и г. Минске (представительство не менее 100 человек); при этом политическая партия должна иметь в своей структуре составе районные (городские) организационные не менее чем в одной трети районов (городов) каждой из областей и города Минска; обозначена необходимость перерегистрации действующих политических партий. Политические партии, не прошедшие перерегистрацию, в шестимесячный срок со дня вступления в силу вышеназванного Закона будут подлежать ликвидации на основании решений Верховного Суда Республики Беларусь.

Признавая конституционную ценность гражданского общества, белорусское государство, таким образом, оказывает ему поддержку, необходимую для дальнейшего развития и укрепления. Вместе с тем новая редакция Основного Закона и разрабатываемые на ее основе политико-правовые акты четко актуализировали диалектическую взаимосвязь прав и обязанностей.

Следует констатировать, что процесс трансформации политической системы продолжается. На сегодняшний момент наряду с вышеназванными политико-правовыми актами разработаны законы «Об изменении закона Республики Беларусь “О Национальном собрании Республики Беларусь”», «Об изменении закона Республики Беларусь “О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь”», «Об изменении закона Республики Беларусь “О Совете Министров Республики Беларусь”», «Об изменении Избирательного кодекса Республики Беларусь»; на заключительном этапе принятия находятся законопроекты «Об изменении кодексов по вопросам судостроительства и статуса судей», «Об изменении закона Республики Беларусь “О нормативных правовых актах”», «Об изменении законов по вопросам конституционного судопроизводства». В 2023 г. предстоит разработать и привести в соответствие с Конституцией еще три закона: Закон Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь “О государственных наградах Республики Беларусь”», Закон Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь “О свободе совести и религиозных организациях”», Закон Республики Беларусь «Об изменении законов».

Таким образом, вступление в силу 15 марта 1994 г. Конституции Республики Беларусь и неоднократно вносимые в неё изменения являются ключевым фактором влияния на характер становления и развития белорусской политической системы как на институциональном, так и дру-

гих уровнях данного феномена. В свою очередь процессы, протекающие как внутри, так и вне политической системы, формируют запрос на модернизацию Основного Закона.

Библиографические ссылки

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. 27 февр. 2022 г. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2022. 78 с.

2. О Всебелорусском народном собрании [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 февраля 2023 г. № 248-З / Национальн. правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300250&p1=1&p5=0>. (дата обращения: 20.03.2023).

3. Об основах гражданского общества [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 февраля 2023 г. № 250-З // Национальн. правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300250&p1=1&p5=0>. (дата обращения: 20.03.2023).

4. Об изменении законов по вопросам деятельности политических партий и других общественных объединений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 февраля 2023 г. № 251-З// Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL:<https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H12300251>. (дата обращения: 20.03.2023).

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Е. В. Скакун

Кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии и социологии БрГУ имени А.С. Пушкина, Брест, Беларусь, skakun.ev@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы обеспечения региональной и национальной безопасности Республики Беларусь в условиях геополитической нестабильности. Показано военное сотрудничество России и Беларуси в рамках «региональной» безопасности в качестве восточно-европейской группировки ОДКБ, Союзного государства. Обосновывается необходимость формирования новых подходов к системе региональной и международной безопасности в связи конфликтом, который продолжается на Украине.

Ключевые слова: региональная безопасность, национальная безопасность, Союзное государство, ОДКБ, военное сотрудничество.

REGIONAL SECURITY AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Ye. V. Skakun

Candidate of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Political Science and Sociology, Brest State A.S. Pushkin University, Belarus, skakun.ev@yandex.ru

The article deals with the issues of ensuring regional and national security of the Republic of Belarus in the conditions of geopolitical instability. The military cooperation between Russia and Belarus within the framework of "regional" security as an Eastern European grouping of the CSTO, the Union State is shown. The necessity of forming new approaches to the system of regional and international security in connection with the conflict that continues in Ukraine is substantiated.

Keywords: regional security, national security, Union State, CSTO, military cooperation.

На протяжении всей истории обеспечение «безопасности» активно стояло на политической повестке дня. Над данной проблематикой работало множество политиков и исследователей на государственном и международном уровнях, что в итоге привело к оформлению концепций безопасности, но ни одна из них не является определяющей, так как не затрагивает интересы большинства стран мира. Тоже самое можно сказать

и о подходах, которые были выработаны после Второй мировой войны к понимаю «безопасности».

Однако понятие «безопасность» сформировалось в полной мере и на сегодняшний день понимается как совокупность взаимоотношений между гражданским обществом, народом и представителями властных структур, в основе которых лежат жизненно важные интересы в сфере, как национальных интересов государства, так и социальной политики.

Сегодня приобрело популярность понятие «региональной» безопасности, которая предстаёт перед нами в качестве подсистемы «национальной» безопасности и является важнейшим институтом, обеспечивающим стабильность политического режима и развитие государства.

Система «региональной» безопасности формируется исходя из международной обстановки, социально-экономического развития и внедрения инноваций, модернизации в сфере услуг, а также политических, культурно-ценностных и индивидуальных факторов. Региональный уровень затрагивает все сферы жизни общества, начиная от политики, экономики и заканчивая социальной политики. Его главная цель – защита жизненно важных интересов народа и страны от любого рода угроз.

Для того, чтобы система «региональной» безопасности была эффективна, гибка и подстроена под общемировые тенденции необходимо выработать внутреннюю геополитическую стратегию, которая будет учитывать особенности региона, экономический потенциал, внутренние и внешние фактора развития. Вопросы региональной и национальной безопасности всегда активно стояли и стоят на повестке дня, а учитывая сегодняшнюю международную обстановку, так и вовсе выдвигаются в ранг самых важных на государственном и международном уровне.

Республика Беларусь уделяет вопросам безопасности самое пристальное внимание. Этому свидетельствует тот факт, что проблемы находятся на контроле у Президента страны А. Г. Лукашенко, соответствующие документы становятся предметом обсуждения на высшем государственном уровне. Достаточно упомянуть совещание высшего руководства Республики Беларусь от 27 марта 2017 г., когда было принято решение создать республиканскую систему мониторинга общественной безопасности. В декабре 2017 г. Постановлением Совета министров Республики Беларусь была принята Доктрина национальной продовольственной безопасности (до 2030 г.). В целях обеспечения функционирования и дальнейшего развития республиканской системы мониторинга общественной безопасности был принят Указ Президента Республики Беларусь от 25.02.2022 № 69 «О развитии республиканской системы мониторинга общественной безопасности».

Значительное место обеспечению национальной безопасности отводится в ежегодных Посланиях Президента белорусскому народу и Национальному собранию. Обращаясь 28 января 2022 г. с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию, Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил: «...необходимо вывести на качественно новый уровень систему обеспечения национальной безопасности, особенно в сфере обороны, повышать оснащенность воинских частей вооружением и техникой, обучать личный состав войск современным методам, способам отражения угроз, обучать наших военнослужащих осваивать новые типы вооружений, развивать территориальную оборону» [1].

Политика стран ЕС и НАТО в связи с подходом к границам Республики Беларуси и её союзникам по ОДКБ вынуждает защищать свою национальную безопасность путём военно-политического и экономического сотрудничества в рамках коалиций. В мирных условиях ценность безопасности отходит на второй план и не актуализируется. Социальные потрясения, бедствия, войны, террористические акты обостряют её значение, выводят в число наиболее востребованных людьми и обществом.

Важное место в новых представлениях о безопасности занимают понятия неделимости и взаимной безопасности: безопасность рассматривается как единое целое. Следовательно, главная задача центральной власти состоит в формировании региональной политики с учётом баланса между интересами общества и государства. Обострение глобальных проблем приводит к возрастанию социально-политического кризиса в регионах, а это, как правило, нередко вызывает конфликты на разной почве и приводит к подрыву уже международной безопасности. Поэтому, чтобы преодолевать опасные последствия глобальных проблем, необходимо проводить усиленные мероприятия по поддержанию безопасности в регионах, чтобы не подвергнуть риску свою же «национальную» безопасность.

Если обратиться к Военной Доктрине Республики Беларусь, то Беларусь заинтересована в развитии системы «региональной» безопасности исходя из национальных интересов государств на основе доверия и взаимопонимания.

Концепции национальной безопасности являются важным нормативным документом каждого государства мира, так как в них закрепляются основные ценности, принципы, основные направления, виды безопасности, а также отражается главная цель. Понятие «региональной безопасности» пока ещё не получило широкого распространения, однако Концепция национальной безопасности Республики Беларуси признаёт её в качестве подсистемы.

Проект обновленной Концепции национальной безопасности был вынесен 20 февраля 2023 г. на заседание Совета безопасности во главе с Президентом Беларуси Александром Лукашенко. Глава государства подчеркнул: «Все испытания – это прежде всего опыт. А опыт – это бесценный материал для разработки стратегии дальнейшего развития. Адаптация Концепции национальной безопасности под реалии сегодняшнего дня – вполне логичный и очень своевременный шаг [2].

Серьёзное значение для обеспечения «региональной» безопасности в контексте «национальной» безопасности имеют отношения Беларуси с Россией. Тем не менее, в последние годы имели место быть претензии друг к другу, связанные с «нефтегазовыми», «мясными» и «молочными» войнами, кроме того, иногда приходится конкурировать между собой на внешнем рынке [3, с. 13].

Напряжённая международная обстановка сближает страны и вынуждает действовать коллективно в рамках своей «национальной безопасности», так как очевидно, что справиться с давлением запада без помощи со стороны России не представляется возможным, а России необходим надёжный союзник у западных границ. В этом, пожалуй, весомый плюс Союзного договора, что и не скрывают президенты обеих стран. Принятая в ноябре 2021 г. новая военная доктрина Союзного государства учитывает геополитическую и военно-стратегическую обстановку в Европе, военные угрозы, как традиционные, так и новые: расширение НАТО и наращивание его военного потенциала, технологии «цветных революций» и провоцирования внутренних конфликтов, использование террористических и экстремистских структур, частных военных компаний, вызовы в киберпространстве [4]. Исходя из содержания доктрины, можно сделать вывод в том, что она позволит Беларуси и России системно и солидарно реагировать на существующие в регионе вызовы и угрозы для национальной безопасности обеих стран.

Кроме того, нарастание геополитической нестабильности обуславливает необходимость обновления механизмов противодействия новым вызовам и угрозам для успешной защиты белорусской государственности.

Сотрудничают Россия и Беларусь в рамках региональной безопасности в качестве восточно-европейской группировки ОДКБ. Республика Беларусь выступает за то, чтобы превратить ОДКБ в весомую структуру обеспечения безопасности в регионе, за повышение её эффективности и действенности в нейтрализации новых угроз и вызовов. В сфере военно-политического и военно-технического сотрудничества у Беларуси сложились по-настоящему союзнические отношения, в особенности с Россией, которые являются наиболее продвинутыми в рамках всего спектра

их взаимодействия. ОДКБ является приоритетным направлением во внешней политике Республики Беларусь, так как военная безопасность всегда играла и играет одну из ключевых ролей в существовании государства. Все действия Республики Беларусь в военной сфере направлены исключительно на повышение своей обороноспособности и защиту «национальной» безопасности.

Сегодня Республика Беларусь играет значимую роль в системе региональной безопасности на пространстве стран СНГ и является одним из главных политических акторов на авансцене. Это выражается в том, что страна выстраивает сугубо добрососедские и мирные отношения не только с Россией, но и с союзниками по ОДКБ, а также Китаем, странами Третьего мира, Арабского региона, Латинской Америки. Несмотря на то, что сейчас отношения с ЕС и США находятся в состоянии кризиса, Беларусь не отказывается от диалога с ними.

По действующему Договору между Россией и Беларусью о военном сотрудничестве от 19 декабря 1997 г. военное сотрудничество осуществляется по следующим направлениям: оборонная политика и стратегия; унификация военного законодательства; разработка государственного оборонного заказа, программ вооружения, производства и ремонта военной техники; создание региональной группировки войск и др. Стороны совместно определяют состав группировки региональных войск и порядок управления ею в военное время, взаимодействия входящих в нее сил в мирное время. Отдельные положения соглашения касаются совместных мероприятий по оперативной, мобилизационной и боевой подготовке органов управления и войск региональной группировки, взаимодействия при использовании воздушного пространства, секретности и защиты сведений, передаваемых сторонами друг другу.

Военное решение украинского кризиса российской стороной начиная с 24 февраля 2022 г. в ходе спецоперации по демилитаризации и денацификации Украины, привело к резкому ухудшению отношений с коллективным Западом вплоть до уровня новой «холодной войны». Этот шаг инициировал процесс нового предстоящего расширения Североатлантического Альянса, а также обострение военно-политической напряженности между ОДКБ и НАТО.

В связи с обострением ситуации на границах с НАТО и Украиной для парирования угроз в середине октября 2022 г. на территории Беларуси была создана региональная группировка войск для защиты Союзного государства. В нее вошли около 9 тыс. российских военнослужащих. Министры обороны России и Беларуси 3 декабря 2022 г. подписали протокол между странами о внесении изменений в соглашение о совместном

обеспечении региональной безопасности в военной сфере от 19 декабря 1997 г. [5]. Конфликт, который продолжается на Украине и вокруг нее, – ключевой фактор нынешней неустойчивости и нестабильности в Европе, поэтому необходимы новые подходы к системе региональной и международной безопасности.

Библиографические ссылки

1. Послание Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Респ. Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/aleksandrlukashenko-28-yanvarya-obratitsya-s-ezhegodnym-poslaniem-kbelorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu/>. (дата обращения: 06.02.2023).
2. Заседание Совета Безопасности [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Респ. Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/zasedanie-soveta-bezopasnosti-1676879659/>. (дата обращения: 09.03.2023).
3. Шанишева Л. Н. Субъектная политика Республики Беларусь в системе региональной безопасности // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2018. – Вып. 50(66). – С. 13–15.
4. Русакович: военная доктрина Союзного государства учитывает угрозу расширения НАТО – А. Русакович [Электронный ресурс] // Евразия Эксперт. – 2021. URL: <https://eurasia.expert/voennaya-doktrina-soyuznogo-gosudarstva-uchityvaet-ugrozurasshireniya-nato/>. (дата обращения: 15.02.2023).
5. Москва и Минск внесли изменения в соглашение о региональной безопасности [Электронный ресурс] // URL: https://aif.ru/politics/moskva_i_minsk_podpisali_protokol_ob_obespechenii_regionalnoy_bezopasnosti/. (дата обращения: 10.03.2023).

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ТРАНСФОРМАЦИОННО-ОПЕРЕЖАЮЩЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ф. И. Храмцова

доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь, flura.org@gmail.com

Научно обоснованы и доказаны закономерности трансформационно-опережающего государственного управления (на примере конституционного строительства в Республике Беларусь). Проведен факторно-событийный, компаративистский, эмпирический анализ предмета разработки. Раскрыты особенности, функции трансформационно-опережающего государственного управления. Выявлены партисипативные детерминанты государственно-управленческих решений как имманентной компоненты и движущей силы обеспечения национальной безопасности. Определена критериальная оценка государственной политики опережения в Республике Беларусь.

Ключевые слова: государственное управление, закономерности, национальная безопасность, трансформационно-опережающее управление, эндогенный фактор, экзогенный фактор, партисипация, миссия, идеология государства, организационная структура, конституционное строительство.

REGULARITIES OF TRANSFORMATION-ADVANCED STATE MANAGEMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS

F. I. Khramtsova

Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Public Administration of the Institute of Public Administration of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus, flura.org@gmail.com

The laws of transformational-anticipatory public administration have been scientifically proven (on the example of constitutional construction in the Republic of Belarus). A factor-event, comparative, empirical analysis of the subject of development was carried out. The features and functions of transformational-anticipatory public administration are disclosed. The participatory determinants of state-administrative decisions as an immanent component and driving force of ensuring national security are revealed. The criterion assessment of the state policy of advancing in the Republic of Belarus is determined.

Keywords: public administration, patterns, national security, transformational-anticipatory management, endogenous factor, exogenous factor, participation, mission, state ideology, organizational structure, constitutional building.

В условиях динамики противостояния акторов геополитики России, США и Китая вырос контур силового давления в отношении Беларуси, втягивания в войну, реверсов экономических санкций коллективного Запада и углубления экономической и оборонной интеграции Союзного государства, государств-участников ОДКБ, ШОС по созданию новой конструкции модели глобального мироустройства. Гибридная война США и стран Запада против Беларуси с учетом террористического контекста августа 2020 г. – поствыборной кризисной ситуации, попыток мятежа, блиц-крига свержения конституционного строя, цветных революций, штабной координации западных спецслужб, – все это требует применения стратегии опережения в системе государственного управления.

Трансформационно-опережающее государственное управление (далее – ТОГУ) понимается как адекватная политическая воля акторов обеспечить стратегии опережения угроз конституционному строю, государственности, политической преемственности посредством законодательной процедуры легитимации политических решений, обновления Конституции, партисипации народа как носителя суверенитета. Предпринятый компаративистский анализ общепризнанных теорий, концепций, парадигм, школ преобразования власти (кибернетической, синергетической, институциональной, рискологической, метапарадигмальной) позволяет сформулировать определение феномена. ТОГУ – сингулярно-обновляющаяся организационная структура вертикали публичной политики как антиэнтропийного интеллектуально-когнитивного и прогнозного центра в виде устойчиво-синергетической совокупности трех ветвей власти и новых институтов властной иерархии высшего уровня; целостного единства государственных органов, организаций, должностных лиц, полномочий; идеологии государства как мировоззренческой матрицы социальных свершений, – призванных адаптировать органы государственной власти к взаимообусловленным факторам посредством стратегии опережения:

- эндогенному – изменяющейся восходящей структуры потребностей, законных интересов граждан, запросов институтов гражданского общества на принципах активной, представительной, гражданской, цифровой демократии в условиях развития информационного общества и массовых коммуникаций;

- экзогенному – реверсивной трансформации видов глобальных угроз, геополитической и макроэкономической конкуренции, новых региональных, религиозных конфликтов, международного терроризма и

транснациональной экспансии новых центров как потенциально-неизбежной гибели человечества.

Сформулируем *антиэнтропийную закономерность* ТОГУ, суть которой состоит в эволюции ноогенеза человека, общества, власти как усиления влияния антиэнтропийной интеграции акторов политики, движущей силы экзогенного и эндогенного факторов целостного универсума [1, с.135]. Механизмами опережения систем государственного, межгосударственного, надгосударственного управления выступают региональная, межрегиональная, всеобщая «интеграция государств, координация политических усилий в преодолении эгоцентризма и расизма» посредством опережения угроз общей и национальной безопасности. По мнению П. Т. де Шардена, эволюциониста, философа, палеоантрополога, достижение «целей глобальной социализации» возможно средствами, инструментами «мегасинтеза», «суперкомбинации», «гигантской психо-биологической операции» как действия *всеобщего закона сближения индивидов, групп, общностей, сообществ*, который постулируется как глобальная триадасознания, единения и нового скачка эволюции: 1) эволюция влияет на возрастание политического сознания; 2) возрастание сознания ведет к политическому единению; 3) единение – есть условие нового скачка по главной оси эволюции всего человечества [1, с.193].

В периоды преобразований, в экономике, философии, мировоззрении, демографии, политике выживают «лидеры перемен – те, кто чутко улавливают тенденции изменений и мгновенно приспосабливаются к ним, используя во благо открывающиеся возможности». П. Друкер обосновал *закономерность диалектики эффективного управления в XXI в.*: «Управлять переменами невозможно. Но их можно опережать» [2]. По мнению П. Друкера, задачи менеджмента XXI в., в частности, в сфере государственного управления, – в изменении политических и экономических стратегий предшествующего столетия. В русле методологии П. Друкера, с учетом потребностей социальной и политической реальности выделим триаду принципов опережения.

Принцип *политики созидания будущего*, изменений в организационной структуре управления как императива адаптации политической системы, равновесного баланса перемен и стабильности в общественном развитии.

Принцип *политики инициирования перемен* как функции государства во всех сферах общества, диверсификации экономики, товаров, услуг, рынков.

Принцип *анализа и прогнозирования в условиях неопределенности*, моделирования сценарных вариантов политических решений, оператив-

ного реагирования, кооперации, координации, контроля с участием общества.

На основе интерпретации закономерностей стратегического управления П. Друкера, раскроем сущность принципа трансформационного опережения в управлении, суть которого в необходимости оптимизации организационной структуры государственного управления как логики взаимосвязанных этапов политико-правового обновления институтов власти: 1) Конституции страны; 2) организационной структуры иерархии Высшего руководства; 3) введение конституционных норм как результата открытого, народного обсуждения изменений, поправок; 4) решение вопроса политической преемственности власти; 5) обеспечение национальной безопасности.

Опираясь на инновации Э. Тоффлера, П. Друкера, М. Ковалева, других о категориях «информации», «времени», новых ресурсов превосходящего темпа роста, вследствие синтеза традиционных ресурсов «рабочей силы, энергии, капитала», раскроем возрастание роли в информационном обществе фактора миссии и идеологии государства как человекоцентризма, социальной справедливости как принципов политической организации верховной власти с опережающей стратегией развития, электронным правительством, единым порталом услуг, новых институтов демократии. В геополитической ситуации целесообразность государственной идеологии как атрибута власти состоит в ее практическом применении в целях преобразования идей в социальные рычаги преобразований. Идеология государства «есть матрица человеческих свершений в социальной сфере, преобладающая сила в определении политических целей, источник существования сообщества» [3, с.404].

В этой связи концептуально-методологическую ценность представляют *партисипативные детерминанты* источника, функции трансформационно-опережающего государственного управления, цель которого в охранительно-превентивной политике социальной, национальной безопасности средствами агрегации защиты прав, свобод граждан, национальных интересов. Опираясь на выводы Г. Хакена, И. Пригожина, Э. Морена, других авторов, определим сущность *партисипативной детерминации опережающего управления* как следствия применения синергетических принципов диалогичности власти, транспарентности, рекурсивно-генерирующей петли возрастания культуры участия в принятии консолидированных политических решений в условиях неопределенности, усложнения порога сложности вызовов, угроз [4, с.18]. В условиях перемен, технологических скачков, информатизации происходит адаптация политических систем к угрозам в управлении обществом с целью сохранения преемственности. Демократические государства осу-

ществляют перемещения решений, части полномочий органам местного управления посредством институциональных изменений [5, с.36].

В контексте сформулированных закономерностей ТОГУ предпримем измерение «оптимизации организационной структуры государственного управления» на примере всенародного обсуждения проектов Конституции Республики Беларусь (27.02.2022), Закона о Всебелорусском народном собрании (07.02.2023, № 248-3), Закона об основах гражданского общества (14.02.2023, № 250-3). Раскроем механизм внесения изменений и дополнений, общественных оценок, мнений, предложений средствами информационной, консультативно-правовой, организационно-аналитической, координирующей деятельности органов власти, республиканского, регионального, местного уровня, широкой сети общественных приемных, порталов государственных органов, социальных сетей, мессенджеров. Принципы транспарентности и партисипативности обеспечивают конструктивный диалог органов власти и структур гражданского общества. Преобразования иерархии звеньев, передачи полномочий отражены существенными изменениями и дополнениями в проект Конституции Республики Беларусь. Введен новый раздел IV, главы 3-1 «Всебелорусское народное собрание (ВНС)», изменения других глав, разделов, закреплён конституционный статус ВНС как высшего представительного органа народовластиа.

ВНС как высший политический орган правомочен определять стратегические направления развития общества и государства, обеспечивать незыблемость конституционного строя, преемственность поколений, гражданское согласие. Введены статьи в Главу 3-1 по составу делегатов, полномочиям и регламенту ВНС (89-2, 89-3, 89-4, 89-5, 89-6). Решения ВНС являются обязательными для исполнения на всех уровнях управления. ВНС вменены полномочия отменять правовые акты, решения государственных органов и должностных лиц, противоречащие национальной безопасности, за исключением актов судебных органов. ВНС обладает правом смещения Президента с должности в случае систематического или грубого нарушения Конституции, либо совершения государственной измены или иного тяжкого преступления. К полномочиям ВНС переходит право назначать членов и председателей Верховного и Конституционного судов, Центризбиркома, законодательной инициативы. Предпринимаемая оптимизация организационной структуры ТОГУ, функций высших органов управления в ходе обсуждения и принятия проектов Конституции Республики Беларусь, Закона о ВНС, Закона об основах гражданского общества и др. позволит обеспечить скоординированную с местными властями, гражданским обществом государственную

политику устойчивого развития. Предусмотрен правовой механизм обеспечения защиты конституционного строя и противовесов двоевластию.

Таким образом, феномен ТОГУ отражает признаки фундаментализации институциональных изменений в трех методологических аспектах:

1) *институционализации* новых институтов властной иерархии высшего уровня на уровне всенародного обсуждения и принятия проекта Конституции Республики Беларусь через референдум;

2) *политологической детерминации* развития политической культуры как социально-имманентного фактора национальной безопасности;

3) *детерминации сингулярной точки* отсчета выхода Беларуси, в союзе с Россией, на новый вектор Развития национальной государственности.

Сквозь концептуальную призму отслеживаемой динамики деятельности государственного аппарата, компетенций национальной политической элиты выявлен партисипативный профиль все возрастающего влияния институтов гражданского общества, экспертного сообщества, научных, деловых кругов, медиа-сферы, лидеров партий, молодежных объединений. Качественные изменения динамики партисипации, рекурсивность генерации патриотических идей, социальная сплоченность, высокая харизма, авторитет национального лидера, – все свидетельствует об уникальности опыта конституционного строительства как фундамента мира и созидания суверенной Беларуси.

Библиографические ссылки

1. Шарден П. Т. Феномен человека. Преджизнь. Жизнь. Мысль. Сверхжизнь // Главная редакция изданий для зарубежных стран. – Москва: «НАУКА». 1987. 240 с.
2. Друкер П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке.: Пер. с англ.: М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. 272 с.
3. Жиро Т. Политология / пер. с польск. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр. 2006. 428 с.
4. Морен Э. Метод. Природа Природы. М.: «Канон+»; «Реабилитация», 2013. С. 16-19.
5. Храмцова Ф. И., Сенько А. Н. Стратегии развития регионов в Республике Беларусь. Монография. Минск: Бестпринт, 2019. 268 с.